

Том 2 · # 1 · 2017

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА · 2017

Vol. 2 · # 1 · 2017

**URBAN
STUDIES
AND PRACTICES**

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW · 2017

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Учредитель:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
**«ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции
может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов
возможна только
по согласованию
с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77 - 66568

Распространяется
по подписке:
Каталог агентства
«Роспечать» –
подписной индекс
80353

**Адрес редакции
фактический:**
109028, Москва,
Покровский бульв., 8,
корп. 1, оф. 415
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 725-30-70*5924
e-mail: usp_editorial@hse.ru

**Адрес издателя
и распространителя
фактический:**
117418, Москва,
ул. Профсоюзная, 33, корп. 4
Издательский дом ВШЭ
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
НИУ ВШЭ
тел.: +7 499 611-15-08,
e-mail: id@hse.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
Том 2 · # 1 · 2017

Главный редактор

НОВИКОВ А.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

АРЧЕР Г. (*Capital Perspective*, Российская Федерация)
ВАРШАВЕР Е.А. (РАНХиГС, Российская Федерация)
КОТОВ Е.А. (ВШУ им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ОСТРОГОРСКИЙ А.Ю. (Архитектурная школа МАРШ, Российская Федерация)
РОЧЕВА А.Л. (РАНХиГС, Российская Федерация)
СТРЕПЕТОВ А.Ю. (ВШУ им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

БЛИНКИН М.Я. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
АСС Е.В. (МАРШ, Российская Федерация)
ЗАМЯТИН Д.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ЗАПОРОЖЕЦ О.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ИЛЬИНА И.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КИЧИГИН Н.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОЛОКОЛЬНИКОВ А.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОРДОНСКИЙ С.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КУРЕННОЙ В.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОСАРЕВА Н.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КРАШЕНИННИКОВ А.В. (МАРХИ, Российская Федерация)
НИКОЛАЕВ В.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
НОВИКОВ А.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ПУЗАНОВ А.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РЕВЗИН Г.И. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РУБЛ Б. (Международный научный центр им. Вудро Вильсона, США)
САФАРОВА М.Д. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
СИВАЕВ С.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ТРУТНЕВ Э.К. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ХЕЙНЕН Н. (Университет Джорджи, США)
ШОМИНА Е.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

Петрухина А.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Выпускающий редактор А.В. Заиченко

Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Менеджер редакции

Кодзокова Д.Р. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Publisher:
NATIONAL
RESEARCH
UNIVERSITY
**HIGHER SCHOOL
OF ECONOMICS**

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77 - 66568

Subscription Index:
"Rospechat" Agency – **80353**

Address:
National Research University
Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St., Moscow,
115054, Russian Federation
tel: +7 495 725-30-70*5924
e-mail: usp_editorial@hse.ru

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

Graduate School of Urbanism

URBAN STUDIES AND PRACTICES
Vol. 2 · # 1 · 2017

Editor-in-Chief

ALEXEI NOVIKOV (*HSE, Russian Federation*)

Editorial Board

ALEXANDER OSTROGORSKIY (*MARCH Architecture School, Russian Federation*)

ALEXANDER STREPETOV (*Vysokovsky Graduate School of Urbanism NRU HSE, Russian Federation*)

ANNA ROCHEVA (*RANEPA, Russian Federation*)

EGOR KOTOV (*Vysokovsky Graduate School of Urbanism NRU HSE, Russian Federation*)

EVGENY VARSHAVER (*RANEPA, Russian Federation*)

GUY ARCHER (*Capital Perspective, Russian Federation*)

Editorial Council

MICHAIL BLINKIN (*HSE, Russian Federation*)

EUGENE ASSE (*MARCH, Russian Federation*)

NIK HEYNEN (*University of Georgia, USA*)

IRINA ILINA (*HSE, Russian Federation*)

NIKOLAY KICHIGIN (*HSE, Russian Federation*)

ANDREY KOLOKOLNIKOV (*HSE, Russian Federation*)

SIMON KORDONSKY (*HSE, Russian Federation*)

NADEZHDA KOSAREVA (*HSE, Russian Federation*)

ALEXEY KRASHENINNIKOV (*Moscow Institute of Architecture, Russian Federation*)

VITALY KURENNOY (*HSE, Russian Federation*)

VLADIMIR NIKOLAEV (*HSE, Russian Federation*)

ALEXEY NOVIKOV (*HSE, Russian Federation*)

ALEXANDER PUZANOV (*HSE, Russian Federation*)

GRIGORY REVZIN (*HSE, Russian Federation*)

BLAIR RUBLE (*Woodrow Wilson International Center for Scholars, USA*)

MARIYA SAFAROVA (*HSE, Russian Federation*)

ELENA SHOMINA (*HSE, Russian Federation*)

SERGEY SIVAEV (*HSE, Russian Federation*)

EDOUARD TRUTNEV (*HSE, Russian Federation*)

DMITRY ZAMYATIN (*HSE, Russian Federation*)

OKSANA ZAPOROZHETS (*HSE, Russian Federation*)

Executive secretary

Alexandra Petrukhina (*HSE, Russian Federation*)

Executive editor Anna Zaichenko

Pre-Press Yulia Petrina

Designer Andrey Pavlov

Manager

Diana Kodzokova (*HSE, Russian Federation*)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ

7/ Introduction: Giving Voice to the City in Migration Studies

9/ Города и миграционные исследования: старые и новые рубежи

ФОРУМ

11/ Forum

СТАТЬИ

25/ E. VARSHAVER, A. ROCHEVA, N. IVANOVA

Bridging Science and Practice: Migrant Integration Events in Moscow Neighborhoods

40/ P. ZUBKOV

Equally Despised, Equally Despising: Bridging the Gap Between Religious Minorities in a City

54/ L. ZEMNUKHOVA

Highly Skilled Russian Migrants in London: The Case of IT Professionals

64/ И. ФЕРНАНДЕС АРАГОН, Ф. ХОГИАНИ БАССИНА, Ю. ШЕРШНЕВА

Городская пространственная сегрегация иностранного населения на примере Бильбао

85/ Р.Н. АКИФЬЕВА

Практики воспитания детей русскоязычными женщинами в Мадриде: влияние района проживания и миграционной специфики

103/ В.В. БАРАНОВА, К.С. ФЕДОРОВА

(Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга

ПЕРЕВОДЫ

122/ А. ПОРТЕС, М. ЧЖОУ

Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности

CONTENTS

EDITORIAL

7/ Introduction: Giving Voice to the City in Migration Studies

FORUM

11/ Forum

ARTICLES

25/ EVGENI VARSHAVER, ANNA ROCHEVA, NATALIYA IVANOVA
Bridging Science and Practice: Migrant Integration Events in Moscow Neighborhoods

40/ PAVEL ZUBKOV
Equally Despised, Equally Despising: Bridging the Gap Between Religious Minorities in a City

54/ LILIIA ZEMNUKHOVA
Highly Skilled Russian Migrants in London: The Case of IT Professionals

64/ IRAIDE FERNÁNDEZ ARAGÓN, FARID KHOGYANI BASSINA, JULIA SHERSHNEVA
Residential Segregation of the Foreign Population: The Case of Bilbao

85/ RAISA AKIFYEVA
Child-Rearing Practices of Russian-Speaking Women in Madrid: the Effects of the Neighborhood and Migration Specificity

103/ VLADA BARANOVA, KAPITOLINA FEDOROVA
(In)Visibility and (Non)Existence: Labor Migrants and the St. Petersburg Linguistic Landscape

TRANSLATIONS

122/ ALEJANDRO PORTES, MIN ZHOU
The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants

INTRODUCTION: GIVING VOICE TO THE CITY IN MIGRATION STUDIES

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 7-8
<https://doi.org/10.17323/usp2120177-8>

It's significant that one of the first issues of this newly born journal on urban studies is devoted to migration. Indeed, it's a commonplace notion that cities have been formed due to migration, and as a result, the first studied form of migration was mobility between rural and urban areas. Even now, we rarely speak of migration in contexts apart from the city – and we rarely speak of global cities without mentioning migration.

The tight bond between migration and the city has largely remained in the background, however, and knowledge about it has been fragmentary and dispersed across disciplines. The goal of this special issue of *Urban Studies and Practices* is ambitious, as it aims to build bridges between these “isles of knowledge” – researchers from multiple disciplines, working in different countries, as well as practitioners.

The multi-bridging task has been undertaken within three main sections of the current issue. The first section brings together eight prominent scholars from various countries who “take stock” and reflect on the current state of studies at the intersection of migration and urban studies, as well as trace future trends. We are delighted that our broadly formulated questions initiated such interesting narratives, which altogether, form a multi-voiced discussion.

The second section is formed with six original articles, half of which discuss the Russian context, and other half being devoted to other European countries (Spain and the UK). Importantly, Russian is the language of two of the articles about Europe, while English is the language of two articles about Russia. This cross-bridging is significant as it allows opportunities for comparing perspectives. Many theories have been developed in a specific context and are not always relevant for other contexts. Being able to learn about other settings and thus test a theory at least in one's mind is important for pushing scientific explanations and interpretations forward. Thus, bringing the Russian context to the fore of the international discussion on migration and cities allows us to observe a gigantic region with substantial migration from post-Soviet countries, but with no ethnic neighborhoods – a context that differs significantly with the rest of Europe and North America.

The section starts with a Russian-language article by Evgeni Varshaver, Anna Rocheva, and Nataliya Ivanova, who describe the project of bridging scholarship and practice in the field of migrant integration in Moscow neighborhoods. On the basis of interculturalism and contact theory, they developed, conducted, and tested with tailor-made assessment procedures four integration events. Here, they discuss this experience and the opportunities and hindrances of its upscaling.

Correspondingly, in his English-language article, Pavel Zubkov examines xenophobic attitudes towards migrants of minority groups, which in turn affect the attitudes of the general population. He describes his research of parishioners of the Adventist churches of Moscow, and based on structural equation modeling, he shows that the spirituality preached in these churches, once turned into practice, is positively associated with tolerant attitudes towards migrants.

Liliia Zemnukhova breaks the seemingly homogeneous community of Russian-speaking, highly-skilled migrants in London into four waves and shows their specific characteristics in relation to the national and city-level context (in English).

Iraide Fernández Aragón, Farid Khogyani Bassina, and Julia Shershneva address (in Russian) the question of migrant segregation in Bilbao. They discuss the migration situation of Spain, Basque Country, and Bilbao, assess segregation with various measures for migrant population overall and selected migrant groups, and then provide interpretations for the revealed data.

Raisa Akifyeva presents another Russian-language paper on Spain, examining child-rearing practices of Russian-speaking women in Madrid. Among the factors influencing these practices, she discusses, on one hand, the roles of the neighborhood and, on the other, individual characteristics of migrant mothers.

Vlada Baranova and Kapitolina Fedorova, based on fieldwork in St.Petersburg, contribute (in Russian) to the discussion of the relationship between migrants' presence in a locality and its linguistic landscape. They show the contradictory nature of this relationship, arguing that the linguistic landscape does not always reflect the real linguistic situation, but the linguistic ideology that underlies it.

Finally, the third section comprises a Russian version of the highly-cited 1993 article by Alejandro Portes and Min Zhou introducing the concept of segmented assimilation. It serves as a bridge in two senses. First, this is one of the first papers that addressed the question of the context surrounding migrants, not just as a background, but as an important factor influencing the “assimilation outcome.” The authors delineate diverse directions of “assimilation” corresponding with the contexts. The least advantageous context is that of poor, inner-city neighborhoods with “anti-school” cultures, though the negative influence can be mitigated by ethnic communities and families with strong social ties. Therefore the paper stresses the importance of the urban context. Second, by publishing a translation of this prominent article into Russian, we aim to bring it to the center of the Russian academic discussion and make it more generally available.

In some sense, making an issue of a journal on migrants and the city is easy, as almost all papers dealing with migrants have the city as a background. But then again, in the case of so many of them, the city remains mute. In this issue of *Urban Studies and Practices*, we wish to publish papers that “give voice” to the city. Even when it’s not the focus of the discussion, it remains an active participant. And we hope that this multi-bridging issue will inspire further discussions and new, interesting ideas for research.

Anna Rocheva and Evgeni Varshaver

ГОРОДА И МИГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ РУБЕЖИ

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 9-10
<https://doi.org/10.17323/usp2120179-10>

Символично и важно, что один из первых номеров журнала «Городские исследования и практики» было решено посвятить вопросам интеграции мигрантов. Тема эта для городских исследований более чем «родная» по той простой причине, что современные города складывались в результате миграционных процессов, и понимание того, как происходит интеграция мигрантов в городе, до сих пор является одним из ключей к пониманию процессов, в городе происходящих, и необходимым условием для разработки эффективных мер гармонизации отношений между людьми в городе. В фокус этого номера, таким образом, помещены миграционные и интеграционные процессы, а также некоторые аспекты развития соответствующей области знания.

В следующем году исполняется 100 лет со дня выхода первого из пяти томов «Польского крестьянина в Европе и Америке» социологов У. Томаса и Ф. Знанецкого. С определенной долей условности возникновение исследований миграции и интеграции в общественных науках можно связать с этой работой, а значит, отпраздновать и столетие этой области знания. С этим, однако, могут не согласиться те, кто считает, что исследования миграции отпраздновали столетие еще в 1980-х — спустя век после публикации «Законов миграции» Э.Г. Равенштайна в журнале лондонского статистического общества. В любом случае можно говорить о том, что это почтенная область знания, которая за время существования, как кажется, не могла не произвести комплекса фактов о миграции и интеграции мигрантов в целом и одновременно качественно рассказать о некоторых частных аспектах этих проблем в некоторых частных обстоятельствах. Однако произвела ли и рассказала ли? Не стало ли знание о миграции методологическим заложником тех научных областей, в которых оно разворачивается, и не стали ли исследователи миграции рабами институтов производства знания, к которым они имеют отношение? Не был ли в свете этого потерян импульс, заданный яркими до- и послевоенными исследованиями миграции, которые пытались разобраться в сложной, постоянно изменяющейся реальности миграционных обществ на основании более грубых исследовательских инструментов, но, возможно, уже достаточных для решения поставленных задач? Не сложился ли в этой области определенный методологический карго-культ, не позволяющий увидеть лес больших вопросов за деревьями частных проблематизаций и изощренных методологий?

Можно сформулировать ряд вопросов и к российской науке о миграции, укорененной в совсем других институтах производства знания, а потому имеющей свои — отличные от зарубежных — уязвимые места. Что известно о миграции в России? Если ориентироваться на названия статей о миграции в топ-100 РИНЦ, можно заключить, что практически все. Если попытаться ответить на тот же вопрос, внимательно изучив конструкцию исследовательских проектов, лежащих в основании научных высказываний из этих статей, мнение с большой долей вероятности поменяется на противоположное. К сожалению, на данный момент — за исключением общей ситуации, описываемой числом въехавших за определенный период, получивших гражданство или получивших те или иные разрешительные документы для работы, миграция и интеграция мигрантов в России по большей части не изучена. Едва ли по пальцам двух рук можно пересчитать число масштабных (как минимум — межрегиональных), методологически выдержанных проектов, проливающих свет на неколичественные (идентичность, круги общения, жизненные стратегии) показатели миграции и интеграции, по крохам приходится собирать выводы исследований, выполненных в качественной методологии, о которых практически никогда не понятно, до каких пределов можно экстраполировать полученные выводы и не является ли ситуация на соседней улице принципиально отличной. Публикации российских исследователей за рубежом практически не вносят лепту в разработку теоретических конструкций и во многом продают диковатую специфику постсоветской миграционной системы в уважаемых «гостиных» цитируемых зарубежных журналах.

Этот выпуск был задуман как место встречи. Разнообразие форматов, которые используются в номере, позволяет на его страницах высказаться как крупным ученым, так и молодым исследователям. Пространство высказывания «классиков» — это прежде всего Форум, специальный раздел, в котором значимым мировым и российским исследователям было предложено высказаться по трем очень

общим вопросам о миграции и науке о ней. Можно ли говорить на материале 100 лет исследований миграции и интеграции мигрантов об общих закономерностях, описывающих это явление? В правильном ли направлении движутся исследования миграции и интеграции – тематически и методологически? Как можно отделить явления, сущностно связанные с миграцией, от эффектов, в большей степени связанных с городом, при том что зачастую эти явления рассматриваются в целостности, и будет ли от этого аналитическая польза? Этот раздел, без сомнения, «состоялся» и имеет шанс послужить одновременно общим знаменателем уже проведенных и отправной точкой для новых исследований миграции и интеграции.

Важное место в конструкции номера занял перевод уже ставшей классической работы Алехандро Портеса и Мин Чжоу «Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности». Написанная в 1993 г., она быстро завоевала внимание исследователей миграции и интеграции по обе стороны океана и в каком-то смысле заложила бомбу замедленного действия под классический язык, описывающий процесс взаимодействия мигрантов и принимающего общества. Оказывается, то, что раньше считалось интеграционным провалом, на самом деле всего лишь означает, что те или иные группы мигрантов успешно вливаются в социальные круги, отличные от общественного мейнстрима. Отсюда следует вывод: не существует неинтегрированных мигрантов, и важно понять, в какие именно круги происходит или произошла интеграция. Отсюда следует и другой вывод: в данном случае наука вошла в конфликт с языком здравого смысла, а такое противостояние часто болезненно для обеих участвующих сторон. Описываемая проблема очевидна для зарубежных исследователей, однако пока не в достаточной мере осознана в России. Работу Портеса и Чжоу в отечественной литературе цитируют обескураживающе мало, поэтому было принято решение перевести этот текст и тем самым ввести его в научный оборот.

Большая часть выпуска, однако, – это авторские статьи. Они о разном, написаны на разном материале, но так или иначе затрагивают проблему интеграции мигрантов и эксплицируют свои методологические основания (во всяком случае, такая экспликация была заявлена редакторами как крайне желательная).

Евгений Варшавер, Анна Рочева и Наталия Иванова описывают ход и результаты масштабного проекта, посвященного разработке эффективных мер интеграции мигрантов в локальных контекстах – в статье представлено описание четырех интеграционных практик, методология и результаты замера их эффективности, а также рефлексия на тему позиции между исследованиями и практикой в области интеграции мигрантов.

Павел Зубков затрагивает сложную проблему ксенофобии среди участников групп, в отношении которых в обществе также существуют предубеждения, и на основании опроса в московских адвентистских церквях с помощью структурных уравнений показывает, что терпимое отношение к мигрантам в этой среде связано с тем, в какой степени прихожане практикуют «духовность», пропагандируемую пасторами этих церквей.

Лилия Земнухова изучает русскоязычных мигрантов в Лондоне. На материале интервью и наблюдений она развенчивает представление о гомогенности сообщества русскоязычных IT-профессионалов в столице Великобритании и показывает четыре уровня, на которых существует это сообщество, отличающиеся не только характером появления, но и взаимоотношениями с городом.

Арагон Ирайде Фернандес, Бассина Фарид Хогани и Юлия Шершнева описывают пространственные аспекты сегрегации мигрантов в Бильбао: на основании существующей статистики выявляют разные показатели сегрегации, интерпретируя полученные результаты в контексте обсуждения миграционной ситуации в целом по Испании, Стране Басков и Бильбао.

В статье Раисы Акифьевой, написанной на основании интервью с русскоязычными мигрантами в Мадриде, показано, как характеристики городских районов наряду с индивидуальными особенностями мигрантов являются факторами, определяющими практики воспитания детей, в частности посещение или непосещение курсов русского языка.

Наконец, Влада Баранова и Капитолина Федорова на материале исследования нескольких районов Санкт-Петербурга обсуждают соотношение видимых маркеров лингвистического разнообразия и реального присутствия иноэтничных мигрантов, демонстрируя противоречивость этого соотношения.

Мы будем рады, если журнал послужит основанием для рефлексии о ходе вещей и состоянии дел в нашей области и будет способствовать появлению лучших исследований, вносящих лепту в систему научного знания о миграции и интеграции мигрантов в городе, а значит – и развития городов!

Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева

FORUM

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 11-24
<https://doi.org/10.17323/usp21201711-24>

The nexus between migration and urban studies is dynamic, and one that produces new research on a daily basis. And yet little is providing us with a general picture that allows us to see the main regular patterns in the field, as well as the gaps and methodological hindrances requiring attention.

So what's been done? And what needs to be done? To facilitate a discussion, we formulated three broad questions that we then asked eight prominent scholars. Their responses in turn give us the perspectives of varied disciplines, geographical vantage points (North America, Western Europe, and Russia), and points of view.

In what follows, each scholar addresses these three questions:

- Question 1.** More than a century ago, Ernst Georg Ravenstein formulated a set of “laws” about migration. Created within the social and economic context of nineteenth-century Europe and inspired by the positivist spirit of the time, they were abandoned, however, in the twentieth century. But since Ravenstein’s times, thousands of studies on migration and integration have been produced within academia, and it is likely that the time for new generalizations has come. Are there any patterns or laws that can be inferred from the existing body of research on migration and integration?
- Question 2.** Research on migration and integration is embedded in institutions that produce their own rules and norms to structure topics, approaches, and methodologies used by researchers. Are you generally satisfied with how the research on migration and integration is currently carried out? What are the most promising topics, approaches, and methodologies? Are there any that should be treated more cautiously? What topics, approaches, and methodologies would you recommend to young scholars in the field who are now considering their paths for researching migration and integration?
- Question 3.** Research on migration and integration is generally conducted within the urban context, which is taken for granted and seldom reflected upon. However, urban structures are not stable and cities have substantially changed since the beginning of the twentieth century. Should the knot binding migration and the urban processes be untied? And if yes, what are the ways to do it in terms of both theoretical agendas and empirical research?

Rainer Bauböck,
Professor of Social and Political Theory, European University Institute

Question 1

Ravenstein's laws were about internal migration in a borderless space. In the twentieth century, the attention shifted towards international migration, which by definition is about crossing state borders. One way of distinguishing between the two phenomena is to call what Ravenstein was concerned with *mobility* and reserve the term *migration* for human movement across territorial borders. While mobility is a social phenomenon that can be measured in the dimensions of space and time, migration is constituted via the borders that define a territory.

A general law that describes the relation between both phenomena claims that, with any given level of mobility, there will be more migration the smaller a territory is. For this reason, Europe's smaller countries have generally higher shares of international migrants in their population. This law is as valid as those of Ravenstein, but it relies on two background assumptions that do not always hold up. The first is that territorial borders are stable. If they change, then people who had at some point exercised mobility rights within a larger state will be reclassified as migrants once the state breaks apart — as happened in the breakups of the Soviet Union and Yugoslavia. Estonia, Latvia, Lithuania, and Slovenia registered a sudden rise in their “immigrant populations,” defined as foreign citizens from other origins, though without these people actually moving during the periods in question.

The second assumption is that political borders only affect the categorization of people as internal or international migrants, but not their mobility patterns. However, international migration is of course heavily regulated and this impacts how many people move, how often they move, and the origins and destinations of their movements. In this context, it is much more difficult to come up with quasi-natural laws because we are then concerned with the interaction between micro-level human behavior and macro-level political institutions and political decisions that aim to exercise control. The kind of “laws” that have been formulated somewhat tongue-in-cheek for international migration are often about unintended consequences of policies. Think of the famous quip that “there is nothing so permanent as temporary foreign workers” or the fact that state efforts to stop an ongoing migration flow may speed up immigrant settlement and family reunification as migrants can no longer risk traveling back home.

Question 2

I believe that the conceptual distinction between migration and mobility creates a promising research topic: the recent “mobility turn” in human geography and sociology should also be considered from the macro and institutionalist perspectives of political science and political theory. All our political institutions are based on the assumption of stable territorial jurisdictions (which by and large still holds true empirically) and relatively sedentary populations within these. As stated above, the smaller the territory, the more mobility will be registered as migration. But what happens if mobility actually increases to such an extent that sedentary populations become minorities? Can we still maintain political legitimacy for democratic decisions in contexts in which there is such a rapid change in composition among mobile populations that the people represented at the time when elections were held or decisions taken no longer are the same ones to whom these decisions now apply? And what about the rules for determining membership itself? Can democracies still maintain the institution of birthright citizenship if the majority of those who are citizens by birth live abroad and the majority of their residents are foreign citizens? For the time being, these are hypothetical questions, as most states are sufficiently large to contain most of the mobility within their territory. But at the city level, where the numbers of “majority-minority cities” is growing, the question is already pertinent and urges us, as I have argued, to develop new models of “urban citizenship” based on residence rather than birthright that are disconnected from national citizenship.

At the state level the relevant questions are different from those arising at the local level. How, for example, can mobile migrants who move back-and-forth between a country of origin and several destination states ever be fully equal citizens, and how can they be represented in a democratic

Rainer Bauböck, Professor of Social and Political Theory, European University Institute

decision process? Is there an emerging mobility cleavage between mobile and sedentary populations that is increasingly articulated in support or opposition to European integration and in political antagonism between centrist and radical populist parties?

Also for migration sociologists, the mobility turn suggests a new research perspective focusing on life-course studies. Past migration studies have been dominated, on the one hand, by qualitative methods for studying micro-level phenomena of individual adaptation or meso-level community formation, and on the other, quantitative methods for macro-level questions, such as the impact of migration on wages and unemployment. Yet there is now a wealth of individual-level panel data on life courses. This finally makes it possible to combine the dominant state perspective, from which migrants are seen to enter or leave a territory and stable population, with the migrant perspective, from which entering and leaving a state or acquiring a new residence title and citizenship are life events that structure their biography and opportunity spaces.

Question 3

A focus on urban contexts in migration studies has surely not become less relevant than it was in the past. It is important because cities rather than countries are in many ways the primary destinations of migrants, and also often the primary locus of identification. This is the case especially for second generations in socially marginalized groups for whom a country-of-origin identity is no longer based on their socialization experience, while the country of settlement often does not provide the frame for either their self-identification or externally-ascribed identities. It is also important for migration studies as a corrective against methodological nationalism. “Seeing migration like a city” opens our eyes to phenomena that “seeing migration like a state” hides from view.

This urban context is also changing, however. One way in which it changes and evolves, as I have already mentioned, is through the emergence of “majority-minority cities” in northern countries that receive immigrants. As a political theorist, I find equally important the tendency of city governments to challenge central governments through acts of resistance, such as the declaration of sanctuary cities to protect migrants from deportation, and more indirect challenges involving transnational city networks engaging not only in exchanging experiences on immigrant integration issues, but also claiming a say in external migration policies.

To my mind, this development makes it possible to reclaim the birthplace of citizenship, the politically autonomous city republic, as a space for residence-based citizenship inside the modern nation-state. This is not just symbolic politics, but also concerns the core legal right of democratic citizenship, the right to vote. In a recent comparison of European and American states, we have found a significant tendency on both sides of the Atlantic to disconnect the franchise in national elections from residence by extending it to expatriates while at the same time disconnecting the local franchise from national citizenship by extending it to all legal residents.¹ This observation lends empirical support to the idea that national and local citizenship are coming apart. Fleshing out the institutional possibilities and implications of urban citizenship in migration contexts seems to me another research topic with great relevance and potential.

Caroline Brettell, Distinguished Professor of Anthropology and the Ruth Collins Altshuler Director of the Dedman College Interdisciplinary Institute at Southern Methodist University

Caroline Brettell,
Distinguished Professor of Anthropology
and the Ruth Collins Altshuler Director
of the Dedman College Interdisciplinary
Institute at Southern Methodist University

Question 1

I do not think that we are in pursuit of laws. Every situation is different and emerges from specific cultural and historical contexts. Furthermore, so-called host societies have varying policies of “integration” that will impact outcomes. There are broad theories of migration (many of which are well covered by scholars from different disciplines in the book I co-edited with James F. Hollified, entitled *Migration Theory: Talking Across Disciplines* [Routledge, third edition 2015]) that help to explain why people move, why they choose to move, where they move to, and what happens to them after movement in terms of social, political, and economic incorporation. Societies have different ideologies of inclusion and exclusion regarding incorporation/integration

that impact the immigrant experience. And over time, nations change their attitudes and these are often codified into policy. The United States today, alas, is in a period of heightened anti-immigrant sentiment based on irrational fears. But we have seen the scapegoating of immigrants before.

Question 2

I would suggest mixed methods and interdisciplinary research teams. By mixed methods, I mean both qualitative and quantitative, from the bottom-up to the top-down. That way you understand how policies shape people’s lives, but you also understand how people are reacting to, and sometimes working around, policies. And you understand that people do not always move for economic reasons — that is, that often social networks and family ties are most important. Further we need to seriously evaluate the differences and similarities between immigrants and refugees, particularly in today’s world.

I also think we could be clearer on what we mean by integration. This word is used more in the European context. In the U.S. we talk more about incorporation, and some people still talk about assimilation — especially the lay public. We also probably need more work on the relationship between immigration and national identity. This issue has reached crisis proportions.

¹ Arrighi, Jean-Thomas, and Rainer Bauböck. 2016. “A multilevel puzzle. Migrants’ voting rights in national and local elections.” *European Journal of Political Research*, early view. doi: 10.1111/1475-6765.12176.

Question 3

There is already abundant research on the urban context of migration. I wrote an essay over a decade ago on “bringing the city back in” (in a book edited by Nancy Foner, entitled *American Arrivals*). We also have a book called *Twenty-first Century Suburban Gateways* (co-edited by Audrey Singer, Susan Hargrave, and Caroline Brettell and published by the Brookings Institution in 2008) that looks at nine urban contexts in the U.S. Also see Nina Glick Schiller and Ayse Caglar’s book *Locating Migration*. There are many more examples. This is a topic that has garnered serious interest since I first published my 2003 essay. Students interested in this should start there and continue.

Maurice Crul,
Professor of Sociology at Erasmus University
Rotterdam and the VU University Amsterdam

Question 1

I think this is the most challenging topic in the field of migration at the moment. Authors that have developed classical assimilation theory and the newer brands of assimilation theory like segmented-assimilation and neo-assimilation theory tried to formulate laws about assimilation and integration. In all these theories there is either a linear trend upward for groups, or in the case of segmented assimilation, also a downward-mobility trend for certain ethnic groups. In the last case it is predicted that some ethnic groups will assimilate into the underclass. But the empirical evidence for these theories has always been rather weak.

What we often empirically observe nowadays, especially in Europe, is not a linear trend up or down for whole groups, but polarization within ethnic groups. A case in point is the religious identification of the second generation in several Western European countries. Classical and neo-assimilation theories would predict that the second generation is less religious than its parents and would, for instance, visit the mosque less often and would hold more liberal views in relation to its religion. This is true for part of the second generation. There is even a considerable group that does not identify as Muslim anymore, something that is hardly observed in the first generation. However, there is also a considerable group that is more religious than its parents and that also advocates for a political Islam. Its parents in general do not advocate for a political Islam. Also in socio-economic aspects, we see a polarization within the second generation that seems to grow even further in the third generation. This phenomenon needs deeper explanation and new integration laws should be formulated as a result.

A second point is that we should find new theories as a result of demographic developments in many North American and Western European cities. Many of these cities have become what has been referred to as *majority-minority cities*: cities where the people of native descent have become a numerical minority themselves. What does this mean for assimilation theories? Our classical idea of assimilation is that an immigrant assimilates into the majority through contact with that group. Over time they will take over the norms and values of the majority group. But many newcomers in

Photo © Reiner Gerritsen

Maurice Crul, Professor of Sociology
 at Erasmus University Rotterdam
 and the VU University Amsterdam

majority-minority cities grow up in neighborhoods where people of native descent are only a small minority. They largely grow up with other migrants of the first, second, or third generation. This poses new questions about their integration.

Question 2

I think what is most urgently needed is that we study the support for anti-immigrant populist parties beyond what political scientists are already doing on this topic. I think that researchers in the field of migration and ethnic studies have ignored the ground rule of integration as a two-way process. Over the last forty years, the emphasis has been on studying immigrant groups through an ethnic lens. The population at the receiving end of migration has been neglected. We did not look empirically at how the growing diversity in cities has affected the people of native descent. Why is that in some cities there is such a huge backlash among the native population? The economy does not seem to explain everything. In countries like Spain and Portugal, which have been hit very hard by financial crises, we hardly see a backlash against immigrants; while in countries like the UK, Germany, and the Netherlands — countries that have already recovered from economic crises — anti-immigrant parties have seen huge increases in their popularity. The failed integration of people of native descent in what I and others have called super-diverse cities is an important new field of studies. This calls for interdisciplinary research involving sociologists and anthropologists, as well as social psychologists. We need to study what drives inter-ethnic relations or social demographers and to look at neighborhoods as the places of interactions.

Question 3

Researchers have become more and more aware of the importance of urban contexts. This has partly come about because of EU funding that almost requires an internationally comparative perspective. A lot of the big EU-funded projects compare different European cities or neighborhoods. This has put the spotlight increasingly on local policies and institutional arrangements. This includes examining welcoming policies, citizenship programs, and, also, the ways schools incorporate children of immigrants — and now refugee children. Researchers have also argued that the socio-economic history of a city is important. Harbor cities in economic decline have different dynamics than booming global cities or cities that have a growing creative class. Cities as a result also attract different kinds of new migrants and offer different chances to the children of migrants. These urban differences can best be studied in an internationally comparative way. This approach best brings out the specificities of the cities, and it shows us how urban effects and migration are linked to each other.

Marco Martiniello,

Director of the Centre d'Etudes de l'Ethnicité et des Migrations (CEDEM)

Question 1

Questions about the cumulative character of knowledge and the consensus within the academic community in the field of ethnic and migration research should not be raised in the same way as in the “hard” sciences. On the one hand, there is a temptation to reinvent the wheel, as in the recurring debates about immigrant integration, for example. On the other hand, migration and integration being two essentially contested issues, consensus among scholars is often impossible.

Without talking about “laws” in a pure positivistic perspective, however, there is general agreement among scholars on certain regularities concerning migration, integration, and ethnic relations. Let me briefly sketch these out:

1. Migrations and human mobility are not new or solely characteristic of the twenty-first century. Human beings have always moved across the planet, and they will continue to do so in the future.

2. There is not a single cause that explains migration. Usually, migrations are to be explained by a set of various, different, and interacting causes (economic, demographic, political, cultural, and environmental, for example).
3. Migration policies often produce unintended effects because one cannot simply move people like goods or capital. Let me mention a few examples. First, restrictive policies may reduce immigration but very rarely stop it. On the contrary, they allow for the growth of irregular migration often organized by smugglers and traffickers. Second, closing borders does not lead to return migration: On the contrary, it encourages migrants to stay in the country of immigration (fearing that they will not be able to re-enter the country of immigration if they return to the country of origin).
4. The distinction between temporary migration and permanent migration is by no means absolute. Migration conceived of as temporary often becomes permanent; and migration seen as permanent often becomes temporary and circular.
5. Immigrants integrate in the country of immigration to a variable extent.
6. Immigration is a factor of change for both the countries of residence and the countries of origin.
7. Almost all societies are touched by migration, though in different ways.
8. Most societies are multicultural, even though many don't want to recognize their multicultural character.

This list is by no means exhaustive, though unfortunately, it seems to be largely ignored by policy-makers.

Question 2

Conducting research on immigration and integration in a political climate characterized by the rise of populist-nationalist movements and entry into a post-truth era is difficult. Politicians and policymakers are often more interested in policy-driven expertise that justifies their policies than independent, academic researchers who attempts to reveal the complexities of the migration and integration processes. Young scholars may have to decide which way they want to go.

In my view, we need more theoretically sound and empirically rich, independent research with an international perspective and within the framework of multi-sided partnerships. Research today has become too bureaucratized and too dependent on shortsighted political interests.

We should explore topics that have been relatively neglected – like the relationships between migration and the arts, for example. We can diversify instead of doing the same type of research over and over again, as we do with integration and security. We should also try to be more innovative with research methods. Traditional quantitative and qualitative methods can be combined with visual methods and the use of new digital resources, and the possibilities are almost limitless.

Photo © Georges Kostenjak

Marco Martiniello, Director of the Centre d'Etudes de l'Ethnicité et des Migrations (CEDEM)

Question 3

Historically, it's clear that the impact of migration is more noticeable at the urban level in the country of destination, and more conspicuous in rural areas in the country of origin. It's also evident that the urban phenomenon is constantly changing because of migration, though rural areas have also become areas of destination for migrants.

Urbanization continues at a rapid pace: A large majority of the world's population now lives in urbanized communities. It is therefore crucial to keep the changing city as a focus of analysis. But it is also interesting to look at what's going on in rural and less populated regions and to produce migration figures on a global level.

Vladimir Mukomel,

Chief Research Fellow, Head of Department, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

Question 1

Ravenstein's "laws" were formulated under a specific historical context, and as such, were applicable to specific social, economic, and geographical settings. These "laws" were still in effect fifty years ago. However, since then the world has witnessed drastic changes. Firstly, distance is no longer as important as the speed and cost of travel; step-by-step migration is ceasing to exist; rural-urban migration, which prevailed in Ravenstein's times and was at the bottom of his "laws," has taken a backseat to other types of migration; and there is less disparity in the economic development of localities. Secondly, lifestyles have experienced drastic changes, resulting in new types and forms of migration — transnational, circular, long-term, etc. (On the other hand, such changes have shattered some of Ravenstein's main conclusions, which were based on nineteenth century lifestyles. For instance, his idea that short-distance migration is more typical of women than men relied on the common practice whereby women were supposed to move from their home village to their husband's house after marriage). Thirdly, social institutions, both stimulating and "de-stimulating" migration, have been transformed. There have been major changes on the labor market, as well as in child-rearing, education, and healthcare; and now certain issues can be handled remotely, within families. Fourthly, it seems that economic drivers for migration, on which Ravenstein placed so much emphasis, are giving way to social factors. Classical approaches to migration, including Ravenstein's laws, are falling out of line with new migration determinants. Therefore, scholars have begun to question the very paradigm of relying on economic factors, which used to be the core of all migration theories. It is curious that the upsurge of migration studies in Russia has been driven by their major role in sociological and political science research projects.²

I find the very idea that new migration patterns may be uncovered through ongoing research on migration and integration somewhat perverse. We do know more about migration now, but only as much as we know more about our present day society/societies. All patterns and trends derived from ongoing research projects are only true for the present and may be seen as anachronistic tomorrow. This is especially true for those that rely on present day communications, such as migration networks, employment sectors, and transnational migrations.

Question 2

I wouldn't overestimate the limitations and restrictions imposed on research concerning migration and integration by various institutions. A researcher can always bypass any restriction formulating a research strategy in a way that fits the Procrustean bed of the force-fed approaches and methods. Nevertheless, it is true that certain areas of research are more fashionable than others, and such

² Savoskul M.E. Emergence and Development of Russian Migration Studies: Interdisciplinary Research Experience. *Regional Research*, no. 4 (46), p. 33. (Савоскул М.Е. Становление и развитие миграциологии в России: опыт междисциплинарного исследования // Региональные исследования. 2014. № 4 (46). С. 33).

Vladimir Mukomel, Chief research fellow, Head of Department,
Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

trends may set priorities among grantors. A herd mentality is often adopted by many researchers as well. However, those who are not afraid of becoming pioneers and asking questions that hadn't occurred to anyone else usually see the best results. (This is not meant to undermine in any way the importance of research aimed at enriching our current knowledge on the subject.)

I suppose that the most interesting and promising areas of research are, first of all, those that have to do with the transformation of institutions for sending and especially receiving societies connected with migration. This is true not only for social institutions (e.g., education, law, family, culture, religion, etc.), which is obvious, but also for political ones (e.g., court systems, political parties, law enforcement agencies, etc.) and economic institutions (e.g., banks, management, etc.). A second important area of research is focused on how the institutions of sending and receiving societies can influence an individual migrant's behavior and lifestyle. Another possible area of research seeks to answer the question: To what extent do a migrant's (or potential migrant's, potential repatriate's, etc.) behavior, identity, and interactions with local communities in the sending and receiving states depend on their individual and personal characteristics? Obviously, this research will require a greater focus on various social and psychological aspects during analysis. Finally, we are clearly lacking research projects on migration modeling due to the unavailability of data in general, and information on specific processes and practices in particular.

Question 3

The major focus on the urban context in ongoing research projects is rooted not only in the fact that migration to cities (from rural areas, first of all) is currently prevalent, but also based on the emerging awareness that cities are fast changing social structures with immense complexity. In the twentieth century, urban-migration researchers were mainly engaged in studies of urbanization and suburbanization. That said, today scholars tend to concentrate on the special features of social organization in the urban context and migrants' adjustment to the urban environment. For this agenda, special emphasis should be laid on empirical research projects, which can help uncover the extent, speed, and selectivity of changes in migrants' perception of urban environments.

Madeleine Reeves, Senior lecturer in Social Anthropology at the University of Manchester

Madeleine Reeves,
Senior lecturer in Social Anthropology
at the University of Manchester

Question 1

As a critical social scientist interested in the forms of knowledge production about migration, my questions would be: What does the search for “laws” about migration tell us about the conditions of knowledge production about migration? Who is interested in reducing migration to a question of laws and for what ends? And what potentially gets lost from such a perspective? Certainly it is possible to mine data to find interesting, generalizable statements about the “what” or “when” or “who” of migration. We can find tendencies and note shifts and patterns (e.g. the rise of female or family migration over time); or we can detect interesting correlations (like the correlation that exists between the global price of crude oil and the variation in remittance transfers between Russia and Tajikistan over time). One of the things that tends to result from a search for laws, however, is a rather reductive approach to understanding the “whys” of migration, partly because the methods that are used to identify these patterns (standardized surveys or questionnaires) tend to reduce the complexity of human experience and motivations to a series of tick-box

options; partly because they assume that there is a stable category of “migrant” that constitutes an unproblematic category of analysis. Yet even if we think for a moment about contemporary Russia, the category of migrant is extremely unstable. Citizens of the RF from the North Caucasus are often treated as “migrants” in contemporary Moscow for social and administrative purposes, whereas an ethnic Russian “repatriate” is not. Likewise, many of my informants — Kyrgyz self-identifying *gastarbaitery* who were in possession of Russian passports — would insist that they *were* “migrants” even though they were technically Russian citizens, because they were seen and treated as migrants. This is of course a much more profound philosophical question: When does any of us stop being a migrant? Is the fact of citizenship enough? I think a more interesting question to ask is: What are the social and political conditions that constitute the “migrant” as a particular social, administrative and academic category of analysis — and what is the contrastive other (the “citizen”? the “nation”?) that is being constituted in that move?

Question 2

This is a big question! In fact, a big set of questions. I think that there is a lot interesting work going on right now around aspects of migrant experience — at least in the field of social anthropology, which is the discipline with which I am most familiar. Some of the more interesting work in the last couple of years has been seeking to open up the “black box” of migration: by looking at infrastructures of migration and removal/deportation, for instance; looking at the moral economies of remittance transfer; looking at the dynamics of family-hood and the way that these are being reconfigured by new forms of long-distance intimacy and new technologies; or looking at the agencies and brokers who mediate migrants’ legibility to the state. There has been a cluster of interesting work seeking to challenge the kind of methodological nationalism that has tended to dominate in migration studies, by drawing attention to the level of the city or community and its significance in mediating migrant experience, or focusing on particular aspects of migrants’ ability to access housing, education,

and health facilities. There has been some really fascinating work recently, for instance, looking at the political economy of migrants' access to healthcare and the rise of private "national" medical clinics. There has also been some really interesting work looking at the effect of the re-entry ban or so-called "black list" and the way that this is reconfiguring migrant aspirations in sending communities. For me personally, some of the more interesting recent work has been inspired by phenomenological or broadly existential approaches — concerning what we might call *migratory horizons* and asking about meanings of migration beyond the economic or instrumental. A lot of this work has brought debates out about migration into conversations within literature on time, hope, agency, boredom, waiting, affect, infrastructure, the digital, and so on.

Question 3

I think that the two categories can be used to unsettle each other. Much of the literature on migrant "integration and adaptation" assumes that there is a stable, homogenous, taken-for-granted social environment ("the city") into which "the migrant" has to adapt. This is also the assumption that is implicit in many of those well-intentioned, but deeply patronizing guidebooks for migrants: They assume that "the city" that the migrant encounters is intrinsically legible and singular. Yet the figure of the migrant can and should encourage us to think about the multiplicity of the city — the city is constantly being made and remade — there is no single, stable starting point. I am reminded always of the late Doreen Massey's work on space: Space is *never* singular and never stable — even the rocks are moving! Still more so a city that is being made and remade every single day by the people and things that pass through it. Massey calls this the "thrown-togetherness" of place. Approached from this angle, the migrant is just one more aspect of the city's continued making and remaking: Such an approach can enable us to think in a very different way about what "integration" might look like epistemologically, but in also profoundly material and mundane ways.

Olga Tkach,
Senior Researcher at the Centre
for Independent Social Research (CISR)
St. Petersburg, Russia

Question 1

I would speak of some migratory trends, rather than of laws, or even patterns. They seem to be substantiated by abundant research on migration and integration all over the world. The following trends have been discerned though qualitative research dealing with life stories, rather than demographic perspectives and big numbers:

Migration has come to be understood as a biographical project, rather than a purely economic one undertaken by a rational agent. Migration always has amalgamated motives and unanticipated outcomes. An economic view alone is insufficient to explain why people move and how their lifestyles do not always correspond to the one of a guest worker.

Migration is not an individual project: a family is usually involved, no matter if it migrates together or by leaving some relatives behind. Migratory aspirations, decision-making processes, and subsequent migratory steps are very much interconnected to generational, marital, parental, and other familial relationships.

Olga Tkach, Senior Researcher at the Centre for Independent Social Research (CISR)
St. Petersburg, Russia

Migration is a process, rather than a singular event. It has a certain nonlinear dynamic in a person's life, with its ups and downs, successes and failures, as the migrant views them. And the question remains, how long should a person be considered a "migrant" once he or she has moved? The length of stay in another country or location matters.

Contemporary migration makes a person's life translocal by default. This is no longer simply a movement from Point A to Point B: Migration also means living in various worlds or with life's hybridization. This is especially significant for the so-called "serial migrants" [Ossman, 2013], whose number has been currently increasing.

Almost all migrants, from the highly qualified to the unskilled, have to go through certain upheavals by moving to a new place. The lack of social capital and social vacuums are major aspects of these hardships, and affect the lack of belonging to a new place. Overall, migration can be recognized as the reconfiguration and rebuilding of social networks, both new and those left behind, and within a new context.

As a rule, female migrants experience a more significant professional downgrading and tend to occupy positions beneath their qualifications, at least at the first stages of their migration. Still, within family migrations, a woman performs as the key person earning the social capital that becomes significant for the future integration of the whole family.

Question 2

The first question states that academia has produced thousands of papers on migration and integration. The topics that gain researchers' attention are extremely diverse. Many of them, however, have been investigated within very narrow and particular case studies, while comparative research would allow studying the same migratory phenomena in different contexts and for making wider generalizations. It's no wonder that contemporary migration studies are politically biased, so researchers should carefully reflect on the categories they use and the questions they raise. The category of migrant integration particularly requires a critical approach, for its political and analytical (academic) meanings differ. While the former presumes universal, top-down programs and measurable outcomes, the latter is more sensitive to biographical situations, migrant voices, and the complex character of everyday lives. Also, research that reduces migration solely to an economic strategy should be treated cautiously. Such an approach might be relevant to macro-studies regarding economic contributions to the GDP of sending countries, but it does not consider the many nuances of migratory processes at the micro-level. The ethnization of migration also stifles possibilities for greater understanding and analysis: By assigning ethnic and religious identities by default, we limit the analytic potential for research of the everyday lives of migrants.

I suggest that we draw inspiration from intellectual resources that enrich contemporary migration studies.

Feminist and gender approaches in migration studies: Feminist research critiques purely economic views on migration and considers issues in a broader manner. It acknowledges the complexity of migratory decisions and that these decisions are gender-related and made within the family and broader social networks, both within the sending and receiving countries. Also, this school of research sees migration, particularly among women, in terms of emancipation, greater opportunities, and a transformation of subjectivity. I consider this approach fruitful for men's studies in migration as well. Issues of masculinity in migration can now be overshadowed because of an overcorrection and the recognition that past migration research focused almost exclusively on the male experience. Migrating males should also be understood as gendered within their work and family responsibilities, intimate lives, physical experiences, the fears and traumas related to migration, etc.

Another methodological approach that allows us to reconsider migration is the biographical approach. Migration is a dynamic process with an ambiguous beginning and open ending, and it cannot be analytically cut from the rest of the lived experience. Migration can be studied as a trajectory of movement from one culture to another and the human experience of living between two or several cultures.

The study of mobility and tourism within the social sciences also influences migration research. As John Urry wrote in 2007, flows of people can relate to their different desires — "the desire to get a job, housing, access to some type of leisure, to profess a particular faith, to build family relation-

ships, to get richer illegally, to get asylum etc.” Tourism studies enrich migration research. They criticize “migrant” as an analytical concept from a class perspective and claim that regardless of the occupation, sending country, social class, and opportunities, a migrant should be understood as a “working traveler” [Agustin, 2008], discovering a new world.

As a qualitative researcher, I recommend participant observation, in-depth biographical interviews, and more recurrent forms of “go-alongs” [Kusenbach, 2003]. The current state of migration research definitely requires more comparative projects, as well as a translocal research design in which migrants’ lives have been studied from the perspectives of both receiving and sending countries/communities. Some of the research topics that I think haven’t been explored adequately are migration-tourism nexus, migrant home and leisure life, well-being and social security, emotional experiences and intimate lives, and the transformations of migrant physical habits, such as their adaptation to local temperatures and climates.

Question 3

Even if the knot binding migration and urban effects seems strong, I have doubts that everything is done within a migration-city nexus. There are still serious gaps in migrant city-exploration topics, urban leisure-time studies, and the examination of the creation of migrant places, migrant relationships with “local” residents, etc. Migrants are active participants in the change of a cityscape. On one hand, they appropriate already created urban infrastructure and spaces. On the other, they are able to alter the urban space with new “ethnic” or “migrant” places, such as shops, cafes, barbershops, markets, clinics etc. Some places are open to everyone, while others are available only for migrants and their acquaintances, therefore signifying a hidden, parallel city as a migrants’ comfort zone within a receiving society. The former means that migrants are integrated enough to offer services to the native population; the latter can be a sign of a lack of their integration and even of social deprivation.

Rural areas remain on the periphery of current mainstream migration studies and are still represented mainly as sending communities when it comes to transnational and translocal migration research. I assume that in contemporary global mobility, urban societies are viewed as more advanced, so rural-urban relocation is considered as an improvement in terms of opportunities. Still, if we turn to the concept of “social remittances” proposed by Peggy Lewitt, migrants change both sending and receiving communities in a variety of ways, with both communities losing and gaining something. Therefore, translocal research will contribute significantly to the unraveling of the knot binding migration and urban effects. Additionally, de-urbanized areas don’t always perform as sending societies, if we take a look at the global south and south-south migrations. North-south and west-east migrations also offer interesting cases, when the relocation to less urbanized areas is often considered desirable. An example of this is recreational and retirement migration to southern resorts from wealthy countries and/or global cities.

Frank van Tubergen,
Professor at the Department of Sociology at Utrecht University

Question 1

I think so. In the European context, there are some “stylized findings” or “general patterns” that have been found repeatedly. One relates to the immigration generation: it has become evident that, generally speaking, the foreign-born generation is at a disadvantage, and that this disadvantage becomes smaller with each successive generation. First-generation immigrants have difficulties in speaking the host-country language; their educational qualifications obtained in the origin country are valued less in their new country of residence; and their social networks are limited to same-ethnics. Their children, however, acquire the host language at a young age, obtain their education in the host society, and mix with ethnic-majority members more often. Another stylized finding concerns group size. Generally speaking, larger ethnic minority groups face more difficulties in integrating in the host country. One reason for this is that members of larger ethnic minority groups

Frank van Tubergen, Professor at the Department of Sociology at Utrecht University

have more incentives to retain their mother tongue and make fewer investments in learning the host language, which in turn limits their labor market prospects. Furthermore, larger groups are seen as more threatening by ethnic majority members, resulting in the higher salience of the “bigger” ethnic groups in media, ultimately resulting in stronger discrimination by ethnic-majority members. Smaller ethnic-minority groups learn the official language faster, mix with majority members more often, and hence “integrate” more easily.

Question 2

I think that a mixture of methodologies is most helpful in studying such a complex phenomenon as immigration and integration. I agree with what Glenn Firebaugh writes in his great book *Seven Rules for Social Research*: “Let the method be the servant, never the master”. In other words, start with interesting questions, puzzles, and only then select the method of research, instead of vice versa. It seems helpful to me to become familiar with a variety of methodologies, which make you more flexible as a researcher. So, my advice to young scholars would be: Learn how to do experiments in the field and lab, to analyze longitudinal data, to do social-network analysis, and to analyze online (big) data. Familiarize yourself with as many different methodologies as possible, and then you can research anything in the best way. For example, to study the existence of discrimination in the labor market, the best method is to use field experiments. Yet for questions about trajectories and developments, observational-longitudinal data are needed. One of the most pressing issues in integration, in my view, concerns the integration trajectories of children of immigrants. Until a few years ago, such data were missing in Europe. With colleagues from the Netherlands, Germany, England and Sweden, we set up a large-scale, comparative CILS4EU study panel in 2010. This research began by following ethnic minority and majority adolescents aged 14–15, and then interviewing them annually about a wide variety of topics.

Question 3

Good question, I have to think about that!

EVGENI VARSHAVER, ANNA ROCHEVA,

NATALIYA IVANOVA

BRIDGING SCIENCE AND PRACTICE:

MIGRANT INTEGRATION EVENTS IN MOSCOW NEIGHBORHOODS

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 25-39
<https://doi.org/10.17323/usp21201725-39>

Introduction

International migration flows force receiving societies to face the issue of newcomers' integration. Integration is a topic of scholarly research, social projects, and social policies. Despite simultaneous advancement in these fields, interaction between them needs improvement. With some important exceptions, practitioners launch projects and policies based on shaky grounds and scholars are busy with their work and generally not interested in participating in social activities.¹ This article is based on a project that arose on the boundary between scholarship and community work and was aimed at the integration of different groups of migrants in Moscow neighborhoods. It is rooted in the scholarly knowledge of intercultural interaction and integration of migrants and its core comprises four intercultural events that aimed at integration of migrants in Moscow residential neighborhoods, the effect of which was carefully measured with the methods of social sciences. As it is a rare example of a combination of practical efforts and scholarly work in the field of the integration of migrants, the aim of this article is to deliver the results of the project: the theoretical framework and the events — their course and results.

The project consisted of four separate intercultural events (or sets of events) that aimed at changing migrants' and non-migrants' attitudes toward each other in Moscow residential neighborhoods, as well as building better relations bet-

Evgeni Varshaver, PhD in Sociology, Senior Research Fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration; of. 2105, 84 korp. 3, Prospect Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation.

E-mail: varshavere@gmail.com

Anna Rocheva, PhD in Sociology, Research Fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration; of. 2105, 84 korp. 3, Prospect Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation.

E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Nataliya Ivanova, BA in International Relations, Research Fellow, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration; of. 2105, 84 korp. 3, Prospect Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation.

E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Abstract

This article describes the results of a project focused on the integration of migrants in Moscow's urban neighborhoods. It comprises two parts. The first part encompasses the scholarly knowledge and best practices of integration in local contexts and results in a theoretical framework for the project. The second part provides a thorough descriptions of four intercultural events organized in 2014–2015. Descriptions include the details of the events and the results of their effect evaluation. The overall conclusion is that an event developed on the basis of contact theory and an integration framework is an effective tool for the integration of migrants on a local level. The article concludes by reflecting on opportunities and hindrances to the wide-scale implementation of the project's results.

Key words: migrants; immigrants; integration; assimilation; interculturalism; human library; contact theory; Moscow neighborhoods

ween them. The leading principle of the events was the face-to-face, non-superficial interaction between representatives of the two groups. Each event was designed for specific groups of migrants and non-migrants present in a Moscow neighborhood. These groups were selected on the basis of the in-depth research in two Moscow neighborhoods [Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2017]. Some events were adapted from glob-

¹ Among the exclusions should be mentioned the new public management approach as the framework for integration of scholarly knowledge with decision making, and the public sociology as an attempt to make sociology contribute more to the public debate on societal issues of importance [Lane, 2000; Schedler, Proeller, 2000; Burawoy, 2005a; Burawoy, 2005b].

al best practices of migrant integration; some of them were developed from scratch. For each event (except the pilot one) or a set of events, a strict quantitative evaluation procedure was designed and implemented. The events were: (1) “Faces of a Neighborhood” — a documentary contest between schoolchildren who filmed migrants and locals residing in a neighborhood with the subsequent screening of the films to other neighborhood dwellers in a local library; (2) “Intercultural Cooking Workshop” — a set of cooking events for migrant and local women who met biweekly and taught each other how to cook dishes of their ethnic cuisines; (3) “Human Library” — a renowned format arranged in a way that “typical” migrants were invited to a local school and had conversations with schoolchildren; (4) “Intercultural Football” — a community event with an emphasis on a football tournament with ethnically-mixed teams participating. According to the evaluation results, the overall short-term effect of the events can be described as lying between moderate and substantial. This article includes explications of the theoretical and practical grounds of the project, descriptions of the events of the project (including the methodology and results of evaluation), and a reflection upon opportunities and hindrances for the inclusion of the project results into policies toward the integration of migrants in Russia

The Project’s Background

The project is built on two theoretical pillars. The first pillar is the concept of integration developed by German sociologists Hartmut Esser [Esser, 2001] and Friedrich Heckmann [Heckmann, 2005]. The second pillar is the contact theory suggested by G. Allport and summed up by T. Pettigrew [Pettigrew, 1998]. An additional building block of our project comprised the evidence on intercultural practical projects that were completed worldwide. Below, we will briefly overview the above-mentioned theoretical approaches, show how they are combined into a joint theoretical framework, and describe the integration efforts undertaken in different countries that are in line with our framework.

Contact theory is a proposition, first formulated in 1954 [Allport, 1954], according to which a contact between representatives of different ethnicities, if happening under certain conditions, reduces the prejudices of their members towards each other. Among these conditions are

the following: equal status, intergroup cooperation, common goals, and support by social and institutional authorities [Wittig, 1998]. Since then, numerous experiments substantiated the theory and were summoned in the meta-analysis of 515 publications that demonstrated statistically significant correlations between contact and prejudice reduction [Pettigrew, Tropp, 2000; 2006]. A contact proved to be more efficient in overcoming stereotypes than other ways, for example, increasing awareness about “other” cultures [Ibid., 2013]. Moreover, as other researchers show, prejudice can be reduced as a result, not only of face-to-face interaction, but also of indirect contact: when a person imagines such an encounter (“imagined contact”) [Crisp, Turner, 2009; Crisp et al., 2009] or is informed about such a contact of a member of his/her group (“extended contact”) [Wright, 1997; Turner, Hewstone, Voci, 2007]. The contact proved to be effective in a variety of circumstances and settings including workplaces [Oerlemans, Peeters, 2010], residential neighborhoods [Petermann, 2014], schools [Slavin, 1985] and even prisons [Hodson, 2008]. It showed its importance in terms of prejudice reduction both for tolerant and intolerant people [Ibid., 2011]. Also, it turned out to be associated with the improvement of locals’ attitudes toward migrants [Voci, Hewstone, 2003; Escandell, Ceobanu, 2009] and vice-versa [Martinovic, Tubergen van, Maas, 2009]. Overall, despite some critique [Dixon, Durrheim, Tredoux, 2005], the contact proved to be an effective tool of prejudice reduction.

Theoretical frameworks that describe the process of migrants’ incorporation into society are deeply embedded in the political and ideological context of subsequent receiving societies and are usually a consequence of interaction between state, society, and academia [Favell, 2001]. There are two competing concepts that are mainly used in research in order to describe the relations (and their dynamic) between migrants and receiving societies. The concept used in American academia is assimilation, while European scholars stick more to the word integration [Schneider, Crul, 2010]. Both concepts are connected with certain theoretical efforts that are successful in describing some aspects of these relations, and neglect others. The assimilationist paradigm [Alba, Nee, 1997] (in its current up-to-date version) is good at dealing with the complex nature of receiving societies with the theory of segmented assimilation [Portes, Zhou, 1993; Portes, Rumbaut, 2001; Zhou, 1997]

as the conceptual paramount of the theoretical efforts in the field. However, it centers on ethnic groups rather than on individuals' trajectories, possesses no good classification of incorporation realms, and lacks clear description of micro-social mechanisms that would account for the interaction between these aspects. European scholarship in turn didn't produce theories that would describe the overall process on the societal level, though it provided a good classification of dimensions in which incorporation happens. The theoretical language that includes these distinctions was suggested by H. Esser [Esser, 2001; 2004] and developed further by F. Heckmann [Heckmann, Schnapper, 2003; Heckmann, 2005]. Following their logic, migrant integration happens in four different dimensions: (1) cultural, when a migrant learns a language and cultural norms of a receiving society, (2) social, when a migrant obtains social ties with non-migrants, (3) structural, when a migrant takes on a social status through a position within the labor market, educational system, welfare system, etc, (4) identificational, when a migrant identifies himself/herself with a receiving society and is identified as such by members of this society. Considering achievements of both traditions in terms of the theoretical language, we stick to the European approach, as it seems more giving for the empirical research based on the principle of theoretical individualism.

The theoretical model that puts together the achievements of the contact theory and the integration concept generally implies that contact between migrants and locals and its consequences comprise the main mechanism in charge of the process of integration. The contact is, however, limited in its possibilities without a common language, so the cultural aspect of integration is a prerequisite of successful integration in other dimensions [Clément, 1986; Maass, 1999]. The social dimension of integration that presumes communication and tie formation between migrants and locals can be fully analogized to the concept of contact. The relations between the structural and identificational dimension of integration on the one hand and the social dimension on the other are not straightforward, due to the segmented assimilation theory argument (acquisition of a job in one segment of society may entail interactions with locals while employment in another can lead to no interaction at all). Still there is strong evidence that these dimensions are interconnected [Clément, Noels, Deneault, 2001; Kronenfeld,

2005; Ooka et al., 2006; Martinovic, Tubergen van, Maas, 2011; Gaertner, Dovidio, 2014]. Summing up, the more interaction is happening between migrants and locals, the more that cultural common grounds are created between them, and the more migrants get embedded in the receiving society (or its particular segments), the more they identify with it. This model needs more empirical evidence and elaboration. However, it formed the theoretical basis for the project. On the practical level, this model implies that integration events should maximize positive contact between migrants and non-migrants as contact is the main driver of the overall integration process.

Despite the tendency for most of the receiving societies to formulate the integration policy for the national level, soon it became clear [Emilsson, 2015], that the integration process itself takes place on the local level. Since then, the diversity of efforts were undertaken to foster integration in a number of different local contexts. These efforts turned to be much in line with the theoretical framework described above. Below, some of them are described with specifications upon the realm of integration they are mostly touching upon.

The social aspect of integration was covered with the integration events in which the situations for the formation of new ties between migrants and non-migrants were created. A conventional format of such events, being in line with the contact theory, implied equal status cooperation of different groups' members towards a common goal. The bases for such cooperation included, but were not limited to, gardening, sports, and environmental problems. People of various backgrounds were brought together to cultivate fruit and vegetables in community gardens (as was the case in London, UK [East London: Digging..., 2010], Wilmer, USA [Downs-Karkos, 2011], Gottingen, Germany [Gardens of Intercultural Delight, 2014]), solve ecological issues (as with Waitakere City, New Zealand [Downs-Karkos, 2011]), or to prepare for emergency situations (as in Cupertino, USA, where block parties embracing migrants and non-migrants were regularly organized with fire-fighting trainings [Downs-Karkos, 2011]). Sport events were a prominent basis for such integration events as well — they were widely used for integrating the youth of various backgrounds, including dwellers of “bad” neighborhoods in Bristol, Great Britain [Interplay Project] and Munich, Germany [Interkulturellestraßen-fußballliga].

For example “Football for Peace” is an internationally renowned event that originated from attempts to bring Arab and Jewish children together [*Football 4 Peace Monitoring*]. One of the most straightforward formats of the kind is the “community dialogues” effort — a series of meetings of specific groups’ representatives who otherwise do not meet with specifically organized communication between them. Among examples of such events are multiple variants of neighbors’ meeting aimed at discussing the acute issues of their neighborhoods or talking about migration, religion, etc. [*Downs-Karkos, 2011*].

The identificational integration events and formats that are in line with the described framework are diverse, but the general idea that underlies them is to make migrants and non-migrants communicate, imagine, and feel communality on the symbolic level. The most typical integration event of this kind is a ritual of citizenship acquisition occurs when a certain gesture a migrant becomes local on the symbolical level. Such rituals are not limited by the national level and sometimes happen in municipalities. For instance, in Tilburg, Netherlands, regular events are held for migrants who successfully complete integration courses and are adopted as Tilburg townsmen. Another way to express the symbolical communality of locals and migrants are provided by multiple art projects that gather migrant stories and convey them to the “general public.” Often it happens with the participation of migrants themselves, as in Milan, Italy, where migrants told their stories from posters and videos displayed at the bus stops [*Milan Bus Stories*]. A similar kind of effort is designed in a way that migrants contribute to the local newspapers with their stories and agendas, as in Finland. The events that are related to identificational integration, thus, not only “invite” migrants to a local symbolical space, but may also seriously restructure it. A striking example of such restructuring is the case of Marxloh-Duisburg, Germany, where a newly built mosque was planned by local authorities together with representatives of the local community of Muslims and non-Muslims, so that its erection didn’t cause conflicts as elsewhere and urged the local inhabitants to re-imagine their community [*Winkel, 2012*].

Structural integration efforts in Europe that fit the proposed framework mostly included measures that promoted migrants’ inclusion in the labor market. There are three main directions

of activities connected to it: reducing prejudice among potential employers towards migrant job seekers; networking migrants with potential employers and partners for launching businesses; and organizing mentoring programs. In the Netherlands, meetings of potential employers with successful migrants were set up so that the former could make sure that migrants are reliable workers [*Wood et al., 2010, p. 60*]. In Germany, Turkish female migrants who had specific skills in dress-making crafts were matched with young designers to form partnerships [*Ibid., p. 84*]. In Australia, a mentoring program for migrants looking for career or business advice from “local” mentors was launched [*Bright Ideas*]. The cumulative effect of enhancing migrants’ labor market opportunities awareness and of the face-to-face contact between locals and migrants makes these efforts effective in terms of overall migrant integration.

The cultural integration efforts that are in line with the proposed framework are mostly represented by language courses that aim at building bridges between migrants and particular groups in the receiving society or incorporating migrants in particular social circles. By that means migrants master language, get some specific knowledge of a receiving society, and also form social ties with locals. For instance, in Cardiff, Great Britain, language courses for migrants are supplemented with special lessons, when policemen come to the class and explain legal vocabulary to migrants, as well as their rights and duties [*Interplay Project*]. Another example comes from Frankfurt am Main, where Germans organized language courses for children and parents simultaneously. Along with mastering the language, parents became engaged in school-life, which was important for their overall integration [*Mama lernt Deutsch*]. The best practices of migrant integration, thereby, are quite giving in terms of formats for migrant integration. Some of them were incorporated into the project.

Project Context: Migrants in Moscow Neighborhoods

After the collapse of the USSR and especially with the economic growth of the 2000s, Russia started attracting migrants from other post-Soviet republics: at first these were mostly Russian-speaking refugees who were then followed by “ethnic” economic migrants. At the moment, Russia has become the main receiving country

for migrants from the majority of the CIS (Commonwealth of Independent States): more than 80% of migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan, Armenia and Azerbaijan come to Russia and overall in Russia 90% of legally employed foreign citizens originate from the CIS [Chudinovskikh, Denisenko, 2014, p. 29–30]. This allows researchers to speak of the ‘post-Soviet/ Eurasian migration system’ with Russia at its center [Ivahnyuk, 2012].² It is underpinned, among other factors, by the visa-free regime that also means that citizens of CIS countries willing to work in Russia are required to obtain registration and work permits (patent). At the same time, citizens of the countries of the Eurasian Economic Union (Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, as well as Belarus, which is also part of the Union State of Russian and Belarus) do not need work permits to enter the Russian labor market.

The number of international migrant stock in Russia is estimated at 8–10 mln people [Chudinovskikh, Denisenko, 2014, p. 27]. The statistics of the former Russian Federal Migration Service³ for the last four years consistently showed the number of foreign citizens on the territory of Russia oscillating around 10 mln with the main countries of origin being Ukraine (2.48 mln), Uzbekistan (1.75 mln) and Tajikistan (0.87 mln).⁴ The latter two countries together with Kyrgyzstan are nominated as having the most migration potential for Russia [Zajonchkovskaya et al., 2011].

As the capital and biggest city of the Russian Federation with 12 mln people as the registered population, Moscow is the main magnet for both international and internal migrants.⁵ The official number of international migrants (foreign citizens) in 2016 in Moscow was 1.46 mln people with more than half of them coming from Central Asia: the three major origin countries are Uzbekistan (23.6%), Tajikistan (15.8%) and Kyrgyzstan (15.2%) [Analiz migracionnoj situacii].

In contrast with many other megalopolises in Europe and North America, migrants in Moscow disperse around the city and do not settle in specific neighborhoods [Vendina, 2004; Vendina, 2009]. This is explained by the Soviet legacy

[Vendina, 2012] with its “peoples’ friendship” ideology and orientation towards mixing of people with various backgrounds through accommodation, educational institutions and communist party associations including its branches for children and youth. Today it is reinforced by a type of accommodation popular among migrants that implies renting a bed in a flat with other migrants and quickly changing flats without even noticing advantages and disadvantages of the neighborhoods [Rocheva, 2015].

The differentiation of Moscow that is now under way is based not on the ethnic, but on the socio-economic characteristics and can be described by a very rough distinction of “center” and “periphery” [Arheologiya periferii, 2013]. Being generally cheaper and less attractive, the latter is composed of the so called “sleepy neighborhoods” that are mostly residential areas with the standard blocks of flats built in the Soviet period after the World War II. They are similar to each other in the quality of accommodation but are stereotypically rated by the Muscovites as “better” or “worse” [Ibid.].

The two neighborhoods selected as localities for the project (Kapotnya and Kuntsevo⁶) are “peripheral/sleepy” but differ from each other in a number of characteristics. Kapotnya is considered a “troubled” neighborhood [Ibid.] with environmental problems due to an oil refinery. With the population of 32,000 registered dwellers,⁷ it is located in the South-Eastern administrative district of Moscow. On the contrary, Kuntsevo, located in the Western administrative district of Moscow with the population of 150 thousands,⁸ is seen as a “good” neighborhood [Ibid.]. Until the 1960s, both neighborhoods developed as independent settlements: Kapotnya was a workers settlement around a large oil refinery and Kuntsevo was a town with its own industry. Since that time, Kuntsevo “grew into” Moscow and became well connected with other parts of the city through various transportation means. It is now a transportation hub with two underground stations and suburban train stations, as well as more than fifteen bus routes. Contrary to this, Kapotnya is isolated from the

2 However, this notion is challenged: see [Brunarska, Nestorowicz, Markowski, 2014].

3 This state body existed until April 2016.

4 Figures of April, 2016 exposed on the web-site of the FMS, now – Ministry of Internal Affairs: [Statisticheskie svedeniya].

5 Estimates of the permanent population of January, 2016 by the Federal State Statistics Service: [Moskva v cifrah].

6 These were taken as administrative units rather than vernacular districts although in the case of Kapotnya the residential part of the administrative unit almost coincides with the vernacular district called by this name.

7 Estimates of the permanent population as of January, 2016 by the Federal State Statistics Service [Moskva v cifrah].

8 Ibid.

Fig. 1. A screenshot from the award-winning film

rest of Moscow and has only six bus routes that bind it with the city. Kuntsevo is quickly growing with new residential and commercial real estate unlike Kapotnya, which has had a stable housing stock for the last thirty years. Both neighborhoods have significant numbers of migrants.

These two neighborhoods were extensively studied in 2014–2015 with qualitative methods to identify the “groups” of migrants and non-migrants with varying levels of social integration into the local life. The results of the study allowed for constructing a “social map” [Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2016] of a Moscow neighborhood that demonstrated groups of migrants and non-migrants “typical” for these neighborhoods and presence or absence of connections between them. These materials laid the groundwork for the formulation of a “neighborhood integration concept” describing existing and potential social interactions between different groups of migrants and non-migrants, as well as integration events that are in the focus of this paper.

Faces of a Neighborhood

The pilot event was centered around a contest of short videos filmed by schoolchildren that portrayed the inhabitants of the neighborhood. Each team of schoolchildren was supposed to make four films about an ethnically Russian person living in the neighborhood for a long period of time, an ethnically Russian migrant, an ethnic migrant who has been living in the neighborhood for more than ten years, and an ethnic migrant who has recently moved to the neighborhood. There was a series of workshops on filming and editing for the contest participants.

When all the films were ready, a professional jury selected the winning team and there was an award ceremony showing all the films. It was an open event and local dwellers were invited. After showing all the films, the audience nomi-

nated one of the films as its favorite for a special award. It was a film-portrait of a shoe repairman from Armenia who talked about the necessity for love and respect to everyone independent of his/her origin in a very touching manner (Fig. 1).

Although the impact of the pilot event was not assessed, we can hypothesize that it contributed to the identificational and social aspects of integration: in the process of filming, schoolchildren got acquainted with adults of diverse ethnic and migration backgrounds, whereas the final product was a set of video-portraits of the neighborhood dwellers — both migrants and non-migrants — that manifested the neighborhood as comprising people of a multiplicity of backgrounds.

Human Library

The format for this event was invented in Denmark in 2000 when a young man with migrant background was murdered by neo-Nazis and his friends decided to come up with a way to confront attitudes towards negatively stereotyped groups. The name of the event implies the presence of “books” — representatives of these negatively stereotyped groups — and “readers” — representatives of the “majority;” readers get to know the stories of the books with the facilitation of “librarians” — event organizers. As a result of such communication when readers ask books their questions and get extensive answers, the attitudes of the readers about the specific “book” and the group (s)he represents changes. Although this format has been functioning for more than fifteen years, there are no publications that show the results of its impact evaluation conducted according to a strict methodology.

A specific “Human library” that aimed at migrants’ integration was held in one of the local schools in 2015. The four “books” selected for the event were (1) Russian female Muslim, (2) male Muslim from Dagestan, (3) female Kyrgyz migrant, (4) male Kyrgyz migrant yard-keeper.

To evaluate the effect of the event in accordance with the Comparison Group Pre-test/Post-test Design, a quasi-experiment was conducted. Such methodology includes two measurements in two groups (experimental and control ones): before and after the exposure of the experimental group. For the experiment two parallel 10th grade classes were selected. Several days before the Human Library a survey was launched in both of them. After the survey the pupils of the

experimental class were told about the Human Library format and also about the books — who they were and what the questions were that they wanted to discuss. Then the event was conducted. A week after the event, the second survey was conducted in both classes.

The questionnaire consisted of several blocks that measured stereotypes and their content basing on various theoretical approaches and operationalizations: (1) questions on perceived threats coming from representatives of other ethnicities/religions, (2) “thermometer” scale that assessed attitudes towards “immigrants,” “Muslims,” “Caucasians” (“kavkaztsy”),⁹ and “Tajiks,” (3) semantic differential scale, and (4) Social Dominance Orientation scale. Calculations were conducted using an independent-samples t-test.

According to the results of the measurements, “Human Library” weakened the image of migrants as a social category in charge of social tensions and contributed to the improvement of the schoolchildren’s attitudes towards two categories: “Muslims” and “Caucasians.” In particular, the experimental group at the post-event test demonstrated higher level of disagreement with the saying “Presence of lots of representatives of the other ethnicity/religion is connected with the high social tension:” the mean value received one more point on the 7-point scale with the significance of $p = 0.016$.

The thermometer scale with the ratings from -50 to +50 showed that the attitudes towards “Muslims” grew 10 points higher, towards “Caucasians” — 8.4 points higher (Fig. 2).

The results of the semantic differential measurements show that after the event participants started attributing positive characteristics to “Muslims” and “Caucasians”. Attitudes towards “Muslims” showed the biggest progress with increased number of such characteristics as friendly, warm, trustworthy, strong; and together with the “Caucasians” — as nice and positive (Fig. 3, 4).

Thus, the “Human Library” showed its effectiveness as an integration event format since it contributes to the decrease of social tension and weakening of the stereotypes towards “Muslims” and “Caucasians,” and in such a way strengthens the grounds for the formation of social ties between migrants and non-migrants.

9 Contrary to the English notion of “Caucasian” as “white”, in Russia it is connected with the status of visible minorities — people coming from the Caucasus.

Cooking Workshops

As the preliminary research in neighborhoods showed, stay-at-home female ethnic migrants are one of the least integrated “groups” on the local level. Various activities, spaces, and institutions connected with children (such as playgrounds and schools) successfully facilitate inclusion of Russian-speaking mothers (both migrants and non-migrants) into local social life, but they do not relax tense relationships between “ethnic” and “Russian” mothers stemming from the “bright” ethnic boundaries. To improve these relationships and contribute to the formation of social ties between different mothers, a special format of intercultural cooking workshop was developed.¹⁰

In 2015 in Kapotnya we organized a set of four biweekly events for women of various migration and ethnic backgrounds living in that neighborhood. The participants were five Russian female non-migrants and five “ethnic” female migrants from South Caucasus and Central Asia. For every meeting, there was a lady selected who taught the others how to cook a meal she wanted to share. The workshop generally lasted for three hours: for the first 1.5–2 hours the participants discussed the process and ingredients and cooked together, after which, for the rest of time, they sat at the table, tried the results of their work, and had a talk moderated by a special person. At the first workshop they cooked meals of the Armenian and Georgian cuisine, on the second one — Russian cuisine, on the third one — Azerbaijani cuisine, and on the fourth one — Uzbek and Tajik.

The results of this series of workshops were assessed with specially designed evaluation procedures that included a video recording of the events and analysis of the visual data acquired. This analysis was supplemented with a series of interviews with the participants before and after the set of four workshops.

The visual data was analyzed in two dimensions: static and dynamic. Static-dimension analysis implied assessment of the participants’ positions in relation to each other on the snapshots with five-minutes break between them. Dynamic-dimension analysis meant the calculation of the interactions of participants during the whole workshop. Interactions included into analysis were both verbal or physical and

10 A partner for this set of events was the Cook & Talk social enterprise, which aims at stimulating dialogue on the basis of joint cooking [Cook & Talk].

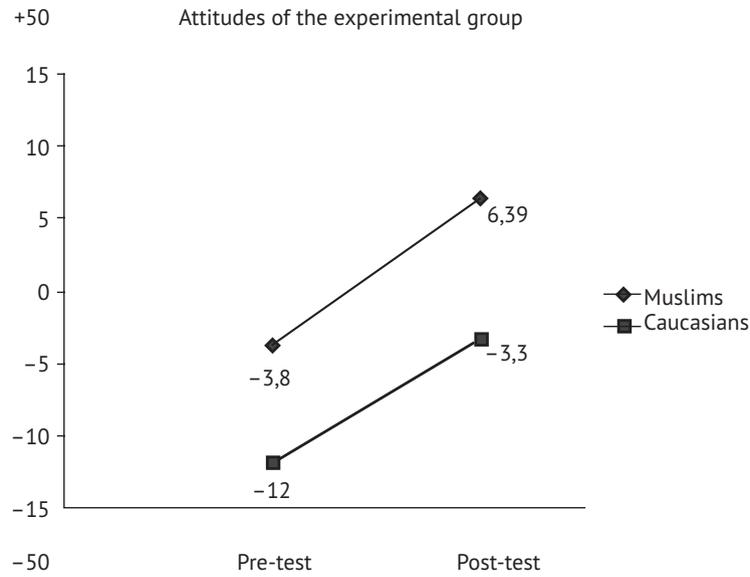

Fig. 2. Difference in means in the experimental group's attitudes towards the categories "Muslim" ($0.05 \leq p < 0.1$) and "Caucasians" ($0.05 \leq p < 0.1$) on the thermometer scale (-50, +50)

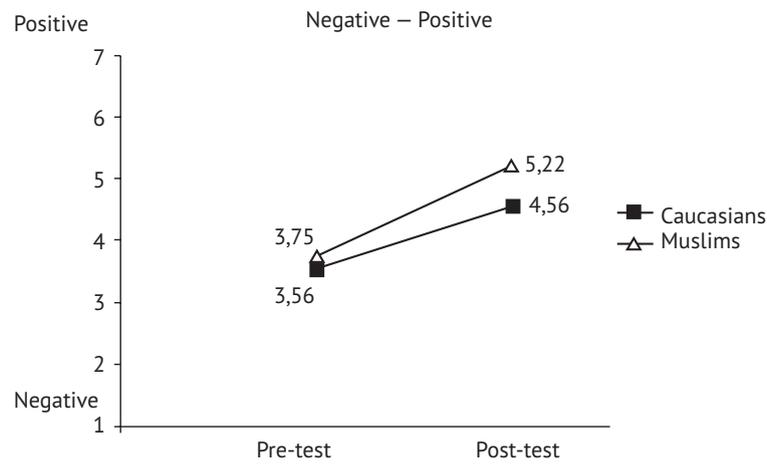

Fig. 3. Difference in means in the experimental group's attitudes towards the categories "Muslim" ($p \leq 0.01$) and "Caucasians" ($0.01 \leq p < 0.05$) on the semantic differential scale "negative-positive" (7-point scale: negative - 1, positive - 7)

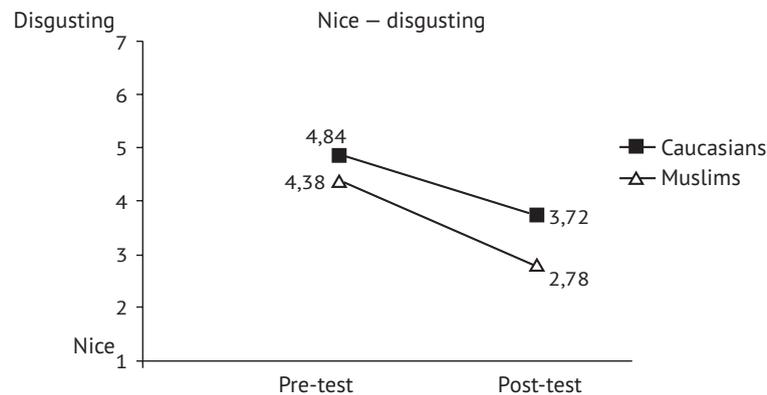

Fig. 4. Difference in means in the experimental group's attitudes towards the categories "Muslim" ($p \leq 0.01$) and "Caucasians" ($p \leq 0.01$) on the semantic differential scale "nice-disgusting" (7-point scale: nice - 1, disgusting - 7)

implied conversations, co-doing and “active attention” towards each other (*Fig. 5*). For each workshop the number of proximity situations and interactions of the three categories (migrant – migrant; migrant – non-migrant; and non-migrant – non-migrant) was calculated. The results were weighed according to the ratio of migrants and non-migrants at each workshop.¹¹

Bidimensional analysis showed that at the beginning of the series of workshops the contacts between migrants and non-migrants were few, at the end of the series they started communicating more. The analysis of visual data in the static dimension showed that the share of proximity situations of migrants and non-migrants among all proximity situations at a workshop increased: it was equal to 26% on the first workshop (out of 76 all proximity situations on that workshop) and grew to 53% by the fourth workshop. Moreover, migrants and non-migrants started interacting more: the dynamic dimension analysis showed the rise of share of interactions between migrants and non-migrants among all interactions from 36% on the first workshop to 65% at the fourth one (*Fig. 6*).

Visual data analysis together with the analysis of the interviews (which showed the decline of the language barrier and growth of confidence of migrants in the communication with the non-migrants) allow for arguing that this format of cooking workshops is effective for the inclusion of migrants into the local community, and in the long run it can contribute to the full-fledged social integration of the participants.

Intercultural Football

This sport event was developed to integrate two groups of men excluded from the neighborhood social life. The first group consists of primarily non-migrant (or internal migrant) men with Russian language as a mother tongue who spend weekdays out of their neighborhood, stay at home with the family on the weekend, and thus poorly integrated in the local community life. The other group is yard-keepers – primarily ethnic migrants who spend a lot of time in the neighborhood but rarely communicate with the inhabitants of the houses they take care of and other neighborhood dwellers. The event is a neighborhood football tournament with the

participation of mixed poly-ethnic teams. Such joint efforts of the men of different ethnic backgrounds contributes to decreasing stereotypes of these two “groups” towards each other.

The football tournament was at the center of the festivity specially organized in the Moscow neighborhood of Kuntsevo in September 2015. The program included workshops and competitions for the children as well as performances of the professional and amateur groups. Good-neighborly relations and ethnic and national cohesion were the leading idea of the background music and speeches of the event host.

Overall, there were 42 players with various mother tongues (including but not limited to Russian, Kyrgyz, Lak, etc.) who were allocated into seven mixed teams. The teams were playing against each other with a winner staying and loser leaving the field. A team was getting three points for each win, one point for tie, zero points for defeat. The team with the maximum points was selected as the winner. The three winner teams received valuable trophies. All participants got prizes and were in the final photo.

To assess the effectiveness of this event, a survey with the participants before the start of the football contest (face-to-face format) and a week after the event (telephone survey) was organized. The questionnaires were translated into Uzbek, Kyrgyz, and Tajik languages. The survey was conducted by four interviewers with multilingual skills. There were 51 respondents in the first round and 27 in the second one. Together with the socio-demographic characteristics, the questionnaire included four main blocks: (1) embeddedness in the neighborhood (operationalized as social ties in the neighborhood, identification with the neighborhood); (2) feeling of safety in the neighborhood and in Moscow; (3) attitudes towards their in-group; (4) attitudes towards different groups (“Muslims,” “Muscovites,” “Russians,” “migrants,” “Caucasians,” “Tajiks”) measured with the thermometer scale with ratings from –50 (worst attitudes) to +50 (best attitudes).

To check the effectiveness of the event, mean values of the pre-event and post-event surveys were measured for a range of specially constructed groups: (1) all event participants, (2) “visible minorities,” (3) neighborhood dwellers, (4) neighborhood dwellers – “visible minorities,” (5) neighborhood dwellers – football players, (6) football players, (7) “visible minorities” – football players. The significance of the

¹¹ Some participants could skip one or more events due to their or their children’s health issues.

Fig. 5. An example of interactions during the first workshop: there is a group of “red circles” which designate female migrants and a group of “blue circles” which designate female non-migrants

difference between means was calculated with the t-test.

Overall, the event contributed to the increase in the respondents’ embeddedness in the neighborhood and improvement of the attitudes towards “Russians” and “Muscovites.”

The increase of the embeddedness in the neighborhood is demonstrated by the variation of the index constructed on the basis of three statements: “I know a lot of people in this neighborhood,” “When I walk along the neighborhood, I come across a lot of people I know,” and “I can solve a lot of problems with the help of friends and acquaintances who live or work in this neighborhood.” Cronbach’s alpha in the pre-event measurement $\alpha = 0.707$ and the one

in the post-event measurement $\alpha = 0.778$. We observe the increase of the index value from the first to the second measurement for two groups: “neighborhood dwellers – football players” and “visible minorities” – football players” (on average, on 0.17 point) (Fig. 7).

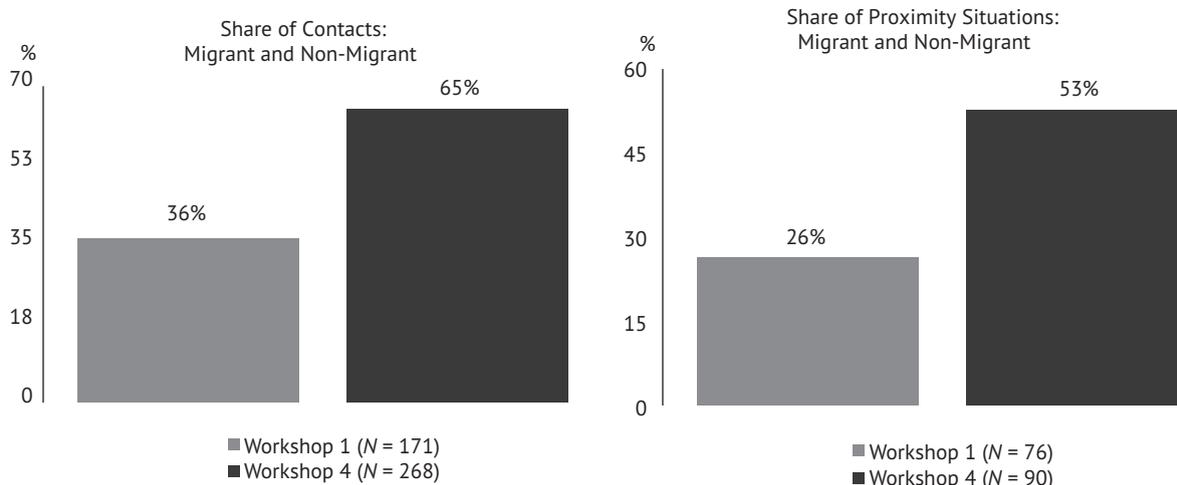
Along with that the event led to the improvement of the attitudes among “neighborhood dwellers-visible minorities” towards two groups: “Muscovites” and “Russians” – on 5–7 points (Fig. 8). The attitude towards “Muscovites” improved among all the groups except for the “visible minorities”. The results are statistically significant ($p > 0.05$).

Sociological evaluation of the intercultural football impact showed that this format is an effective tool to integrate excluded groups into the neighborhood life and to decrease stereotypes of these groups towards each other.

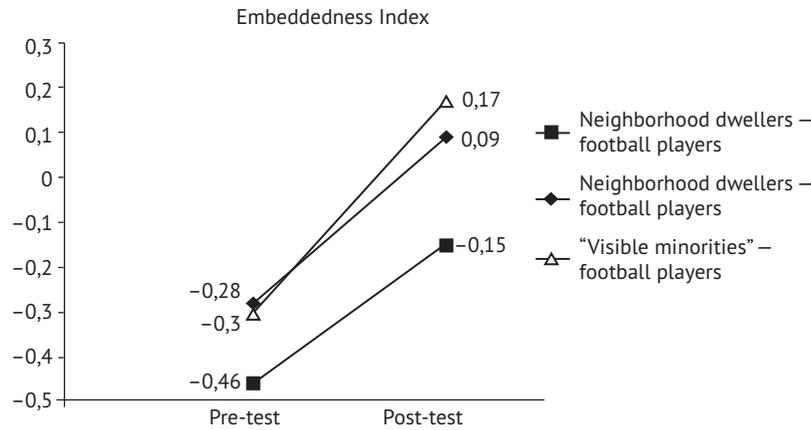
Conclusion

This article is dedicated to the project that is localized on the boundary between scholarly work and social activism and provides tools for migrants’ integration on the local level. The article contains a manifestation of project’s theoretical framework which binds together recent advances in cross-cultural psychology and theorizing on integration, and the detailed description of intercultural events which were constructed on the basis of this framework and launched in peripheral Moscow neighborhoods.

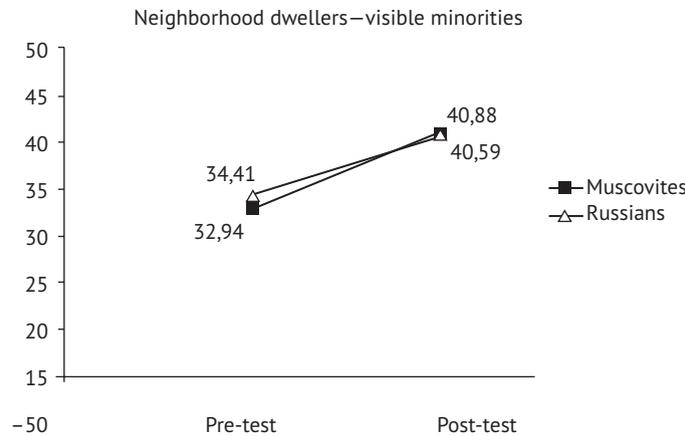
Each event (or a set of events) was centered on the idea of communication between migrants

Fig. 6. Shares of interactions between and proximity situations of migrants and non-migrants on the first and last workshops, after weighing

Fig. 7. Difference in means of the embeddedness index (-1.01; 1.43.) among “Neighborhood dwellers – football players” ($0.05 \leq p < 0.1$); Football players ($0.01 \leq p < 0.05$), “Visible minorities” – football players ($0.01 \leq p < 0.05$)

Fig. 8. Difference in means in the attitudes towards categories “Muscovites” ($0.01 \leq p < 0.05$) and “Russians” ($0.05 \leq p < 0.1$) among “neighborhood dwellers-visible minorities”

and non-migrants and so, if designed in a proper manner, allows the weakening of stereotypes and the enhancement of the integration process. The “Neighborhood Faces” set of events gave floor to communication between schoolchildren and local dwellers of different backgrounds, as well as to an opportunity for locals to perceive the changed ethnic profile of their neighborhood through personal stories of migrants and non-migrants converted into short films. Within the “Culinary Workshops” the communication was built on the basis of mutual teaching and collective cooking of neighborhood dwellers of different backgrounds. The most direct event in terms of communication was the “Human Library,” which differed from the original versions of this format as it was specially designed for the integration purposes. Within this event the schoolchildren were communicating with migrants of different backgrounds and by asking questions studied their life experience and atti-

tudes toward a multiplicity of problems. The last event was the “Intercultural football” where the communication was organized by participation in ethnically mixed teams.

Three of the four events were assessed quantitatively. The effect of the “Human Library” and the “Intercultural football” events was measured using the standard pre-test/post-test study design, the “Cooking Workshops” were constructed in a way that needed some special procedures of effectiveness measurement. Such procedures were created. They entailed tracing interethnic contact cases from the first workshop to the last one with the subsequent comparison of the numbers. Altogether, notwithstanding the method of measurement, the overall effect of the events on integration can be described as lying between moderate and substantial. Thereby both the approach and the events can be considered as an effective tool of migrants’ integration.

The subsequent steps should include the implementation of the project's results and inclusion of the general intercultural principles, as well as the formats of the events into practice and the policy. Communication with authorities and practitioners during and after the project clearly showed that the implementation of the results in Russia will require much more effort as compared with designing, launching, and completing the project itself. Why? First, until recently, integration as a concept was completely absent from the public discussion, substituted by differently expressed social phobias toward the "Other." The migration issues on the governmental level were being framed as issues of security rather than of societal solidarity, and it is hardly a coincidence that the governmental body that is in charge of the migration issue in Russia from April 2016 has been the Ministry of the Interior Affairs. When only recently integration issues were raised in public discourse and official documents, ministry officials interpreted integration merely as language-learning and "getting to know the Russian culture," thus underrating the importance of the interactional aspect of it. Second, the field of practitioners working in the field of migration who could next take the baton is currently limited to judicial consulting, language schools, and ethnic organizations. The logic of their functioning doesn't

leave much space for intercultural efforts. Among the rest of the NGOs the most logical implementer of the results can be the organizations and groups that participate in the community movement. Unfortunately in Russia, as for now, this movement is weak. Moreover, notwithstanding the poli-cultural nature of Russian cities, the members of the movement rarely recognize the need of intercultural efforts in their work. The third hindrance lies in the nature of the intercultural events themselves, which are nuanced in their organization and need much effort from the organizers. A new format, however, should necessarily be simple so that people of different backgrounds could understand and reproduce it. If the events become compulsory for schools or local libraries, there is a great chance that they will be simulated, but only formally meeting the requirements, and as a result integration won't happen. Altogether, this makes us pessimistic regarding the future of the project results in Russia at this point; but in our efforts we follow the rule: Do what seems right and come what might. This article, thus, is one of the efforts for the intercultural integration framework to be implemented and to contribute to the integration of migrants and harmonization of relations between people of various backgrounds globally.

The article is prepared with the support of the Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration within the grant provided by Government of Russian Federation for the research project "Theoretic-methodological Resources for Studying Integration Trajectories of the Second Generation of Foreign Migrants in Russia" (2017).

References

- Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*, 1997, vol. 31, no 4, pp. 826–874.
- Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. New York: Addison, 1954.
- Analiz migracionnoj situacii v Moskve v marte 2016 i 2015 gg. [Analysis of the migration situation in Moscow in March 2016 and 2015]. *Dvizhenie "Dobrososedstvo"* [Social movement "Good-neighborhood"]. Available at: http://www.dobro-sosedstvo.ru/dobro/ru/etc/o_54628. (accessed 08.03.2017)
- Arheologiya periferii [Periphery's archaeology]. *Issledovanie dlya Moscow Urban Forum 2013* [Research for the Moscow Urban Forum 2013]. Research Lead YU, Grigoryan, 2013. Available at: <http://mosurbanforum.ru/books/arheologiya-periferii>. (accessed 08.03. 2017)
- Bright Ideas. *Refugee Council of Australia*. Available at: <http://www.refugeecouncil.org.au/r/brightideas/>
- Bright_Ideas15_ComtyComrce.pdf. (accessed 08.03. 2017)
- Brunarska Z., Nestorowicz J., Markowski S. Internal vs External Migration in Post-Soviet Space. CARIM-East Research Report. *Ośrodek Badań nad Migracjami UW*, 2014. Available at: <http://repozytorium.ceon.pl/handle/123456789/3398>. (accessed 08.03.2017)
- Burawoy M. 2004 American Sociological Association Presidential address: For public sociology. *The British Journal of Sociology*, 2005a, vol. 56, no 2, pp. 259–294.
- Burawoy M. For public sociology. *American Sociological Review*. 2005b, vol. 70, no 1. pp. 4–28.
- Chudinovskikh O.S., Denisenko M.B. Population Mobility in the Commonwealth of Independent States: Whither Common Migration Policy? CARIM-East Research Report. *CMR Working Papers* 74 (132). Warsaw: Centre of Migration Research, University of Warsaw, 2014, pp. 29–30.

- Clément R. Second language proficiency and acculturation: An investigation of the effects of language status and individual characteristics. *Journal of Language and Social Psychology*, 1986, vol. 5, no 4, pp. 271–290.
- Clément R., Noels K.A., Deneault B. Interethnic contact, identity, and psychological adjustment: The mediating and moderating roles of communication. *Journal of Social Issues*, 2001, vol. 57, no 3, pp. 559–577.
- Cook & Talk. Available at: <http://cookandtalk.ru>. (accessed 08.03.2017)
- Crisp R.J. et al. Imagined intergroup contact: Theory, paradigm and practice. *Social and Personality Psychology Compass*, 2009, vol. 3, no 1. pp. 1–18.
- Crisp R.J., Turner R.N. Can imagined interactions produce positive perceptions?: Reducing prejudice through simulated social contact. *American Psychologist*, 2009, vol. 64, no 4, pp. 231–240.
- Dixon J., Durrheim K., Tredoux C. Beyond the optimal contact strategy: a reality check for the contact hypothesis. *American Psychologist*, 2005, vol. 60, no 7, pp. 697–711.
- Downs-Karkos S. A Guide For Engaging Mainstream America In Immigrant Integration. *The receiving communities toolkit*, 2011. Available at: http://www.welcomingamerica.org/wp-content/uploads/2011/10/Receiving-Communities-Toolkit_FINAL.pdf. (accessed 08.03.2017)
- East London: Digging in for Community. *Cities of Migration*, 2010. Available at: http://citiesofmigration.ca/good_idea/east-london-dig-on-for-community/. (accessed 08.03.2017).
- Emilsson H. A national turn of local integration policy: multi-level governance dynamics in Denmark and Sweden. *Comparative Migration Studies*, 2015, vol. 3, no 7.
- Escandell X., Ceobanu A.M. When contact with immigrants matters: threat, interethnic attitudes and foreigner exclusionism in Spain's Comunidades Autónomas. *Ethnic and Racial Studies*, 2009, vol. 32, no 1, pp. 44–69.
- Esser H. Does the “New” Immigration Require a “New” Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. 2004, vol. 38, no 3, pp. 1126–1159.
- Esser H. *Integration und ethnische Schichtung*. Mannheim, 2001.
- Favell A. Integration policy and integration research in Europe: a review and critique. *Citizenship today: global perspectives and practices* / T.A. Aleinikoff, D. Klusmeyer (eds). Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2001, pp. 349–401.
- Football 4 Peace Monitoring & Evaluation. Available at: <http://www.football4peace.eu/m&e.html>. (accessed 11.04.2015)
- Gaertner S.L., Dovidio J.F. *Reducing intergroup bias: The common ingroup identity model*. New York: Psychology Press, 2014.
- Gardens of Intercultural Delight. Internationale Gärten e.V. Göttingen. *Cities of Migration*, 2014. Available at: http://citiesofmigration.ca/good_idea/garden-of-intercultural-delights/. (accessed 08.03.2017)
- Heckman F. National modes of immigrant integration // Bosswick W., Husband C. *Comparative European Research in Migration, Diversity and Identities*. Bilbao: University of Duesto, 2005, pp. 99–112.
- Heckmann F., Schnapper D. (ed.). *The integration of immigrants in European societies: National differences and trends of convergence*. Lucius & Lucius DE, 2003, vol. 7.
- Hodson G. Do ideologically intolerant people benefit from intergroup contact? *Current Directions in Psychological Science*, 2011, vol. 20, no 3, pp. 154–159.
- Hodson G. Interracial prison contact: The pros for (socially dominant) cons. *British Journal of Social Psychology*, 2008, vol. 47, no 2, pp. 325–351.
- Interkulturelle Straßenfußball-Liga. Available at: <http://bunkicktgut.de>. (accessed 08.03.2017)
- Interplay Project. *Good practice case study*. Available at: <http://goo.gl/7cR6L4>. (accessed 04.11.2015)
- Ivahnuk I.V. *Evrzjijskaya migracionnaya sistema: ot ehkonomicheskogo pragmatizma k vozrozhdeniyu civilizacionnogo edinstva* [Eurasian migration system: from economic pragmatism to the renaissance of the civilizational unity], 2012. Available at: http://www.gumilevcenter.ru/evrazijskayamigracionnayasistemaotehkonomicheskogoprugmatizma_k_vozrozhdeniyucivilizacionnogoedinstva/. (accessed 08.03.2017)
- Kronenfeld D.A. The effects of interethnic contact on ethnic identity: Evidence from Latvia. *Post-Soviet Affairs*, 2005, vol. 21, no 3, pp. 247–277.
- Lane J.E. *New public management*. Taylor & Francis US, 2000.
- Maass A. Linguistic intergroup bias: Stereotype perpetuation through language. *Advances in experimental social psychology*, 1999, vol. 31, pp. 79–121.
- Mama lernt Deutsch. *Frankfurt.de*. Available at: http://www.frankfurt.de/sixcms/detail.php?id=2889&ffmpar%5B_id_inhalt%5D=352763. (accessed 08.03.2017)
- Martinovic B., Tubergen van F., Maas I. Acquisition of Cross-Ethnic Friends by Recent Immigrants in Canada: A Longitudinal Approach1. *International Migration Review*, 2011, vol. 45, no 2, pp. 460–488.
- Martinovic B., Tubergen van F., Maas I. Dynamics of interethnic contact: A panel study of immigrants in the Netherlands. *European Sociological Review*, 2009, vol. 25, no 3, pp. 303–318.
- Milan Bus Stories. *Cities of Migration*, 2014. June 2. Available at: http://citiesofmigration.ca/good_idea/milan-bus-stories. (accessed 08.03.2017)
- Moskva v cifrah [Moscow through the prism of figures]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://moskva.v.cifrah.ru/>

- cow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/. (accessed 08.03.2017)
- Oerlemans W.G.M., Peeters M.C.W. The multicultural workplace: interactive acculturation and intergroup relations. *Journal of Managerial Psychology*, 2010, vol. 25, no 5, pp. 460–478.
- Ooka E. et al. Does social capital pay off more within or between ethnic groups? Analyzing job searchers in five Toronto ethnic groups. *Inside the Mosaic*, 2006, pp. 199–226.
- Petermann S. Neighbourhoods and municipalities as contextual opportunities for interethnic contact. *Urban Studies*, 2014, vol. 51, no 6, pp. 1214–1235.
- Pettigrew T.F. Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 1998, vol. 49, no 1, pp. 65–85.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, vol. 90, no 5, pp. 751–783.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. Does intergroup contact reduce prejudice? Recent meta-analytic findings. *Reducing prejudice and discrimination* / S. Oskamp (ed.). Mahwah, New Jersey: Psychology Press, 2000, vol. 93, pp. 114–115.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. *When groups meet: The dynamics of intergroup contact*. New York, Hove: Psychology Press, 2013.
- Portes A., Rumbaut R.G. *The story of the immigrant second generation: Legacies*. New York: Russell Sage Foundation, 2001.
- Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *The annals of the American academy of political and social science*, 1993, vol. 530, no 1, pp. 74–96.
- Rocheva A.L. Issledovanie pozicij “kar’ery kvartirosemshchika” i modelej prozhivaniya v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana [Research of “tenant career” positions and housing models of migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 2015, no 2, pp. 31–50.
- Schedler K., Proeller I. *New public management*. Bern: Haupt, 2000.
- Schneider J., Crul M. New insights into assimilation and integration theory: Introduction to the special issue. *Ethnic and Racial Studies*, 2010, vol. 33, no. 7, pp. 1143–1148.
- Slavin R.E. Cooperative learning: Applying contact theory in desegregated schools. *Journal of Social Issues*, 1985, vol. 41, no. 3, pp. 45–62.
- Statisticheskie svedeniya po migracionnoj situacii [Statistical data on the migration situation]. *Oficial’nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii* [Official web-site of the Ministry for Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>. (accessed 08.03.2017)
- Turner R.N., Hewstone M., Voci A. Reducing explicit and implicit outgroup prejudice via direct and extended contact: The mediating role of self-disclosure and intergroup anxiety. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007, vol. 93, no. 3, pp. 369–388.
- Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Social'naya karta rajona kak instrument gorodskih issledovanij [Neighborhood social map as an urban research instrument]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], 2016, no 3, pp. 31–52.
- Vendina O.I. Mogut li v Moskve vozniknut' etnicheskie kvartaly? [Can there appear ethnic neighborhoods in Moscow?]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of the public opinion: Data. Analysis Discussion], 2004, no 3 (71), pp. 52–64.
- Vendina O. Migranty v Rossijskihgorodah [Migrants in the Russian cities]. *Otechestvennye zapiski* [Annals of the Fatherland], 2012, no 3, pp. 216–229.
- Vendina O.I. Kul'turnoe raznoobrazie i “pobochnye” effekty etnokul'turnoj politiki v Moskve [Cultural diversity and “subsidiary” effects of the ethnocultural policy in Moscow]. *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow] / Zh.A. Zajonchkovskaya (ed.). Moscow: “Tri kvadrata” [Three squares], 2009, pp. 45–147.
- Voci A., Hewstone M. Intergroup contact and prejudice toward immigrants in Italy: The mediational role of anxiety and the moderational role of group salience. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2003, vol. 6, no 1, pp. 37–54.
- Winkel E. Participatory planning around mosque building in Marxloh-Duisburg. *European Urban Knowledge Network*, 2012. Available at: <http://www.eukn.eu/e-library/project/bericht/detail/participatory-planning-around-mosque-building-in-marxloh-duisburg/>. (accessed 08.03.2017)
- Wittig M.A., Grant-Thompson S. The utility of Allport's conditions of intergroup contact for predicting perceptions of improved racial attitudes and beliefs. *Journal of Social Issues*, 1998, vol. 54, no 4, pp. 795–812.
- Wood P. et al. (ed.) *Intercultural Cities: Towards a Model for Intercultural Integration: Insights from the Intercultural Cities Programme, Joint Action of the Council of Europe and the European Commission*. Council of Europe, 2010w.
- Wright S.C. et al. The extended contact effect: Knowledge of cross-group friendships and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997, vol. 73, no 1, pp. 73–90.
- Zajonchkovskaya Zh.A., Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V., Poletaev D.V., Florinskaya Yu.F. *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Female migrants from the CIS countries in Russia] / E.V. Tyuryukanova (ed.). Moscow: MAKS Press [MAKS Press], 2011.
- Zhou M. Segmented assimilation: Issues, controversies, and recent research on the new second generation. *International Migration Review*, 1997, pp. 975–1008.

Е.А. ВАРШАВЕР, А.Л. РОЧЕВА, Н.С. ИВАНОВА

СОЕДИНЯЯ НАУКУ И ПРАКТИКУ:

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В МОСКОВСКИХ РАЙОНАХ

Варшавер Евгений Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119571 Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 3, оф. 2105.

E-mail: varshavere@gmail.com

Рочева Анна Леонидовна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119571 Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 3, оф. 2105.

E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Иванова Наталия Сергеевна, бакалавр международных отношений, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119571 Москва, просп. Вернадского, 84, корп. 3, оф. 2105.

E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

В статье изложены результаты проекта, в ходе которого были разработаны и проведены мероприятия по интеграции мигрантов в районах Москвы, а также оценена их эффективность. Текст состоит из двух частей. В первой части описываются накопленные научные знания и «лучшие практики» по интеграции мигрантов на локальном уровне. Эта часть завершается изложением теоретической рамки проекта. Во второй части описываются четыре интеграционных мероприятия, проведенные в 2014–2015 гг., а именно их содержание и результаты оценки эффективности. Авторы приходят к выводу, что мероприятие, разработанное на основе теории контакта и теоретической рамки интеграции, — это эффективный инструмент для интеграции мигрантов на локальном уровне. В заключительной части обсуждаются возможности и препятствия для широкомасштабного внедрения результатов проекта.

Ключевые слова: мигранты; интеграция; ассимиляция; интеркультурализм; живая библиотека; теория контакта; районы Москвы

Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Теоретико-методологические ресурсы для изучения интеграционных траекторий иностранных мигрантов второго поколения в России» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2017 г.

PAVEL ZUBKOV

EQUALLY DESPISED, EQUALLY DESPISING:

BRIDGING THE GAP BETWEEN RELIGIOUS MINORITIES IN A CITY

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 40-53
<https://doi.org/10.17323/usp21201740-53>

Pavel Zubkov, Ph.D., Assistant Professor in the Theology Department of Zaoksky Christian Humanitarian and Economic Institute; 43-a, Rudneva Street, p. Zaokskiy, 301000 Tula Region, Russian Federation.

E-mail: zubkovp75@gmail.com

Abstract

The growing number of Muslim immigrants in Moscow presents a significant challenge for intergroup relations in an urban context. Among Muscovites, Seventh-day Adventists as a religious minority appear to share a common prejudice against another minority: Muslim immigrants. This study seeks to determine factors that influence negative attitudes of these Adventists toward immigrants and to build a model for prejudice reduction.

The proposed model includes two dependent variables (social distance and prejudice), five moderating variables (symbolic threat, realistic threat, ethnocentrism, stereotypes, and intergroup anxiety), and three independent variables (intergroup contact, in-group identity, and spirituality). Data collected from sixteen churches and 394 respondents were analyzed using AMOS-17 and a structural equation modeling software package.

The study found that spirituality, realistic threat, and intergroup anxiety have a direct effect on prejudice and accounts for 72% of its variance. Realistic threat and prejudice have a direct effect on social distance and explain 41% of its variance. Further, the study found that spirituality, realistic threat, and stereotypes have a direct effect on intergroup anxiety and explain 31% of its variance. It was also found that realistic threat have a direct effect on stereotypes and explain 28% of its variance.

The findings of this study suggest a certain level of negative attitudes expressed by one religious minority toward another; it also suggests spirituality to be the primary means in reducing prejudice among the Seventh-day Adventists toward Muslim immigrants. This study has found realistic threat to have a more significant effect on attitudes of church members than symbolic threat. Likewise, the moderating effect of the emotional factor (intergroup anxiety) has a far greater influence on prejudice and social distance than that of the cognitive factor (stereotypes).

This study could be useful for intergroup-relations researchers, particularly those focusing on relations between religious minority groups. It can also be relevant for Christian leaders in order to educate their churches in cross-cultural communication and cultural diversity.

Key words: prejudice; intergroup relations; minority; migration; spirituality

The number of people moving across borders is growing at a steady pace. According to the International Migration Report, between 1990 and 2013, the number of international migrants rose by 50% [*International Migration Report, 2013*].

Migration is one of the major features of the changing face of urban society. Immigrants reshape a city landscape in terms of demographics and contribute to its ethnic, social, and religious diversity [*MacDonald, Sampson, 2012, p. 14–15; Hiebert, 1995, p. 267*]. For many reasons, mostly economical large urban centers attract immigrants from diverse cultures and ethnic backgrounds [*National Research Council, 2003, p. 322*].

Migration presents new challenges and opportunities for the urban community. On the one hand, it contributes to a growing ethnic, cultural, and religious diversity of a city population; on the other, it often makes intergroup relations in the city more complicated and even hostile. Considering the fact that Russia is predominantly a Christian country, the native population tends to perceive the influx of Muslim immigrants from non-Christian countries as a threat to their beliefs, values, and culture.

According to one study [Polovnev, 2011], Muscovite orthodox Christians are more cautious toward Muslims than Muslims are toward Christians. In fact, Muslims were identified to have 2.5 points out of 7 on a scale of social distance between Muslims and Christians, while Christians appeared to have 4 out of 7. Polovnev states, “The capital’s Christians often perceive the representers of Islam as hostile, troublesome, anxious, distant, and strange people. Taking in mind the activity and power attributed to Muslims, such a picture obviously creates a perception of danger and threat to their safety” [Ibid.]. However, the religious landscape of such a metropolis as Moscow is not represented only by the Orthodox religious community.

Scores of books and articles on intergroup prejudice and social distance focus on relationships between majority and minority groups. Yet little has been written on relationships between the minority groups themselves. Meanwhile, prejudice is not only common for the relationships between minority and majority groups; it can also be on a horizontal level between minority groups [White, Langer, 1999]. As Lee [Lee, n. a.] aptly notes, “Prejudice is about fear — fear of the unknown and fear of others who are different from ourselves.” The fact that people belong to minority groups does not mean they will automatically get along together; as humans, they can experience negative feelings toward each other.

In the present study, we will examine the attitudes of a religious minority group of the Seventh-day Adventists toward the religious and ethnic minority group of Muslim immigrants in Moscow and determine factors that influence those attitudes. Considering a previous study on the matter, we will focus on ten factors influencing intergroup relations such as prejudice, social distance, symbolic and realistic threats, intergroup anxiety, stereotypes, ethnocentrism, in-group identity, intergroup contact, and spirituality.

Theoretical Framework

The growing influx of immigrants and refugees fosters hostility and discriminatory attitudes toward the newcomers [Stephan, Ybarra, Bachman, 1999, p. 2222]. The conflict between a native population and immigrants is due to the intergroup relations issue. People tend to favor their own group over other groups in order to maintain a positive perception of their in-group and to maintain an appropriate level of self-esteem [Turner, Hewstone, 2010, p. 44]. The in-group relationships are marked with loyalty, trust, and intimacy, while relations to the out-group representatives are usually associated with greater ambiguity and uncertainty, sometimes even with anger and hostility [Matsumoto, Juang, 2008, p. 374].

Prejudice is expressed in cognitive, affective, and behavioral forms and implies open or subtle antipathy towards the disliked group [Brown, 2010, p. 7]. Social distance is the behavioral expression of prejudice, which arises due to the natural tendency of the in-group members to sustain positive social identity [Turner, Hewstone, 2010, p. 42].

Perceived threats influence attitudes, emotions, and behavior and lead to intergroup anxiety when interacting with out-group members [Stephan, Stephan, 1996, p. 409]. Among the constructs of the integrated threat theory (ITT) are symbolic and realistic threats [Stephan, Stephan, 2000, p. 23]. Symbolic or intangible fears are related to the issue of status, norms, and values that threaten the in-group’s identity [Triandis, Trafimow, 2003, p. 375]. When confronted by a foreign group, the indigenous group will likely perceive threats to their religious beliefs, philosophy, morality, and worldview [Stephan, Ybarra, Morrison, 2009, p. 44].

Realistic or tangible fears deal with territorial, economic, or physical threat [Stephan, Ybarra, Morrison, 2009, p. 43]. Since there is an increasing number of labor migrants into the receiving country, the host community is becoming concerned about physical and material harm from the out-

groups such as pain, death, deprivation of valued resources, economic loss, threat to health, and personal security [Stephan, Renfro, Davis, 2008, p. 55].

Threats in effect influence attitudes, emotions, and behavior and lead to intergroup anxiety when interacting with out-group members [Stephan, Stephan, 1996, p. 409]. Oskamp notes, "People feel personally threatened in intergroup interactions because they are concerned about negative outcomes for the self, such as being embarrassed, rejected, or ridiculed" [Oskamp, 2000, p. 40]. The constant expectation of negative reactions leads to intergroup bias and prejudice [Riek, Mania, Gaertner, 2006, p. 336].

Stereotyping is a cognitive component of prejudice and is related to a judgment about an individual or an entire group. The process of categorization involves classifying people into groups based on common similarities [Matsumoto, Juang, 2008]. Stereotypes, from categories and perceptions, influence people's feelings about the out-group members [Stephan, Stephan, 1985].

Ethnocentrism reflects a tendency to view one's group as superior to others [Hall, 2005]. Its role in intergroup relations is aptly summed up by Stephan and Stephan: "So basic is ethnocentrism to intergroup relations that perceived superiority has been found even in minimal interactions between members of arbitrarily created groups" [Stephan, Stephan, 1985, p. 163]. Religious ethnocentrism is found to be a powerful predictor of hostility toward marginal out-groups [Altemeyer, Hunsberger, 2005, p. 383–384].

Intergroup contact has proven to be one of the most effective ways to reduce prejudice, since it changes cognitive perspectives of bias toward the individual/group [Pettigrew, 2008, p. 929]. The greater the intergroup contact, the lower the intergroup prejudice.

The effect of religion on the attitudes, motivation, and behavior of its adherents appears to be ambiguous. Allport observes, there is the two-way pull of religion as it leads some toward prejudice and some away from it [Allport, 1954, p. 422]. It has been widely confirmed that church members are more prejudiced than non-members [Allport, 1954; Argyle, Beit-Hallahmi, 1975; Dittes, 1973]. Yet, as Varga aptly notes, to have religion and to be religious are not the same [Varga, 2007, p. 146].

Spirituality was found to influence emotions strongly [Cunningham, Nezlek, Banaji, 2004, p. 1332; Emmons, 2005, p. 235]. Wakefield states that spirituality is not simply for "the interior life," but is "directed to the implementation of both the commandments of Christ, to love God and our neighbor" [Wakefield, 1983, p. 362]. Walsh [1999 as cited in Serlin, 2004] found positive correlation between spirituality and decreased anxiety and conflict. Spirituality involves positive psychological dynamics, such as positive emotions and reduced anxiety [Oman, Thoresel, 2005, p. 435].

This study seeks to examine the impact of cognitive, affective, and behavioral factors on the social distance and prejudice of the Seventh-day Adventist church members toward Muslim immigrants in Moscow, Russia.

The Context of the Study

Moscow, as the capital of the Russian Federation and a megacity in terms of economic and population growth, has become a "migration magnet" for both legal and undocumented immigrants [Religion, 2012]. Russia is now the second highest country after United States in terms of receiving immigrants [Mykhtaev, 2013]. The continuous decline of the native population is contributing by a steady growth of immigration. The Institute of National Strategy published a report in 2014 asserting that, if migration will keep its pace, the immigrants will comprise about 50% of Russian population by 2050 [INS, 2014]. Labor immigrants from almost 120 countries flock to the large cities of Russian Federation by the thousands in search of jobs [Rybakovsky, Ryazantsev, 2005]. According to the Bureau of Migration, as of 2013, there are about eleven million immigrants in Russia [Rossiyskaya Gazeta, 2013]. However, the official statistics do not reflect the number of undocumented immigrants.

Most labor immigrants come from Muslim countries such as Azerbaijan, Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, and Kyrgyzstan [Noskova, 2011]. They occupy such low-skilled jobs as janitors, retail market traders, public-transportation drivers, construction workers, mining workers, and housekeepers. The absolute majority of labor immigrants are male (90%), and between 18–39 years old [Rybakovsky, Ryazantsev, 2005].

The immigrants often become victims of illegal exploitation, fraud, and discrimination from the recipient society [*V Peterburge migranty zhivut...*, 2009; *Mukomel*, 2002]. According to one report, every fifth immigrant in Moscow is working in conditions close to slavery [*Burnos*, 2011].

Frisch [1967, p. 100 as cited in *Alonso*, 1987] aptly points to the central paradox of labor migration, “We called for labor, and human beings came.” The ever-growing number of immigrants evokes anxiety and fear among the native population. Immigrants were ranked highest on a scale of potential threats for Muscovites, even higher than the threat of terrorists and other criminals [*Ryabikov*, 2012].

The Seventh-day Adventist (SDA) church is a religious group that belongs to the conservative Christian body: worldwide in extent, evangelical in doctrine, and professing no creed but that of the Bible. Members place strong emphasis on the Second Advent, which they believe is near, and observe the Sabbath of the Bible, the seventh day of the week. From the group’s historical outset in Russia in the 1880s, Seventh-day Adventists have been severely persecuted by the government. Being a religious minority, the group was ostracized by the predominant Orthodox church on social and political levels. Due to Sabbath observations, church members often couldn’t find appropriate work and experienced pressure from school administrations because their children were missing school on Saturday.

During Communist times, church members, along with other Christians, were persecuted as a hostile ideological group resisting the communist ideology. Many leaders and church members were condemned and assassinated as “enemies of the people” [*Heinz*, 1997]. But during these times, the Moscow SDA church took the role of a leading church within the USSR [*Gonchar*, n. a.].

Perestroika and democratic reforms led to the tremendous growth of the Moscow Church in the 1990s. For the first time in their history, Adventists in Moscow were granted access to launch evangelistic and benevolent ministries for the public. Church members offered free-will service in city hospitals, held several music concerts in the leading halls, and most importantly, began to preach the Gospel in public.

Today, the Seventh-day Adventist Church in Moscow belongs to a minority religious group, which has 3,622 local church members worshipping in sixteen churches in Moscow and its suburb. Even though the church is legally recognized by the government, on the level of everyday interaction, its believers often experience hostility from members of the predominant religion. As with Muslim immigrants, mass media often communicates an “enemy” image of the Adventist church (as well as of other protestant churches) and feeds the “us against them” mentality by portraying Adventists negatively. This was especially the case after a murder in Nizhniy Novgorod in 2015 by a person who called himself an Adventist, even though the murderer was ex-communicated from the church [*Stewart*, 2015; *Russian Man...*, 2015].

To sum up, both religious minorities — Muslim and Adventist — experience negative attitudes toward them from the Orthodox majority in Moscow; both groups are striving for an in-group identity and survival in a hostile environment. Because of this, one would expect that the despised groups would express at least a feeling of accommodation and acceptance toward each other as members of religious minorities. Yet, the relationship of one minority (Adventists) toward the other (Muslims) is far from what is expected.

Methodology

This study argues that the intergroup prejudice and social distance can be expressed by a minority group toward another minority group, which is informed by symbolic and tangible threats, stereotypes, intergroup anxiety, in-group identity, ethnocentrism, intergroup contact, and spirituality. This study contributes to a deeper understanding of intergroup relations between minority groups. It also helps us to understand what factors influence and reduce negative feelings and attitudes in a religious group.

The findings of this study suggest spirituality to be the primary means in reducing prejudice toward a religious minority group of Muslim immigrants. It also suggests realistic threat to have more significant effect on attitudes of Adventists than symbolic threat. Likewise, the moderating effect of the emotional factor (intergroup anxiety) has a far greater influence on prejudice and social distance than the cognitive factor (stereotypes).

Population and Sample

Even though there are no absolute guidelines for the sample size using structural equation modeling (SEM), there are some raw guidelines as follows. A sample size below 100 is considered “small,” while between 100–200 falls under a “medium;” a sample exceeding 200 subjects is considered “large” [Kline, 2005, p. 15]. The recommended goal for a researcher is to have the ratio of sample size to the number of free parameters not less than 5:1. Thus, model testing in this study with 72 parameters should have not less than 360 subjects.

This study used purposive sampling procedure [Cooper, Schindler, 2006] in order to obtain a representative sample from Moscow SDA Churches. A total of sixteen SDA Churches were chosen to represent various parts of Moscow’s city center and suburbs with a total population of 3,622 members. For each church, a contact person, a pastor, or an elder was identified and asked to distribute the questionnaires. Due to a concern to retrieve back a sufficient number of surveys (not less than 360), the pastors were advised to use convenience sampling [Ibid., 2006].

A total number of 394 surveys was retrieved from the sixteen churches. Prior to the evaluation of the measurement model, outliers were detected. Hence, 194 outliers with values equal or smaller than zero $p2 < 0.05$ were removed from the data set using Mahalanobis distance, which yielded a number of 200 respondents with a verified normal data distribution.

The survey instrument was constructed by designing new scales and adapting existing scales obtained from previous research, a total eighty items (including demographic section). All scales were tested and yielded a reliability coefficient above $\alpha = .70$.

The proposed model includes two criterion, five mediatory, and three predictor variables. The social distance scale was adapted from Bogardus Social Distance [Bogardus, 1933]. Seven items represent different types of social relationships: within marriage, friendship, within neighborhoods, within occupational and business groups, and within national and political groups, along with refusal to have any relationships. The participants were asked to judge the amount of social distance using seven questions, which were rated on a 5-point scale; 1 (*no/none*), 2 (*a few*), 3 (*some*), 4 (*most*), 5 (*any*). Higher score indicate lower social distance and vice versa.

The prejudice scale was adapted from [Paolini et al., 2004, p. 770]. Six bipolar traits were used to assess how the respondent felt towards the immigrants. The items were measured on 7-point scale (1 *warm* – 7 *cold*; 1 *negative* – 7 *positive*; 1 *friendly* – 7 *hostile*; 1 *suspicious* – 7 *trusting*; 1 *respect* – 7 *disrespect*; 1 *admiration* – 7 *disgust*). The higher the score, the more prejudice is manifested.

The mediatory variable, the intergroup anxiety scale was adapted from Stephan and Stephan [Stephan, Stephan, 1985, p. 157]. It was measured by eight items to determine if people would feel more or less anxious, impatient, irritated, frustrated, happy, defensive, apprehensive, or nervous when interacting with the immigrants. The higher score indicated a higher level of anxiety.

The symbolic and realistic threat scales were adapted from Laher and modified by the researcher [Laher, 2008]. The statements were rated on a 5-point Likert scale with “strongly disagree” to a “strongly agree” order. The higher point indicated greater perceived symbolic or realistic threats.

The ethnocentrism scale was constructed by the researcher on the basis of related literature and contains twelve items, which include statements on perceptions of superiority of the SDA Church organization, its distinctive beliefs, practices, and people in comparison to other Christian denominations. The items employed a 5-point Likert scale with the highest indicating the ethnocentric attitudes of the respondents.

The stereotype scale was used to assess the respondents’ beliefs about immigrants. Each participant was asked to indicate the percentage of Asian and Caucasian immigrants who might possess any of nine traits given in the scale, such as laziness, greed, dishonesty, arrogance, etc. The response was constructed by 10-point scale from (0–100%) thereby making 10% interval. A higher score indicated a greater amount of stereotype.

The predictor variable, the contact scale was adapted from [McNally, 2010], and was further modified for the context of the present research. The questions seek to gain information: how often and where do the Muscovites come in contact with immigrants. The amount of contact was measured by a 5-point Likert scale, which comprised the following degrees: 1 (*almost never*), 2 (*seldom*), 3 (*sometimes*), 4 (*often*), 5 (*very often*). The higher the point, the greater is the amount of contact, and vice versa.

The development of the five items for the in-group identity construct indicators came from social identity theory [Tajfel, Turner, 1979, p. 33], self-categorization theory [Turner et al., 1987], and from Cheek and Briggs [1982, p. 401]. The church members were asked to indicate their level of personal commitment to the in-group in terms of sharing common beliefs, involvement in church activities, and friendship with other members of the group. The items were constructed on a basis of 5-point Likert scale, with the highest indicating stronger in-group identity of the respondent.

The spirituality construct was measured by sixteen items adapted from Thayer long-form faith maturity scale (TFS) [Thayer, 2008]. In the present study the respondents were asked to indicate their level of spiritual maturity in terms of relationship with God, with people, personal Bible study and prayer, and witnessing. The scale was based on the 5-point Likert scale with the highest point indicating the greater spiritual maturity of the respondent.

For data analysis this study employed SEM using AMOS version 17.0 to determine the patterns of relationship among the variables and to explain the variance with the model proposed in this research [Kline, 2005]. SEM was used to build the model from ten latent variables, spirituality (S), in-group identity (ID), contact (C), symbolic threat (ST), realistic threat (RT), stereotype (SR), ethnocentrism (ET), anxiety (A), prejudice (P), and social distance (SD).

This study employed a two-step approach in model analysis [Ibid.]. In the first step the measurement models were evaluated, and in the second step the structural model was assessed.

In order to obtain the model fit and remove insignificant items, the following parameters were used, Chi-square, normed fit index (NFI), comparative fit index (CFI), incremental fit index (IFI), Tucker-Lewis index (TLI), and relative fit index (RFI), which were expected to be above 0.90 [Ibid.]. After running SEM software, all indicators with critical ratio above 1.96 were removed [Ibid.]. Furthermore, indicators showing low factor loading (less than about .70) and those greater than 0.05 levels as appeared in parameter estimates were also removed in order to ensure a model fit for every measurement.

As a result of preliminary analysis the final measures contained the following items: prejudice – four items, social distance – three items, symbolic threat – four items, realistic threat – four items, intergroup anxiety – five items, stereotypes – four items, ethnocentrism – two items, in-group identity – two items, intergroup contact – four items, and spirituality – four items.

Since two variables (in-group identity and ethnocentrism) were left with less than three indicators and two variables (contact and symbolic threat) had a weak relationship with other latent variables, they were removed from the structural model.

After the removal of non-significant indicators, paths, and the latent variables, the model was processed and evaluated again. The goodness-of-fit results for the final model were as follows, Chi-square (χ^2/df) = 1.055, $p = .283$, NFI = .936, RFI = .926, IFI = .996, TLI = .996, CFI = .996 (see Table 1). These results indicate a very good model (Fig. 1) since the p -value is higher than 0.05 and all test for model fit are above 0.90 [Byrne, 2001].

Table 1. Goodness-of-Fit Index for Final Model

Index	Threshold value	Values obtained
CMIN P	> .050	.283
NFI	> .900	.936
RFI	> .900	.926
IFI	> .900	.996
TLI	> .900	.996
CFI	> .900	.996
RMSEA	< .050	.017

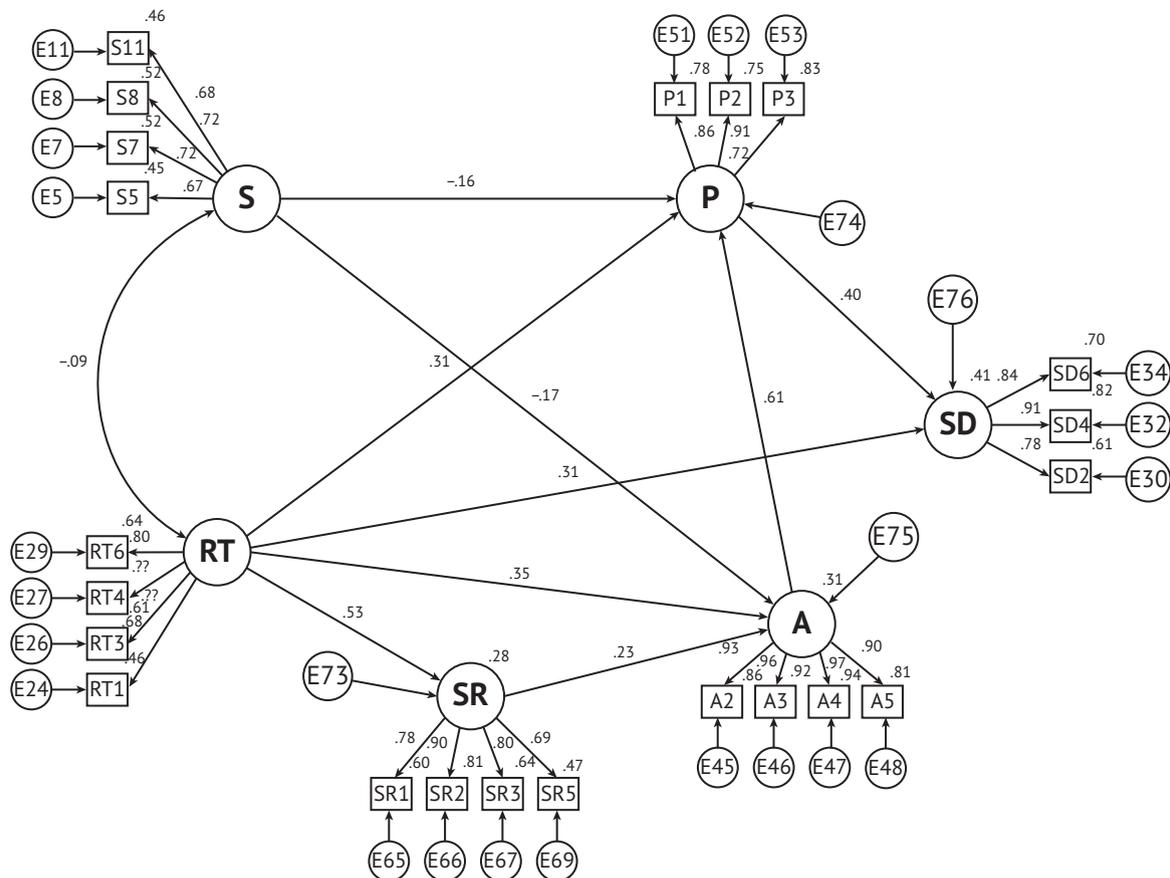

Fig. 1. Final Structural Model

Results of Study

The model shows that prejudice directly and significantly influences social distance ($\beta = .40$, $p < 0.05$), and, along with realistic threat explains 41% of its variance ($R^2 = .41$) (Table 2). This indicates that the way church members feel about interaction with the immigrants (friendly-hostile, warm-cold or positive-negative) increases or decreases their desire to associate with them by way of friendship, common workplace, and desire to see them coming to work in Moscow. When prejudice increases, social distance increases accordingly; hence Adventists express less desire to see Muslim immigrants as their friends or work with them, and not see them come to the country to work.

Spirituality directly and indirectly through anxiety (10%) negatively influences prejudice ($\beta = -.16$, $p < 0.05$) with a total effect of 26% ($R^2 = .26$). In other words, spirituality indicators such as a relationship with Jesus Christ, love for each other, worshipping together, and sharing one's faith with others reduce prejudice, namely, feeling friendly-hostile, warm-cold or positive-negative toward the immigrants. That means, the more the members are committed to Christ, love each other, come together in worship, and are involved as witnesses, the less they feel prejudiced toward Muslim immigrants.

Realistic threat directly and indirectly (through stereotypes and anxiety) affects prejudice ($\beta = .31$, $p < 0.05$) and explains a total 60% of its variance ($R^2 = .60$). This means that the indicators of realistic threat such as losing jobs because of immigrants, increased tax burden on the local population, threats to personal safety, and health concerns influence negative, cold, and hostile feelings in relation to the immigrants.

Intergroup anxiety directly influences prejudice ($\beta = .60$, $p < 0.05$). When Muscovite Adventists meet Muslim immigrants, their feelings of irritation, frustration, impatience, and defensiveness influence their hostility, coldness, and negative reaction toward the immigrants.

The final structural model shows a direct relationship between intergroup anxiety and realistic threat and anxiety and stereotypes. The latent variable RT directly and indirectly influences A ($\beta = .35$) and, along with SR explains 31% of its variance. The perception of threat — that Moscow immigrants may take their their jobs, cause them to pay more taxes, cause health problems, and negatively affect their security — evokes feelings of anxiety associated with irritation, impatience, frustration, and defensiveness when they interact with immigrants.

Overall, prejudice is directly influenced by realistic threat (31%), spirituality (16%), and anxiety (61%), and indirectly affected by spirituality (10%), and realistic threat (29%). All direct and indirect effects explain 72% of variance of prejudice ($R^2 = .72$) (Table 3). However, the remaining 28% of unexplained variance for *P* may be explained by other factors such as the history of intergroup relations [Matsumoto, Juang, 2008], cultural value differences and situational and personality factors [Stephan et al., 2008].

Table 2. Significant and Non-Significant Path Coefficients

Significant paths	Non-significant paths
S to A ($\beta = -.17, p = 0.02$)	S to SR ($\beta = .00, p = .834$)
RT to A ($\beta = .35, p = 0.00$)	SR to SD ($\beta = .02, p = .773$)
A to P ($\beta = .61, p = 0.00$)	A to SD ($\beta = .07, p = .843$)
S to P ($\beta = -.16, p = 0.00$)	S to RT ($\beta = -.07, p = .704$)
RT to P ($\beta = .31, p = 0.00$)	S to SD ($\beta = -.07, p = .473$)
P to SD ($\beta = .40, p = 0.00$)	SR to P ($\beta = .09, p = .116$)
RT to SR ($\beta = .53, p = 0.00$)	
SR to A ($\beta = .23, p = 0.00$)	
RT to SD ($\beta = .31, p = 0.00$)	

Table 3. The Summary of Effects in the Final Model

Independent variables	Dependent variables	Direct effects	Indirect effects	Total effects
S	P	-.158	-.100	-.259
S	SD	-	-.104	-.104
S	A	-.165	-	-.165
RT	P	.309	.289	.598
RT	SD	.310	.241	.552
RT	A	.352	.124	.476
RT	SR	.533	-	.533
SR	A	.232	-	.232
SR	P	-	.141	.141
SR	SD	-	.057	.057
A	P	.608	-	.608
A	SD	-	.245	.245
P	SD	.403	-	.403

The contact of the respondents with Muslim immigrants in Moscow was found to be an insignificant predictor of prejudice against immigrants. The amount of contact with the immigrants in residential areas, in business transactions, in friendly conversation, and at work does not influence

the Adventists' feeling being more or less warm, positive, friendly, and trustful toward them. This finding partially negates the results of several studies of the contact hypothesis, which repeatedly report that contact with the members of the out-group is associated with lower levels of prejudice toward that group [Allport, 1954; Combs, Griffith, 2007, p. 222; Miller, Smith, Mackle, 2004, p.221; Pettigrew, 1998, p. 65].

One possible explanation for contact being an insignificant predictor of intergroup relations is the quality of the contact of Muscovite Adventists with Muslim immigrants. According to descriptive statistics, the majority of the respondents (77.5%) indicated that the most frequent contact occurs in city streets, while 79% said that they meet Muslims in their neighborhood rarely or only from time to time. At the same time, almost all the respondents (96%) reported that they host immigrants at home rarely or very rarely, with only 4% hosting them often.

Taking this perspective into consideration, one may perceive the quality of the contact between the Muscovite Adventists and Muslim immigrants, which appears to be more occasional and superficial than personalized and longitudinal. Meanwhile, a recent study in Moscow has shown that the primary need and the greatest problem for immigrants is not legal documentation or even a lack of money, but rather a lack of community [Sreda, 2012]. Most immigrants indicated loneliness as one of the major problems they experience in a foreign land.

One of the important findings of this study is that spirituality facilitates both the contact within the group and between the groups of people. The quality of personal relationships with God and fellowship with one another influences the quality of intergroup relationships, as well as the attitudes toward out-groups. The more church members perceive their association with God and with one another, the less they feel prejudiced against Muslim immigrants. Hence, spirituality, unlike the contact variable, does not only focus on "when" and "where" the contact occurs, but also on "why" and "how" people connect to each other.

Descriptive study supports the influence of spirituality on prejudice. Low spirituality of the age group of 20–29 years olds correlates to the highest amount of prejudice among the same age group. Conversely, a higher perception of spirituality among the age groups 50–59 and 60-and-above corresponds with the lower prejudice among the respondents of the same age.

The study found negative correlation between spirituality and anxiety, meaning that higher perceptions of spirituality correlate to decreased feelings of anxiety [Oman, Thoresel, 2005, p. 435; Serlin, 2004, p. 27]. It appears that such dimensions of spirituality as commitment to Christ, relationships with other people, witnessing to others, and worshipping together negatively influence such anxiety feelings as impatience, irritation, frustration, and defensiveness in relation to Muslim immigrants. Hence, the more spiritual the Adventists are, the less they feel anxious about the interaction with Muslim immigrants. This is one of the major findings of this study.

Symbolic threat was removed from the structural model due to a low significance level in the relationship to the other variables in the model. It appears that symbolic threats such as perceptions that Muslim immigrants negatively influence Russian culture, Russian language, national traditions and values, and Christian norms do not significantly influence prejudice toward immigrants.

In the prejudice reduction model, perceived realistic threat turned out to be the independent variable, which influenced all four dependent variables (*SR*, *A*, *P*, and *SD*). Realistic threat influences attitudes (*SR*, *P*), emotions (*A*), and behavior (*SD*) in relation to Muslim immigrants. This indicates that realistic threat should be considered as one of the most important factors in predicting prejudice against Muslim immigrants in Moscow. The study conducted by Maddux, Galinsky, Cuddy, and Polifroni [2008, p. 74] among university students, confirms the importance of *RT* as an independent variable in explaining negative attitudes and feelings toward Asian immigrants.

The reason for such a high perception of realistic threat may be due to the fact that threat is connected with the social categorization process, which involves categorizing people into in-groups and out-groups, "us" and "them" [Brewer, Gaertner, 2003; Brown, 2010]. Public media fosters this process by showing Asian and Caucasian immigrants as unwanted and even dangerous elements in Russia. They are labeled as potential criminals, job-stealers, and a threat to the safety of Muscovites [Kalinin, 2004; Otnoshenie..., 2005; Zibrova, 2008].

Ethnocentrism was removed from the analysis due to an insufficient number of remaining indicators. It seems that ethnocentrism does not influence prejudice and social distance, which means, the ethnocentric attitudes of the Adventist church members do not influence their prejudice against

Muslim immigrants in Moscow. One of characteristic features of ethnocentrism is a negative attitude toward out-group members and a positive evaluation of in-group members [Brewer, 2001, p. 17].

However, from the descriptive research on perceptions of ethnocentrism it appears that the Adventists in Moscow do not really believe in their superiority over other religious groups. The overwhelming majority of the respondents believe the Adventist church has better doctrines (99% agree and strongly agree, $M = 4.60$, $SD = 0.602$), but when it comes to people in the church, they are not so optimistic. Only 64% believe the Adventists are more trustworthy than others, while 36% either disagree or undecided on that ($M = 3.74$; $SD = 0.909$). When asked about whether they agree that the Adventists are special people, the respondents were almost equally divided on the opinion (46% disagree and undecided and 54% agree and strongly agree; $M = 3.51$, $SD = 1.080$). Finally, for the question, if the respondents prefer to do business with the Adventists rather than with non-Adventists, 42.5% were undecided or disagreed, while 57.5% agreed and strongly agreed with it. Hence, the respondents generally believe that Adventism is better when compared with other denominations, but that Adventists are probably no better than the rest.

Conclusion

This study has shown that Seventh-day Adventists, as a religious minority group, express negative attitudes toward another religious minority in Moscow: Muslim immigrants. With regards to Muslims, Adventists share the same prejudice as the majority of native Muscovites. According to White and Langer, this paradox can be explained by two factors: similarity and relative distinctiveness [White, Langer, 1999]. Even though Adventists are a religious minority compared to the Russian Orthodox church, both religious groups, though different from each other in many ways, can express similar feelings in relation toward Muslim immigrants, which may be more distinctive to Adventists when compared with the Orthodox. Hence, with regards to attitudes toward immigrants, Moscow Adventists, who are native Russians by and large, are closer to the Russian Orthodox majority; whereas the Muslim minority group appears to be more distinctive for the Adventists than the Russian Orthodox majority.

In summary, this study supports some initial hypotheses of research. First, it has found the ITT model to be an effective predictor of prejudice toward Muslim immigrants in Moscow. There is substantial evidence that SDA church members in Moscow share common threats and attitudes toward immigrants with the majority of Muscovites. Of two threats (*ST* and *RT*) only realistic threat was found to be a strong predictor of prejudice. Second, with respect to the mediating role of the cognitive factor (stereotypes), the emotional factor (intergroup anxiety) has the highest direct effect on prejudice (61%). In addition, anxiety appears to play a predominant role in predicting negative attitudes toward Muslim immigrants in Moscow [Bizman, Yinon, 2001, p. 191; Stephan, Stephan, 1985, p. 157].

Intergroup contact and symbolic threats however, had no effect whatsoever on other mediating and dependent variables and were removed from the model. However, taking the moderating effect of contact, spirituality was found to play a crucial role in reducing negative feelings and attitudes. Consistent with the intergroup contact theory [Dovidio et al., 2003, p. 5; Pettigrew, Tropp, 2008, p. 922], which prescribes the prerequisites for meaningful contact, on the level of relationships spirituality facilitates knowledge and cooperative interaction. It also encourages reaching common goals, friendship opportunities, and the interdependence of church members within the religious community through their involvement in Christian fellowship and worship. Moreover, it fosters a cognitive reassessment of the in-group identity to a more inclusive, superordinate identity by relating to one another and to others from a spiritual and social perspective.

References

- Allport G.W. *The nature of prejudice*. New York, NY: Doubleday, 1954.
- Alonso W. (ed.) *Population in an Interacting World*. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- Altemeyer B., Hunsberger B. Fundamentalism and authoritarianism. *Handbook of the psychology of religion and spirituality* / R.F. Paloutzian, C.L. Park (eds). New York, NY: The Guilford Press, 2005, pp. 378–393.

- Argyle M., Beit-Hallahmi B. The social psychology of religion. *International library of sociology* / J. Rex (ed.). London, UK: Routledge & Kegan Paul, 1975.
- Bizman A., Yinon Y. Intergroup and interpersonal threats as determinants of prejudice: The moderating role of in-group identification. *Basic and Applied Social Psychology*, 2001, vol. 23, no 3, pp. 191–196. doi: 10.1207/S15324834BASP2303_5
- Bogardus E.S. A social distance scale. *Sociology & Social Research*, 1933, vol. 17, pp. 265–271.
- Brewer M.B. Ingroup identification and intergroup conflict. Social Identity, Intergroup Conflict, and Conflict Reduction. *Rutgers Series on Self and Social Identity* / R.D. Ashmore, L. Jussim, D. Wilder (eds). New York, NY: Oxford University Press, 2001, vol. 3, pp. 17–41.
- Brewer M.B., Gaertner S.L. Toward reduction of prejudice: Intergroup contact and social categorization. *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes* / R. Brown, S. Gaertner. Malden, MA: Blackwell, 2003, pp. 451–472.
- Brown R. *Prejudice: Its social psychology* (2nd ed.). Oxford, UK: Blackwell, 2010.
- Burnos T. Kak raby na galerah: Nelegal'nye migranty v Rossii. *Golos Ameriki*, 2011, July 8. Available at: <http://www.voanews.com/russian/news/Analysis-and-perspectives/Russia-Migration-2011-07-08-125220314.html>. (accessed 11.03.2017)
- Byrne B.M. *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2001.
- Cheek J.M., Briggs S.R. Self-consciousness and aspects of identity. *Journal of Research in Personality*, 1982, vol. 16, no 4, pp. 401–408. Available at: <http://www.wellesley.edu/Psychology/Cheek/identity.html>. (accessed 11.03.2017)
- Combs G.M., Griffith J. An examination of interracial contact: The influence of cross-race interpersonal efficacy and affect regulation. *Human resource development review*, 2007, vol. 6, no 3, pp. 222–244. doi: 10.17711534484307303990
- Cooper D.R., Schindler P.S. *Business research methods* (9th ed.). Boston, MA: McGraw-Hill, 2006.
- Cunningham W.A., Nezelek J.B., Banaji M.R. Implicit and explicit ethnocentrism: Revisiting the ideologies of prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004, vol. 30, no 10, pp. 1332–1346. doi: 10.1177/0146167204264654
- Dittes J.E. *Bias and the pious*. Minneapolis, MN: Augsburg Publishing House, 1973.
- Dovidio J.F., Gaertner S.L., Kawakami K. Intergroup contact: The past, present, and the future. *Group Processes Intergroup Relations*, 2003, vol. 6, no 1. pp. 5–21. doi: 10.1177/1368430203006001009
- Emmons R.A. Emotion and religion. *Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality*. / R.F. Paloutzian, C.L. Park (eds). New York, NY: The Guilford Press, 2005, pp. 235–252.
- Frisch M. *Öffentlichkeit als Partner*. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1967.
- Gonchar P. (n. a.). Istoriya tserkvi khristian Adventistov sed'mogo dnya v Moskve. MosAdvent.ru. Available at: <http://www.mosadvent.ru/about/history/148>. (accessed 11.03.2015)
- Hall L.E. *Dictionary of multicultural psychology*. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2005.
- Heinz D. Russia. *Heirs of the reformation* / H. Dunton, D. Heinz, D. Porter, R. Strasdowsky (eds). Grantham, England: The Stanborough Press, 1997, pp. 200–205.
- Hiebert P.G. *Incarnational Ministry*. Grand Rapids, MI: Baker Books, 1995. Available at: <http://scienceport.ru/analytics/vzaimovospriyatie-pravoslavnykh-i-musulman-moskva-tatarstan-dagestan/>. (accessed 11.03.2017)
- Institute of National Strategy (INS). *Newsru.com*, April 2014. Available at: <http://newsru.com/russia/16apr2014/migr.html>. (accessed 17.04.2014).
- International Migration Report. 2013. United Nations. *Un.org*, December 2013. Available at: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/migration/migrationreport2013/Full_Document_final.pdf#zoom=100. (accessed 05.09.2014)
- Kalinin A. Tyzdes' nikto, Vanya! *Literaturnaya Gazeta*. 2004, April 7. Available at: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg142004/Polosy/art3_3.htm. (accessed 11.03.2015)
- Kline R.B. *Principles and practice of structural equation modeling* (2nd ed.). New York, NY: The Guilford Press, 2005.
- Laher H. Antagonism toward African immigrants in Johannesburg, South Africa (Master's thesis). *Collection of Electronic Theses and Dissertations*, 2008. Available at: <http://hdl.handle.net/10539/6766>. (accessed 11.03.2017)
- Lee M.D. (n. a.) Can Minorities Discriminate Against Minorities? Available at: <http://www.ethnoconnect.com/articles/28-can-minorities-discriminate-against-minorities>. (accessed 26.02.2017)
- MacDonald J., Sampson R.J. The World in a City: Immigration and America's Changing Social Fabric. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2012. vol. 641, no 6, pp. 6–15.
- Maddux W.W., Galinsky A.D., Cuddy A.J.C., Polifroni M. When being a model minority is good... and bad: Realistic threat explains negativity toward Asian Americans. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2008, vol. 34, no 1, pp. 74–89. doi: 10.1177/0146167207309195

- Matsumoto D., Juang L. *Culture & Psychology* (4th ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 2008.
- Mc Nally M.L. *A study of an interracial neighbourhood in the South of Johannesburg, South Africa* (Master's thesis), 2010. Available at: <http://wiredspace.wits.ac.za/jspui/handle/10539/8163?mode=full>. (accessed 26.02.2017)
- Miller D.A., Smith E.R., Mackle D. M. Effects of intergroup contact and political predispositions on prejudice: Role of intergroup emotions. *Group Processes Intergroup Relations*, 2004, vol. 7, no 3, pp. 221–237. doi: 10.1177/1368430204046109
- Mukomel V.I. Discrimination of ethnic minorities at labor and housing markets. *Indem*. September 2002. Available at: <http://www.indem.ru/ceprs/Minorities/DiskrTrilEn.htm>. (accessed 12.03.2015)
- Mykhtaev A. Skol'ko v Rossii migrantov. *Kommersant.ru*, September 2013. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2284497>. (accessed 06.09.2014)
- National Research Council issued *Cities Transformed: Demographic Change and Its Implications in the Developing World*. Panel on Urban Population Dynamics / M.R. Montgomery, R. Stren, B. Cohen, H.E. Reed (eds). Washington DC: National Academies Press, 2003.
- Noskova A.V. Kogda zakanchivaetsya tolerantnost' i nachinaetsya migrantofobija. *Demographia.ru*, 2011, March 26. Available at: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=1860. (accessed 11.03.2017)
- Oman D., Thoresel C.E. Do religion and spirituality influence health? *Handbook of the psychology of religion and spirituality* / R.F. Paloutzian, C.L. Park (eds). New York, NY: The Guilford Press, 2005, pp. 435–459.
- Otnoshenie k immigrantam: Praktika Rossii i Evropy, 2005, May 19. *Russian public opinion research center*. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1288>. (accessed 11.03.2017)
- Paolini S., Hewstone M., Cairns E., Voci A. Effects of direct and indirect cross-group friendships on judgments of Catholics and Protestants in Northern Ireland: The mediating role of an anxiety-reduction mechanism. *Personality and social psychology Bulletin*, 2004, vol. 30, no 6, pp. 770–786. doi:10.1177/0146167203262848
- Pettigrew T.F. Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 1998, vol. 49, pp. 65–85. doi: 10.1146/annurev.psych.49.1.65.
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators. *European Journal of Social Psychology*, 2008, vol. 38, no 6, pp. 922–934. doi: 10.1002/ejsp.504
- Polovnev A.V. Vzaimovospriyatie pravoslavnykh i musulman. Moskva, Tatarstan, Dagestan, 2011.
- Religion. *Moscow International Portal*, 2012. Available at: http://moscow.ru/en/guide/trip_planning/moscow_a_z/rst/confessions/. (accessed 11.03.2015)
- Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 2006, vol. 10, no 4, pp. 336–353. doi: 10.1207/s15327957pspr1004_4
- Rossiyskaya Gazeta. *Rg.ru*, 2013, September 12. Available at: <http://www.rg.ru/2013/09/12/migranty-site.html>. (accessed 20.03.2014)
- Ryabikov M. Moskvichi bolshe vsego boyatsa migrantov. *Komsomol'skaya Pravda*, 2012, January 9. Available at: <http://www.kp.ru/daily/25814.6/2793486/>. (accessed 11.03.2017)
- Rybakovsky L., Ryazantsev S.V. *International migration in the Russian Federation*. United nations expert group meeting on international migration and development, 2005, July 5. Available at: http://www.un.org/esa/population/meetings/ittmigdev2005/P11_Rybakovsky&Ryazantsev.pdf. (accessed 11.03.2017)
- Serlin I. Spiritual diversity and clinical practice. *The psychology of prejudice and discrimination* / J.L. Chin (ed.), 2004, vol. 4, pp. 27–49.
- Sreda. Tajiks, Uzbeks, and Kyrgyz in Moscow. *Sreda.org*, 2012, October 15. Available at: <http://sreda.org/opros/tadzhiki-uzbeki-i-kirgizyi-v-moskve-hotyat-li-novyie-moskvichi-byit-pohozhimi-na-staryih>. (accessed 25.12.2012)
- Stephan W.G., Ybarra O., Bachman G. Prejudice toward immigrants. *Journal of Applied Social Psychology*, 1999, vol. 29, no 11, pp. 2221–2237.
- Stephan W.G., Renfro C.L., Davis M.D. The role of threat in intergroup relations. *Improving intergroup relations* / U. Wagner, L.R. Tropp, G. Finchilescu, C. Tredoux (eds). Malden, MA: Blackwell Publishers, 2008, pp. 55–72.
- Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated threat theory of prejudice. *Reducing prejudice and discrimination* / S. Oskamp (ed.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000, pp. 23–46.
- Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup anxiety. *Journal of Social Issues*, 1985, vol. 41, no 3, pp. 157–175. doi: 10.1111/j.1540-4560.1985.tb01134.x
- Stephan W.G., Stephan C.W. Predicting Prejudice. *International Journal of Intercultural Relations*, 1996, vol. 20, pp. 409–426. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/0147176796000260>. (accessed 25.03.2017)
- Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup threat theory. *Handbook of prejudice, stereotype, and discrimination* / T.D. Nelson (ed.). New York, NY: Psychology Press, 2009, pp. 43–59.

- Stewart W. MailOnline, 2015, August 4. Father 'hacks his six children aged between one and seven to pieces with an axe and also murders their pregnant mother' after he was accused of adultery in Russia. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3185180/Father-hacks-six-children-aged-one-seven-pieces-axe-murders-pregnant-mother-accused-adultery-Russia.html>. (accessed 11.03.2017)
- Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict. *The social psychology of intergroup relations* / W.G. Austin, S. Worchel (eds). Monterey, CA: Brooks-Cole, 1979, pp. 33–47.
- Thayer O.J. The impact of Adventist schools on students. March, 2008. *4th symposium on the Bible and Adventist scholarship*. Symposium conducted at the meeting of The Foundation for Adventist Education, Institute for Christian Teaching, Education Department – General Conference of Seventh-day Adventists, Riviera Maya, Estado Quintana Roo, Mexico.
- Russian Man Thought to Have Killed His Entire Family. *The Moscow Times*, 2015, August 6. Available at: <https://themoscowtimes.com/news/russian-man-thought-to-have-killed-his-entire-family-also-suspected-of-raping-killing-girl-48803>. (accessed 16.03.2017)
- Triandis H.C., Trafimow D. Culture and its Implications for Intergroup Behavior. *Blackwell handbook of social psychology: Intergroup processes* / R. Brown, S. Gaertner (eds). Malden, MA: Blackwell, 2003, pp. 367–385.
- Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford: Blackwell, 1987.
- Turner R.N., Hewstone M. Attribution biases. *Encyclopedia of group processes & intergroup relations* / J.M. Levine, M.A. Hogg (eds). Thousand Oaks, CA: SAGE, 2010, pp. 42–44.
- V Peterburge migranty zhivut kak raby v Rimskoj imperii. *BaltInfo*. 2009, March 19. Available at: <http://www.baltinfo.ru/2009/03/19/V-Peterburge-migranty-zhivut-kak-raby-v-Rimskoi-imperii>. (accessed 11.03.2017)
- Varga I. Georg Simmel: Religion and spirituality. *A sociology of spirituality* / K. Flanagan, P. Jupp (eds). Hampshire, England: Ashgate, 2007, pp. 145–160.
- Walsh R. *Essential spirituality*. New York: John Wiley, 1999.
- White J.B., Langer E.J. Horizontal hostility: Relations between similar minority groups. *Journal of Social Science*, 1999, vol. 55, no 3. pp. 537–559.
- Zibrova E. Strahi aborigena. *Novye Izvestiya*, 2008, June 24. Available at: <http://www.newizv.ru/economics/2008-06-24/92524-strahi-aborigena.html>. (accessed 11.03.2017)

П.А. ЗУБКОВ

ПРЕЗРЕННЫЕ И ПРЕЗИРАЮЩИЕ: ПРЕОДОЛЕВАЯ ОТЧУЖДЕННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМИ МЕНЬШИНСТВАМИ В ГОРОДЕ

Зубков Павел Александрович, кандидат богословия, доцент кафедры теологии Заокского христианского гуманитарно-экономического института; Российская Федерация, 301000 Тульская область, п. Заокский, ул. Руднева, 43-а.

E-mail: zubkovp75@gmail.com

Все возрастающее количество мигрантов, приезжающих из мусульманских республик в Москву, представляет собой серьезный вызов в сфере межгрупповых отношений в городской среде. Как и остальные москвичи, представители религиозного меньшинства «Церковь христиан адвентистов седьмого дня» разделяют общие предрассудки по отношению к другому меньшинству – мусульманским мигрантам. Данное исследование ставит своей целью определить факторы, влияющие на формирование негативного отношения верующих к мигрантам, а также предложить модель борьбы с предрассудками.

Предлагаемая модель включает в себя две зависимые переменные (социальная дистанция и предрассудки), пять переменных-модераторов (символический страх, реальный страх, этноцентризм, стереотипы и межгрупповая тревога) и три независимые переменные (межгрупповой контакт, внутригрупповая идентичность и духовность). Анкетный опрос проводился в 16 общинах, всего было опрошено 394 респондента. Данные опроса были изучены и обработаны методом структурного моделирования с помощью компьютерной программы AMOS 17-й версии.

Исследование показало, что духовность, реальный страх и межгрупповая тревога оказывают непосредственное влияние на предрассудки и объясняют 72% распределения данной переменной. Реальный страх и предрассудки напрямую влияют на социальную дистанцию и объясняют 41% коэффициента дисперсии данной переменной. Далее исследование показало, что духовность, реальный страх и стереотипы напрямую влияют на межгрупповую тревогу и объясняют 31% коэффициента дисперсии данной переменной. Также было установлено прямое влияние реального страха на формирование стереотипов, что объясняет 28% коэффициента дисперсии данной переменной.

Результаты данного исследования свидетельствуют о наличии определенного уровня негативного восприятия одного религиозного меньшинства другим. Исследование также выявило, что фактор духовности является одним из ключевых в борьбе с предрассудками членов «Церкви христиан адвентистов седьмого дня» по отношению к мигрантам-мусульманам. Согласно проведенному исследованию, реальный страх имеет преобладающее влияние на поведение членов церкви по сравнению с символическим. Подобным образом преобладающее влияние на предрассудки и социальную дистанцию оказывает посреднический эмоциональный фактор (межгрупповая тревога), а не когнитивный (стереотипы).

Исследование может быть полезно для тех, кто изучает сферу межгрупповых отношений, а именно сферу взаимодействия религиозных меньшинств. Также данное исследование может быть полезно для христианских лидеров с целью обучения христианских общин в области кросс-культурной коммуникации и культурного разнообразия.

Ключевые слова: предрассудки; межгрупповые отношения; меньшинство; миграция; духовность

LILIIA ZEMNUKHOVA

HIGHLY SKILLED RUSSIAN MIGRANTS IN LONDON: THE CASE OF IT PROFESSIONALS¹

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 54-63
<https://doi.org/10.17323/usp21201754-63>

Lilii Zemnukhova, Senior Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; European University at St. Petersburg, Center for Science and Technology Studies, Research Fellow; 7-ya Krasnoarmeyskaya Street, 25/14, 190005, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: Lzemnukhova@gmail.com

Abstract

This article analyses Russian IT professionals as highly skilled migrants in London. The context of Russian-British migration has determined the emergence and development of four waves: each of them represents a certain set of circumstances for newcomers to move to, to work in, and to live in the global city. The main idea is to show the transformation of a specific population through the four waves of highly skilled migration to London. This study is based on biographical interviews and observations collected in London in 2013–2015. I claim that the dynamics of local professional and language-based communities, on one hand, were determined by these waves of highly skilled Russian migration, and on the other, shaped their practices of capitalization of various resources.

Key words: highly skilled migration; Russian IT professionals; London; immigration policy; networks; communities

means, the heterogeneous local IT community sets trends for the rest of the IT world and affects not only technological, but also economic, social, and political agenda. The global rotation of IT specialists worldwide produces a certain effect on migration flows, which affect not just sending and receiving countries, but also localities and cities.

Megalopolises make the local labor market attractive to professionals from all over the world and facilitate international mobility. Some of these cities became strong magnets owing to both the rich skilled job market and the national immigration policy. London represents such a case. On one hand, it is notable for being one of the world's financial centers with New York, Zurich, and Singapore. An IT job in banking is knowledge — and labor-intensive, so banks rely on the help of outsourcing and consulting companies. On the other hand, a favorable immigration policy in the UK known as the Highly Skilled Migrant Programme, or HSMP, engendered a huge influx of non-EU professionals.

In these circumstances, capitalization of resources and specific skills takes place. For example, offshore programming, which was developing in Russia, Ukraine, and Belarus, became now highly demanded in London banking sphere and resulted in a prominent presence of Russian-speaking specialists. Moreover, the situation of the global market and a high concentration of professionals stimulate various forms of capitalization: not just resources and skills participate in the development of professional capacity, but also prominent communitarian practices and an intensive knowledge exchange within language groups. The dynamics of these professional and language-based communities and networks, in turn, determine the transformation of a migrated urban society.

Introduction

The professional field of information technology (IT) is growing rapidly and its community influences the structure of the market and even local societies. Silicon Valley is the easiest and most extreme example: the recent initiative known as #calexit (California campaign to secede from the U.S.) is mostly supported by the area's IT companies, including thousands of immigrated professionals. By these

¹ The article is a part of the project, which is fulfilled as a government order work funded from the federal budget of the Russian Federation ("Structurization of social space in the modern city", № AAAA-A17-117030110145-0).

I am going to trace the transformation of a specific population, Russian IT professionals, as highly skilled migrants in the global city focusing on the deconstruction of certain sets of practices and connections in the process of changing location. Special attention is paid to two dimensions in this context — origins (and language) and the IT profession — which initiate, support, and direct a migrant's life. In this article, I show how highly skilled migrants capitalize their resources and highly skilled status, and how they use professional and language-based networks in the global city. I claim that the representatives of different waves of IT migration performed various community practices changing individual status within professional or language-based communities.

The article continues with a literature review, which shapes a conceptual framework for the study of Russian IT professionals placed in London. Then, I consider both British and Russian contexts that determined the four waves of professional migration. Finally, results and discussion are devoted to the transformation of this population and their practices through professional waves, featured by specific sets of circumstances of local IT community(-ies).

Literature Review

Within the scholarly literature on migration, questions of IT migration are usually placed into the frame of ethnic-national issues. Studies of Indian programmers [Xiang, 2007], Israeli diaspora [Drori, 2013], or Chinese businesses [Leung, 2001] focus on their national features and ways of building communities and ethnic-based businesses. This perspective is relevant not only for highly skilled migrants [Schittenhelm, Schmidtke, 2010–2011], but also for any kind of labor migration [Cederberg, 2012]. Independent of the type of migration, the context of changing country and culture raises ethnic issues, and they play a crucial role in building local communities of highly skilled migrants, based on language and/or profession.

While many professions are in the process of denationalization or internationalization [Favell, 2003], the groups of skilled migrants have been treated as a social class, and in particular, as the middle class [Scott, 2006]. The urban turn in migration studies pushed the context of localities and global cities forward over a focus on ethnic groups or nation states [Glick Schiller, Çağlar, 2009; Sassen, 1991]. Presumably, life preferenc-

es mitigate the factor of nationality or ethnicity and reinforce professional identities and social positions of highly skilled migrants. Moreover, their everyday practices drive the productivity of local interactions [Maré et al., 2011].

The structure and the development of the global market create a mobile population to serve abroad: because of the costs for training and education, highly skilled workers of the capital-intensive primary sector “become more like capital” [Massey, Arango et al., 1993, p. 442]. This process is mainly facilitated by global organizations and international corporations, where the IT giants play a significant role. The networks of interpersonal ties lower the costs and risks of migration and movement [Taylor, 1986; Massey, 1990; Gurak, Caces, 1992], and thus increase international mobility, transnational and cross-border connections [Liu et al., 2015]. This process is interdependent: when a number of migrants reaches a critical threshold, the expansion of the network reduces the costs of movement and it further expands the network and so on [Massey, Arango et al., 1993]. Networks as a form of social capital have to be defused in order to give additional opportunities for others to move, while ethnic identity sometimes turns out to be a resource for a job search [Beaverstock, Smith, 1996].

The issue of capital picks up significant value when dealing with highly skilled migrants in the context of global cities [Sassen, 1991; Ewers, 2007], which create a strong demand for qualified workers and intensify the flow of migrants. In theorizing cities, ethnic groups are considered in terms of “their location in the occupational structure, their position in the local immigrant social structure, their degree of marginality, and/or their historical and racial distinctiveness as the basis of discrimination and oppression” [Low, 1997]. A junction of the locality of communities and the globality of the IT industry makes it problematic to state whether ethnicity works as capital or helps to build networks. It is not clear which identity becomes primary for highly skilled émigrés — ethnic, professional, or maybe a solidarity group [Wimmer, Glick Schiller, 2002]. I aim to contribute to the discussion on highly skilled migrants in the urban context by discovering the transformation of the population of Russian IT professionals in London through various waves of highly skilled migration. The latest study of Russians in London [Malyutina, 2015] provides a clear picture of this language-based

community, but lacks the analysis of the highly skilled migration specifically.

Immigration Context

It is important to show a constellation of circumstances that made moving to the UK possible. The British context surely includes the official migration policy and its changes over the past decades. In particular, these changes touched the IT market to a great extent. I concentrate more on highly skilled migration issues, including the HSMP program and its different stages and the transformation into a tier-system. Reconstructing this story provides opportunities to define not only the reasons, but also the main stakeholders in the process of attraction of the overseas professionals — corporations, government, or local market actors. London is treated as the center of this interplay, but through personal networks and community capitals in the professional IT world.

The migration context under consideration is bilateral: both British and Russian contexts were specific for their own sets of circumstances, which allowed Russian IT professionals to move. I am going to show the opportunities provided by British policy — what it looked like to move to the UK from a Russian point of view. The Russian IT professionals fancied not only life in the UK, but also favored the city of London with its IT market and major global corporate players. This includes not only professional futures and career, but also family, money, and further destinations.

London is a city of immigrants: 36.7% (2.99 million out of 8.17 million) were born outside of the UK [Krausova, Vargas-Silva, 2013]. It is not clear how many Russians are in London, and how many of them immigrated permanently or came temporarily as mobile professionals. The foreign workforce in the UK has been increasingly focused on the computing industry, going from 7.6% of work permits in 1995 to 18.1% in 2005, with almost 20% of all work permits being granted to software engineers [Salt, Millar, 2006].

Since the number of Russians is not definite from official data, the NGO “Russian Speaking Community of Great Britain” (Russkoyazychnaya Obschina Britanii) initiated a large-scale research project on the migration flows and the current state of the Russian-speaking diaspora in London [Report, 2012]. In 2012, they provided the following estimates: from 30,000–52,000 to 83,000–144,000 Russian-speaking people in

London. Moreover, it is not clear how to keep track of Ukrainians, Belarusians and other CIS citizens: there were 25,000–36,000 Russians by birth and 19,000–23,000 by passport in Great Britain in 2010 (with a 22–31% margin of error) [Report, 2012, p. 90]. The office for National Statistics treated Ukrainians (following the International Organization for Migration) as “less organized as a community than some because they prefer to participate in the cross-national networks with other migrants from the former Soviet Union.” Among all Russian-speaking people in 2010, more than half of them were Russians (56%), a fifth were Ukrainians (20%), and 12% were Belarusians [Report, 2012, p. 92–94]. In 2011, there was an estimated 26,000 Russian speakers in London, according to Nomis, the official labor market statistics [Nomis, 2011].²

The major flow started from Russia and other post-Soviet countries in the 1990s as a result of the collapse the Iron Curtain and the unstable economic situation in Russia. Migration policy probably played the most crucial role in providing opportunities for highly skilled professionals in London, namely the Highly Skilled Migrant Programme (HSMP) taking place from 2002 until 2011. In 2002, the UK Home Office initiated the program to attract qualified professionals from all over the world. The HSMP allowed citizens of non-EU and other overseas countries to come to Britain and to find a job freely. To get this visa, it was necessary to meet certain requirements, collecting points for age, education, work experience, income, and language. For IT specialists, it was easy enough to open the borders. Russia became the ninth sending country after the first four years of the program [HSMP Services UK, 2006]. After the UK received the first migration flow, the Home Office decided to modify its visa system. 2006 became a crucial year for those who could apply for the HSMP. The level of requirements increased and the migration flow

² The Office for National Statistics has a service “Freedom of Information.” There was a question on Russians in 2016. Available at: <https://www.ons.gov.uk/aboutus/transparencyandgovernance/freedomofinformationfoi/russianspeakers>. You asked: I was wondering whether it would be possible to receive the official data you have on file for Russian Speakers, this includes citizens from Ukraine, Byelorussia, Baltic countries, Georgia etc. I would like to know how many Russian speakers live in the UK. Perhaps a breakdown of nationalities would also help. We said: The data you requested are not available from the Office for National Statistics (ONS).

diminished. The British Office for National Statistics showed that the majority of Russian migrants came as highly skilled specialists, including managers or senior executives (34.2%), and science and technology professionals (27.3%) in 2006. Among the advantages of life in London, visa-holders mentioned culture, education, business, history, and rule of law [*HSMP Services UK, 2006*].

The HSMP was finally replaced by a Tier-1 visa type, which was introduced in 2008. Since 2012, the Tier-1 visa is unavailable to IT specialists. As a result, a Tier-1 visa is only granted to investors, entrepreneurs, and post-study workers. Tier 1-to-5 is a type of visa that is a more complicated, but in a well thought-out system. It takes into account peculiarities of visa politics for different groups:

- 1) Tier 1 was tuned for General for Highly Skilled, Entrepreneurs, Investors, and Post-Study Work;
- 2) Tier 2 Visas includes General, Intra Company Transfer, Sportspersons, and Minister of Religion;
- 3) Tier 3 Visa stands for Unskilled Temporary Migration;
- 4) Tier 4 is for General Adult Students and Child Students;
- 5) Tier 5 concerns a Youth Mobility Scheme.

IT professionals used to come through Tier 1 (General for Highly Skilled) or Tier 2 (Intra Company Transfer) visas. However, one feature of the Tier 2 visa was that specialists could work only for a particular company that managed and covered the visa expenses. It is complicated for small companies to arrange a Tier-2 visa. After Tier 1 was closed for professionals, the migration flow greatly decreased, though it is still open for investors and entrepreneurs. According to the Migration Advisory Committee's Tier-1 visa data analysis, "the top nationalities in terms of applications for Tier-1 applications investor visas (out-of-country) for the period 5 June 2008 to 31 July 2012 were: Russia, China and USA" [*Nathan, Rolfe, Vargas-Silva, 2013, p. 20*].

Data and Method

I used an anthropological approach to study highly skilled migrants and their language-based and profession-based networks. This research is based on qualitative methodology and includes several methods of data collection, namely biographical interviews and ethnographic observation. My interview guide focused on a

professional trajectory and a migration strategy, the observations took place in offices and during professional meetings, and correspondences between members of online groups provided an additional source for analysis.

Several field trips to London in 2013–2015 resulted in forty-nine biographical interviews.³ The majority of informants⁴ had been working in the banking sphere, and eleven out of forty-nine were computer scientists or mathematicians. There were only four female informants. Age dispersion was 22–57-years-old. A search for contacts was executed through friends and acquaintances, first, then through key informants who were in charge of organizing events or professional meetings and communities. Living places and leisure ethnography (houses/apartments, meetings, and events) appeared to be helpful for the larger context of migrants' lives. I also participated in the events of three IT groups: Russians in the City (its IT group), Google groups (a mail exchange), and Saturday meetings (and its Facebook page). There were orienting points for search, such as IT giants in London (Google), bank offices in London, startups at Campus London and Digital Peninsula (Greenwich), campuses of University College London, Oxford, and Birkbeck colleges. Academic staff information was available via web pages. In some cases, I had an opportunity to monitor parts of internal communication in professional and language-based communities.

There are many different communities of Russians in London, and some of them gather IT professionals specifically. It was important to become part of their everyday life for a short period to observe their communications and interactions, not only at work, but also during leisure time. I was particularly interested in the values translated in the companies and reproduced by employees, the relationships between team-members of different nationalities, Russianness in its different forms, and individual opinions and reactions in corporate, local, and city contexts.

³ The data were collected at the STS Center of the European University at St. Petersburg with the support provided by the Russian Federation Government (grant No.14.U04.31.0001)

⁴ I considered Russian-speakers from post-Soviet countries, but did not include the Baltic countries, Estonia, Latvia, and Lithuania, as they do not have visa restrictions. The majority was from Russia, several informants were from Belarus and Ukraine.

Results and Discussion

It might be reasonable to frame migration relationship between post-Soviet countries (mostly, Russia, Ukraine, and Belarus) and the United Kingdom with the push-pull theory of migration [Lee, 1966], but adjusted for the highly skilled context. This concept explains economic macro-conditions, where push factors operate from a homeland, and pull factors relate to a country of destination. “Intervening obstacles” produce additional structural barriers for migrants that must be overcome. As a result, personal factors set out strategies depending on their situations and combination of push and pull. Though the theory does not focus on individual choices, the explanatory potential of push and pull factors applies to the last four decades of the migration process of the IT professionals from the post-Soviet countries to the UK. The theory starts working when non-economic factors are also included, for instance, the political situation, law regulations, professionalization, and social impact. The missing links of this framework are interpersonal ties and helping mechanisms, traceable with the use of a network approach. Both personal and social networks provide offset links from macro-factors, which are visible in the push-pull framework, to individual stories and the reasons within social-structural factors.

As my study shows, Russian highly skilled migrants in London are not homogenous. My fieldworks and the analysis of the immigration context allows speaking of four distinct waves measured in a decade each. This analytical decision was made to grasp the main features and trends in highly skilled migration of Russian IT specialists to London as a global city. These waves represent different migration projects, based on the use of networks and capitals in order to build a global professional career. The first wave, “Out of the USSR,” considers the late 1980s till 1991; the second wave, “Hello World,” ends with the dot.com boom in 2001 and HSMP start in 2002; the third wave, “London Calling,” grasps the whole HSMP period until 2011; and the last and current wave is titled “Be Mobile.” Each wave is featured with a certain set of individual performances and community strategies (both professional and language-based), so I will provide their description with the most typical and specific types of practices in the process of capitalization of resources in the context of London as a global city.

“Out-of-the-USSR” Wave

The first wave gathered professionals who added global mobility to the migration agenda. Before the collapse of the Soviet Union, repatriation programs appeared to be the major channel of emigration. Alternative homelands welcomed many intellectuals and academic workers such as physicists, mathematicians, and engineers [Dietz, 2000; Popov, 2009]. The late 1980s saw experiments with a limited number of migration projects, as ethnic-based migration took place regarding the reunions of families and spouses. The “Out-of-the-USSR” people were represented mostly by academics who discovered deep rootedness into local life and personal practices.

In professional terms, a typical case among computer scientists or Soviet-trained engineers would be more likely connected to (rare, but still possible) previous experiences of collaboration with foreign colleagues. Professional identities gave way to ethnic identity as an essential part of the Russian-language networks, which were built by these migrants. Their choices and practices were greatly determined by both professional and language networks. In academia, there are local communities of Russian-speaking British scientists, who in a sense reproduce the idea of a “scientific school,” so popular in Soviet times. Their ties and connections helped to ground high academic status and position, which in turn enrich networks serving the following newcomers. The first wave hardly appropriated specific areas in the city, but rather gathered other Russian professionals in their universities. They used to and still do transfer typical (post-)Soviet practices of teaching and doing science, which became local here: for example, they used Soviet books and replicated Soviet techniques of calculation. They capitalized not just their general educational (and cultural) background, but rather specific area of studies (which is rooted in the Soviet school).

The case from the field represents a community of mathematicians and computer scientists with a Russian professor as a core. At some point, another Russian professor invited faculty and friends to celebrate a grant award. My observations during this meeting revealed the prevalence of Russian language (with rare English conversations), despite the fact that some of guests were non-Russians. The conversations with different members of this community confirmed that they prefer to speak Russian and to spend time with other Russian colleagues. Almost all of them were either married to Russians, or in search for

a partner among Russian speakers. Members of this community mostly reduced their practices to constant contacts within the academic community and alternative hobby-type activities, such as biking. At the same time, there were hardly interested in the activities of young professionals and the city as a variety of opportunities.

“Hello-World” Wave

With the collapse of the Soviet Union, migrants of the second wave of the 1990s — “Hello World” — became involved in the adventures of the booming IT industry with a new range of employment opportunities. The mad 1990s turned many academic workers into either industrial specialists or emigrants.

Some academic workers continued to develop paths in British universities, and did not aim at building language-based networks. The academic sphere was preferable though larger Russian community remained relatively small at that time. One of the professors shared his experience of collaborations, where Russians took a considerable share:

“I win grants, and I invite somebody. It appeared somehow that almost all of them were from Russia... Because... No, it wasn’t because of language, but... It was not me who chose. There is a contest, they send their CVs. You examine them, compare them, and... That’s it” (M, 58, computer scientist).

This ambivalent situation aided in discovering two findings, which later were approved with other empirical cases. The first idea is that early skilled migrants hardly tried to use language-based networks in order to become “more British than the British themselves.” Their purpose was to find a permanent place and to integrate into a local community of other professionals, where all kinds of capitals might facilitate their career growth. The second idea was that these émigrés created a basis for future flows of newcomers to integrate them into a larger network capitalizing both their training and origins. The city itself represented a set of random events and people which sometimes happened to be helpful alongside with online platforms and resources for Russians: the most popular events happened at pubs and parks, web-sites and blogs navigated the flows.⁵ These “global profession-

als” became mere office workers and their dependence on local Russian communities grew commensurately. The more that (Russian) IT professionals appeared on the market, the more likely it was that they would dissolve themselves into the mass of other expats in their group. Language-based communities had been shaping, but the actual increase happened afterward.

“London-Calling” Wave

The third wave of the 2000s — “London Calling” — saw London as a point of attraction due to a favorable immigration policy (HSPM), and gathered a huge community of IT specialists with the dispersed network of connections. Russian IT professionals of the third wave had significantly changed the structure of Russian society in London. They started to explore new city areas and settled either close to their workplaces, or in neighborhoods with developing infrastructure and a Russian community. Whereas previous professionals hardly sought opportunities to build neighborhoods, representatives of this wave developed favorite places to live, such as Chelsea, Hampstead, St. John Wood, and later Notting Hill and Canada Water. They also crowded temporary contract positions in banks being self-employed — mostly around the City or Canary Wharf as the main banking areas. Small professional communities turned into huge networks, mostly language-based, but not usually with familiar people. At some point, IT specialists flooded all Russian communities using them as networks for dealing with various issues — renting or moving, sports or education, etc. They established regular meetings at the same place and time — usually Friday or Saturday — to gather with other Russian IT professionals. Interiorization of these kinds of experience forced the capitalization of various resources of skilled migrants in the context of multiple communities and networks: training, education, hobbies, language, weak ties, alumni acquaintances, spouses’ contacts, children’s friendship, neighborhood, and professional gatherings, etc.

To take Low’s approach [1997], their location in the occupational structure became visible enough to place these communities on the city map — both work and life areas. Whatever language-based meeting (for example, in “the Citty of Yorke”) or Russian hub (like “Ziferblat”) I visited asking about Russian IT professionals, everybody had an image or shared knowledge about their presence and usual practices. From

5 It is possible to trace the scope of Russian platforms all over the world, where the UK is recognizable due to amount of sources <http://www.e-diasporas.fr/wp/morgunova.html>

other people and from the interviews, I found out that they gather either in neighborhoods or specific (traditional) places; they play active urban games (for instance, “Encounter”); and they have several gatherings of professional groups and many more online platforms and groups. I managed to enter some of these activities and communities, where informants described the structure of a local language-based, but professional community. This was a wave of active building of communities and networks, which were specifically for professionals rather than Russians in general: IT specialists did their best to separate themselves from the general public.

“Be-Mobile” Wave

The natural immigration barriers of the 2010s produced the fourth wave of professional migration, comprising those who came with pragmatic purposes. The current wave “Be Mobile” provided few examples of independent migration, as it was less determined by personal choice, but rather with the support of corporate conditions and policies. The status and self-identification of new-coming Russian IT professionals in London became traceable with their inclusiveness in various types of language-based networks and professional communities. They had a large choice of various Russian communities to create their own urban communities in the city of professionals: they grew economic, social, and symbolic capitals largely aside from the existing language-based networks, though they reproduced some of the established practices. For instance, they rarely visited Russian hubs and local social infrastructure with their meetings and urban games; they also kept some ties and contacts with friends, who came in London long before. However, they were not included in their urban community lives.

Isolation takes place when the city does not welcome diversifying everyday and professional life. London as a global city holds hundreds of events daily. Newcomers barely sought Russian communication, nor did they plan their future steps and careers for a long period. They felt free to choose futures and to stick to specific practices and communities; and, so far, their individual choices look more situational and spontaneous: they capitalized their language skills, startup experience, openness to the new possibilities, and their cosmopolitanism. Most of them are integrated into their company teams bearing

corporate identity and loyalty, but do not limit themselves with internal Russian communities. This wave is in a transition from office to office in whatever city it is located. It seems like they explore the city as another point of destination to change very soon, not trying to create emotional contact or cultivate early nostalgia.

Having described the four waves, I showed the dynamics of the local Russian IT population. The migration policies determined both typical practices of IT professionals, the structure and role of professional and language-based communities within local urban structure. We observed how the representatives of these waves capitalized first their skills and training, then Russianness, and social connections afterwards. These strategies are both ethnically and professionally driven, as Russian population appeared to be recognized within the IT world. And because they create a variety of communities and networks, they also become visible in the urban context.

Conclusion

Migration as both a future-oriented and a backward-looking process [Pine, 2014], involving temporalities, spaces, and regimes of value. It changes with many contexts and personal stories and opportunities, which transforms into capitals and networks in the context of a global city. However, IT professionals have advantages that allow them to be a bit freer than others. A high level of various capitals and a set of tight network connections facilitate constant professional development, where specialists with diverse experiences support a city milieu to capitalize themselves on the basis of both language and profession with the help of urban communities. As Bauman puts it, “‘Community’ is one of those words that feels good: it is good ‘to have a community’, ‘to be in a community’” [Bauman, 2001]. This need for community appears in uncomfortable situations, in particular, in situations of moving to another country with its own language and culture. Despite globalization, national rules and the global urban context put significant limitations on the uniformity of locals and migrants, citizens and expats. In these circumstances, newcomers of different waves followed diverse capitalization practices based on language or professional networks.

The transformation of urban communities and individual practices was traced through the dynamics of experiences based on capitals and

networks for each wave of highly skilled migrants. The “Out-of-the-USSR” people faced significant determination of either professional or language networks, where they reproduced old practices and used skills and training to ground local statuses within academia, as a rule. The “Hello-World” wave strived for permanent places and integration into local communities of other professionals, where various kinds of capitals — education, training or connections — might facilitate the career growth. The major practices of the “London-Calling” wave represent a looped process of networking to multiply capitals to fa-

cilitate networks: they staked a claim on a map of professional and social structures of the city. The current “Be-Mobile” wave got significant starting points to create their own urban practices while multiplying various capitals in the interiorized city. This dynamics shows that not only skills and training serve highly skilled migrants to promote themselves on the global market, but the community factor plays significant role in this process. These communities are both IT and Russian, and they provided different support for the newcomers of each wave in shaping their individual practices.

References

- Bauman Z. *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Polity, 2001.
- Beaverstock J., Smith J. Lending Jobs to Global Cities: Skilled International Labour Migration, Investment Banking and the City of London. *Urban Studies*, 1996, vol. 33, no 8, pp. 1377–1394.
- Cederberg M. Migrant Networks and Beyond: Exploring the Value of the Notion of Social Capital for Making Sense of Ethnic Inequalities. *Acta Sociologica*, 2012, pp. 55–59.
- Drori I. *The Evolution of a New Industry: A Genealogical Approach*. Stanford: Stanford University Press, 2013.
- Dietz B. German and Jewish migration from the former Soviet Union to Germany: Background, trends and implications. *Journal for Ethnic and Migration Studies*, 2000, vol. 26 (4), pp. 635–652.
- Ewers M.C. Migrants, markets and multinationals: competition among world cities for the highly skilled. *Geojournal*, 2007, vol. 68, no 2/3, pp. 119–130.
- Favell A. Eurostars and Eurocities: Toward a Sociology of Free Moving Professionals in Western Europe. *Working Papers, Center for Comparative Immigration Studies*. San Diego: UC San Diego, 2003.
- Glick Schiller N., Çağlar A. Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and City Scale. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2009, vol. 35, no 2, pp. 177–202.
- Gurak D.T., Caces F. Migration networks and the shaping of migration system. *International Migration System: Global Approach* / M. Kritz, L. Lean Lim, H. Zlotnik (eds). Oxford: Clarendon Press, 1992, pp. 150–176.
- HSMP Services UK. HSMP Approval Statistics, 2006. Available at: http://www.hsmp-services.co.uk/hsmp_approval_statistics_total.html. (accessed 30.04.2014)
- Krausova A., Vargas-Silva C. *Briefing: London: Census Profile*. Oxford: The Migration Observatory, 2013.
- Lee E. A Theory of Migration. *Demography*, 1966, pp. 47–57.
- Leung M. Get IT Going. New Ethnic Chinese Business. A Case of Taiwanese-owned COmputer Firms in Hamburg. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2001, vol. 27, no 2, pp. 277–294.
- Liu X., Gao L., Lu J., Wei Y. The Role of Highly Skilled Migrants in the Process of Inter-Firm Knowledge Transfer Across Borders. *Journal of World Business*, 2015, vol. 50, no 1, pp. 56–68.
- Low S. Theorizing the City: Ethnicity, Gender and Globalization. *Critique of Anthropology*, 1997, vol. 17 (4), pp. 403–409.
- Malyutina D. *Migrant friendships in a super-diverse city: Russian-speakers and their social relationships in London in the 21st century*. Stuttgart: Ibidem-Verl., cop. 2015.
- Massey D.S. The social and economic origins of immigration. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1990, no 510, pp. 60–72.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*, 1993, vol. 19, no 3 (September), pp. 431–466.
- Nathan M., Rolfe H., Vargas-Silva C. The Economic and Labour Market Impacts of Tier 1 entrepreneur and investor migrants. *The Migration Advisory Committee*, 2013.
- Nomis, official labour market statistics, 2011. QS204EW – Main language. Available at: http://www.nomisweb.co.uk/census/2011/QS204EW/view/2013265927?rows=cell&cols=rural_urban. (accessed 20.04.2014)
- Pine F. Migration as Hope: Space, Time, and Imagining the Future. *Current Anthropology. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy*, 2014, vol. 55, no 59, pp. 95–104.

- Popov A. Making Sense of Home and Homeland: Former-Soviet Greeks' Motivations and Strategies for a Transnational Migrant Circuit. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2009, vol. 36 (1), pp. 67–85.
- Report. *Quantity, structure, and the main sociological features of Russian speaking population in London*, 2012. Available at: <http://www.obshina.org/community/documents/download/poek-oiologiekogo-iledovani-ilenno-oav-i-onovne-oiologiekie-oobenoi-koznogo-naeleni-londona..22/>. (accessed October 2013).
- Salt J., Millar J. Foreign labour in the United Kingdom: current patterns and trends. *Labour Market Trends*, 2006 (October), pp. 335–355.
- Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.
- Schittenhelm K., Schmidtke O. Integrating Highly Skilled Migrants into the Economy: Transatlantic Perspectives. *International Journal*, 2010–2011 (Winter), vol. 66, no 1, pp. 127–143.
- Scott S. The Social Morphology of Skilled Migration: The Case of the British Middle Class in Paris. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2006, vol. 32, no 7, pp. 1105–1129.
- Taylor J.E. Differential migration, networks, information and risk, vol. 4. *Research in Human Capital and Development* / O. Stark (ed.). Greenwich, Conn.: JAI Press, 1986, pp. 147–171.
- Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences. *Global Networks*, 2002, vol. 2, no 4, pp. 301–334.
- Xiang B. Global “Body Shopping”. An Indian Labour System in the Information Technology Industry. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007.

Л.В. ЗЕМНУХОВА

ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ «РУССКИЕ» МИГРАНТЫ В ЛОНДОНЕ: КЕЙС ИТ-ПРОФЕССИОНАЛОВ

Земнухова Лилия Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, научный сотрудник Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге; Российская Федерация, 190005 Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

E-mail: lzemnukhova@gmail.com

В статье предлагается анализ «русских» ИТ-профессионалов как высококвалифицированных мигрантов в Лондоне. Контекст российско-британской миграции обусловил появление и развитие четырех волн: каждая из них представляет собой определенный набор обстоятельств для тех, кто приезжает в глобальный город жить и/или работать. Основная идея статьи состоит в том, чтобы показать трансформацию вполне определенного сообщества через четыре волны профессиональной миграции. Исследование основано на биографических интервью и наблюдениях, собранных в Лондоне в 2013–2015 гг. Утверждается, что динамика локальных профессиональных и языковых сообществ, с одной стороны, зависит от волн «русской» миграции, а с другой стороны, формировала практики капитализации различных ресурсов специалистов.

Ключевые слова: высококвалифицированная миграция; «русские» ИТ-профессионалы; Лондон; иммиграционная политика; сети; сообщества

И. ФЕРНАНДЕС АРАГОН, Ф. ХОГИАНИ БАССИНА,
Ю. ШЕРШНЕВА

ГОРОДСКАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕГРЕГАЦИЯ ИНОСТРАННОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ БИЛЬБАО

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 64-84
<https://doi.org/10.17323/usp21201764-84>

Фернандес Арагон Ирайде, аспирант PhD, магистр глобализации и развития (Университет Страны Басков, Испания) и магистр программы «Прикладное социальное исследование и анализ данных» (Центр социологических исследований, Испания), бакалавр социологии (Университет Страны Басков, Испания), Департамент социологии и социальной работы (Университет Страны Басков, Испания)
E-mail: iraide.fernandez@ehu.eus

Хогияни Бассина Фарид, исследователь, PhD международного публичного права и международных отношений (Университет Страны Басков, Испания), магистр программы «Международные исследования» (Университет Страны Басков, Испания), специалист права (Университет Ла Лагуна, Тенерифе, Испания), бакалавр международного публичного права (Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации) (МГИМО (У)), Россия), Департамент международного публичного права, международных отношений и истории права (Университет Страны Басков, Испания)
E-mail: khogyani001@gmail.com

Шершнева Юлия Романовна, профессор социологии, PhD социологии (Университет Страны Басков, Испания), магистр программы «Миграционные процессы: знание и управление миграционными процессами» (Университет Страны Басков, Испания), магистр программы «Модели и области исследования в социальных науках» (Университет Страны Басков, Испания), специалист экономики (Волгоградский государственный технический университет, Россия), Департамент социологии и социальной работы (Университет Страны Басков, Испания)
E-mail: yulia.shershneva@ehu.eus

Невозможно говорить о главных социальных преобразованиях XXI в. без упоминания миграционных потоков. Испанский город Бильбао, как и многие другие города мира, является участником данных глобальных процессов, которые постепенно формируют его новый облик. Учитывая, что Бильбао – один из самых крупных и наиболее культурно разнообразных городов севера Испании, изучение его реалий с точки зрения урбанистики представляет особый интерес.

Основная цель данной статьи заключается в анализе расселения в городском пространстве иностранных граждан четырех стран происхождения мигрантов в Бильбао – Боливии, Сенегала, Марокко и Китая – с использованием индексов сегрегации. Расчеты показывают, что граждане Китая и Сенегала наиболее подвержены сегрегации, тогда как выходцы из Латинской Америки имеют более низкие показатели. Возможными причинами найденных различий являются экономическая уязвимость в случае мигрантов из Сенегала, Марокко и Боливии, и жилищные предпочтения в случае мигрантов из Китая. Дискриминация на рынке аренды жилья также является немаловажным фактором, влияющим на неравномерное расселение иностранцев в городе.

Ключевые слова: городская пространственная сегрегация; иммиграция; Испания; индекс сегрегации; Бильбао

Введение

Интенсификация миграционных потоков является одним из главных социальных преобразований XXI в. Эти глобальные изменения проявляются и на локальном уровне, создавая новые реалии и заметно трансформируя социальную, экономическую и пространственную среду. Расселение мигрантов в городе, как указывает мировой опыт, зачастую связано с проблемами и вызовами, такими как жилищная сегрегация и концентрация иностранного населения в определенных зонах. Изучением сегрегации иностранного населения в Испании занимались исследователи в Барселоне [Fullaondo, 2008] и Мадриде [Domínguez, Parreño, Díaz, 2010]. Однако один из самых густонаселенных городов севера Испании — Бильбао — сейчас не имеет таких расчетов. Между тем рост числа мигрантов в этом городе приходится на последние 10–20 лет. Эта статья ставит целью прояснить ситуацию с сегрегацией иностранного населения в Бильбао. Для реализации поставленной задачи в данном исследовании рассчитываются индексы сегрегации, которые позволяют выявить и описать ситуацию неравенства жилищной локализации иностранного населения. Расчеты производятся на основе данных Муниципального реестра жителей Бильбао за 2010 и 2015 гг.

Статья состоит из пяти частей. В первой части освещаются индексы городской пространственной сегрегации и обсуждаются причины сегрегации. Во второй части описывается миграционная ситуация в Испании в целом и в Бильбао в частности, после чего в третьей части приводится описание данных. В четвертой части представлены основные результаты расчетов, которые обсуждаются в пятой части.

Теоретическая основа исследования

Индексы городской жилищной сегрегации населения

Пространственная дифференциация, или сегрегация, как предмет исследования впервые была введена в научный оборот в 1920-х годах в рамках исследований Чикагской школы социологии в качестве одного из пяти основных естественно-экологических процессов, наряду с концентрацией, централизацией, вторжением и последовательностью [McKenzie, 1924]. В 1950-е годы появляется первый индекс, показывающий уровень сегрегации в городе — индекс диссимилиации [Duncan, Duncan, 1955]. Вплоть до 1970-х годов использование индексов, в частности индекса диссимилиации и индекса сегрегации, в анализе жилищной сегрегации населения было повсеместным, однако уже начиная с 1970-х развивается критика данного метода, которая ставит под сомнение предполагаемую авторами индексов однородность городских зон. Наступает период, в течение которого развиваются новые индексы, включающие в себя другие аспекты сегрегации, которые были описаны в одной из самых знаменитых работ в этой области наук — статье Дугласа Мессеи и Нэнси Дентон “*The Dimensions of Residential Segregation*” [Massey, Denton, 1988]. Д. Мессеи и Н. Дентон предлагают пять основных категорий измерения жилищной сегрегации: равномерность расселения (*evenness*), обособленность (*exposure*), концентрация (*concentration*), централизация (*centralization*) и кластеризация (*clustering*), которые включают в себя в совокупности более 20 показателей. Комбинация этих показателей позволяет получить многомерную картину сегрегации в жилищной сфере: «Каждая из этих распределительных характеристик имеет отличающиеся друг от друга социальные и поведенческие последствия и представляет различные аспекты того, что исследователи понимают под сегрегацией. Группа, характеризующаяся высокой степенью централизации, пространственно концентрированная, неравномерно расселенная и минимально взаимодействующая с представителями большинства, называется пространственно сегрегированной» [Massey, Denton, 1988, p. 283].

В данном исследовании будут использованы только первые две категории: равномерность расселения и обособленность, так как для их анализа могут быть использованы переписные данные, не требующие информации с привязкой к географическим координатам. Кроме того, будет рассчитан коэффициент локализации, который, не являясь индексом сегрегации, позволяет дополнить анализ картированием мест проживания изучаемых групп. Рассмотрим эти три показателя — показатели равномерности расселения и обособленности, а также коэффициент локализации — подробнее.

Равномерность расселения

Равномерность расселения (*evenness*) указывает на различия в распределении двух групп на одной городской территории. О сегрегации группы населения можно говорить в том случае, если эта группа распределена неравномерно между зонами или пространственными единицами города. Широко используемым индикатором равномерности расселения является *Индекс диссимилиации (ID)*, предполагающий сравнение долей двух групп — меньшинства и большинства — в одной переписной секции¹. Этот индекс колеблется между 0 и 1, где 0 означает отсутствие сегрегации, а 1 — наивысшую степень сегрегации. Общая формула для расчета выглядит следующим образом:

$$ID = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n \left| \frac{x_i}{X} - \frac{y_i}{Y} \right|,$$

где x — численность группы меньшинства в переписной секции i ; X — численность данной группы меньшинства на всей территории муниципалитета; y — численность большинства (коренное население) в секции i , и Y — общая численность коренного населения муниципалитета.

Обособленность

Меры обособленности (*exposure*) позволяют дать оценку количеству потенциальных контактов как между индивидами внутри одной группы, так и между представителями разных групп, т.е. предоставляют возможность «измерить опыт сегрегации как ощутимый типичным членом меньшинства или большинства» [Massey, Denton, 1988, p. 287]. Для этого используются два индекса: Индекс изоляции (AA) и Индекс взаимодействия (IN).

Индекс изоляции (AA) измеряет вероятность того, что представитель какой-либо группы окажется в одной пространственной единице с представителем своей же группы. Данный показатель варьируется от 0 до 1: чем выше индекс, тем выше вероятность, что индивид будет жить в одной переписной секции с представителями своей же группы. Расчет индекса производится по формуле

$$xP_x = \sum_{i=1}^n [x_i / X] [x_i / t_i],$$

где x — число представителей меньшинства в секции i , X — численность данной группы меньшинства на всей территории муниципалитета; t_i — общая численность населения в переписной секции; n — число единиц (переписных секций).

Индекс взаимодействия (IN) оценивает вероятность контакта члена группы меньшинства с представителем группы большинства (коренного населения) в одной переписной секции. Хотя данные индексы являются взаимодополняющими, они измеряют различные аспекты, так как Индекс взаимодействия учитывает тип зоны, в которой происходит взаимодействие (наличие большего или меньшего числа представителей коренного населения). Этот индекс, так же как и другие рассмотренные показатели, колеблется от 0 до 1, где 1 означает наибольшую вероятность взаимодействия с коренным населением, а 0 — наименьшую. Индекс рассчитывается по формуле

$$xP_y = \sum_{i=1}^n [x_i / X] [y_i / t_i],$$

где x_i — число представителей меньшинства в секции i , X — численность данной группы меньшинства на всей территории муниципалитета, y_i — численность большинства (коренного населения) в секции i ; t_i — общая численность населения в секции i .

¹ Единица, используемая при переписи населения в Испании.

Коэффициент локализации

Коэффициент локализации (QL) измеряет отношение доли иностранного населения в районе или переписной секции к доле этого иностранного населения во всем городе. Как дополнительный показатель, помогающий выделить районы, в которых иностранное население сконцентрировано в большей степени, он использовался в исследованиях Бильбао [Lavía, 2008] и Барселоны [Fullaondo, 2008]. Для коэффициента локализации отсутствует теоретическая классификация (предельные значения), тем не менее эти данные, как правило, представляются в промежутках стандартного отклонения от средней доли иностранного населения. Коэффициент, равный или близкий к единице, указывает на равномерное распределение: иностранное население присутствует в данной секции в той же степени, что и в городе в целом. Коэффициент выше единицы означает, что концентрация иностранцев в данной секции выше средней по городу, тогда как коэффициент, стремящийся к нулю, свидетельствует о том, что присутствие иностранцев в секции ниже, чем в среднем по городу. Он рассчитывается по формуле

$$QL = \frac{\frac{X_i}{T_i}}{\frac{X}{T}},$$

где X — группа меньшинства (в переписной секции (i) или в целом) и T — общее число населения (в переписной секции (i) или в целом).

Причины пространственной сегрегации

Существует три основных способа объяснения сегрегации, связанных с экономическим неравенством, жилищными предпочтениями и дискриминацией/стигматизацией.

Согласно первому способу объяснения, люди обладают разными финансовыми возможностями для аренды и приобретения жилья, что и определяет формирование «бедных» и «богатых» районов. Поскольку социально-экономическая позиция зачастую связана с этнической/расовой идентификацией, складываются «этнические» районы [Adelman, 2004; Massey, Denton, 1993]. Однако другие авторы считают, что социально-экономическое неравенство и разница в доходах не могут объяснить в полной мере распределение населения в городе, и говорят о необходимости учитывать дискриминацию [Galster, 1988; Peach, 1996].

Другой способ объяснения, получивший активное развитие в 1980-е годы, связан с жилищными предпочтениями населения. Впервые Томас К. Шеллинг [Schelling, 1971] предположил, что индивиды отдадут предпочтение районам, которые населены людьми того же происхождения, что и они сами. Так сформировалась теория “white avoidance”, согласно которой «белое» население добровольно покидает районы с «цветным» населением, перемещаясь в районы преимущественно «белого» населения [Andersen, 2017]. Таким образом, социальная дифференциация пространства по этническому признаку также происходит из-за эндогенных процессов группирования, а именно в связи с тенденцией определенных групп к объединению. В частности, речь идет о тех группах, которые больше всего отличаются от коренного населения в религиозном, этническом и культурном аспектах [Bayona, 2007]. Уильям Кларк на материале эмпирических исследований в Лос-Анджелесе обнаружил, что не только «англосаксы», но и другие группы предпочитают районы, жители которых похожи на них по этнической и расовой идентификации [Clark, 1992]. По его мнению, добровольное решение жить среди представителей собственной этнической или расовой группы является основным фактором, объясняющим жилищную сегрегацию, даже в большей степени, чем экономический или дискриминационный факторы.

Третий способ объяснения сегрегации связан с дискриминацией. В статье, написанной в 1988 г. в рамках дискуссии с Кларком, Джордж Гальстер утверждает, что акты незаконной дискриминации, осуществляемые частными агентами на рынке жилья, являются основой жилищной сегрегации [Galster, 1988]. Он различает два типа дискриминации. В основе первого типа — дискриминации в государственной сфере (*public discrimination*) — лежит государственная политика разных уровней по вопросам землевладения и жилищного фонда. Второй тип —

это дискриминация в частной сфере (*private discrimination*), осуществляемая владельцами и риелторскими агентствами в отношении представителей меньшинств при попытке последних найти жилье в кварталах, считающихся местами проживания большинства. О значимой роли дискриминации для сегрегации мигрантов в городах Испании свидетельствуют исследования Йорди Байоны [Bayona, 2007] и SOS Racismo совместно с Испанской комиссией помощи беженцам (CEAR), которые выявили дискриминацию в доступе к жилью, в том числе и в Стране Басков [SOS Racismo & CEAR, 2011].

Миграция в Стране Басков и в Испании в целом

Миграция является сравнительно новым феноменом для Испании. Еще три десятилетия назад Испания была одним из главных поставщиков трудовых мигрантов, которые направлялись в страны Западной Европы в поисках лучшей жизни. Тем не менее с конца 1990 — начала 2000-х годов ситуация кардинально изменилась: быстроразвивающаяся экономика Испании конца прошлого века создала низкоквалифицированные рабочие места, которые не могли быть заняты местным населением в полном объеме. Как следствие, в начале 2000-х годов в Испанию начали приезжать первые мигранты из-за рубежа, занимавшие в основном строительную и сельскохозяйственную ниши. Так, если в 1998 г. доля иммигрантов не превышала 1,6% от общего населения Испании, то в 2010 г. она увеличилась до 12,2% [INE, 2015]. По данным за 2015 г., в Испании доля иностранных граждан от общего числа населения составляла 9,6%, что в сравнении с остальными странами Европейского союза является средним показателем. Как видно из рис. 1, доля иммигрантов в Бильбао является более низкой по сравнению с данными по Испании.

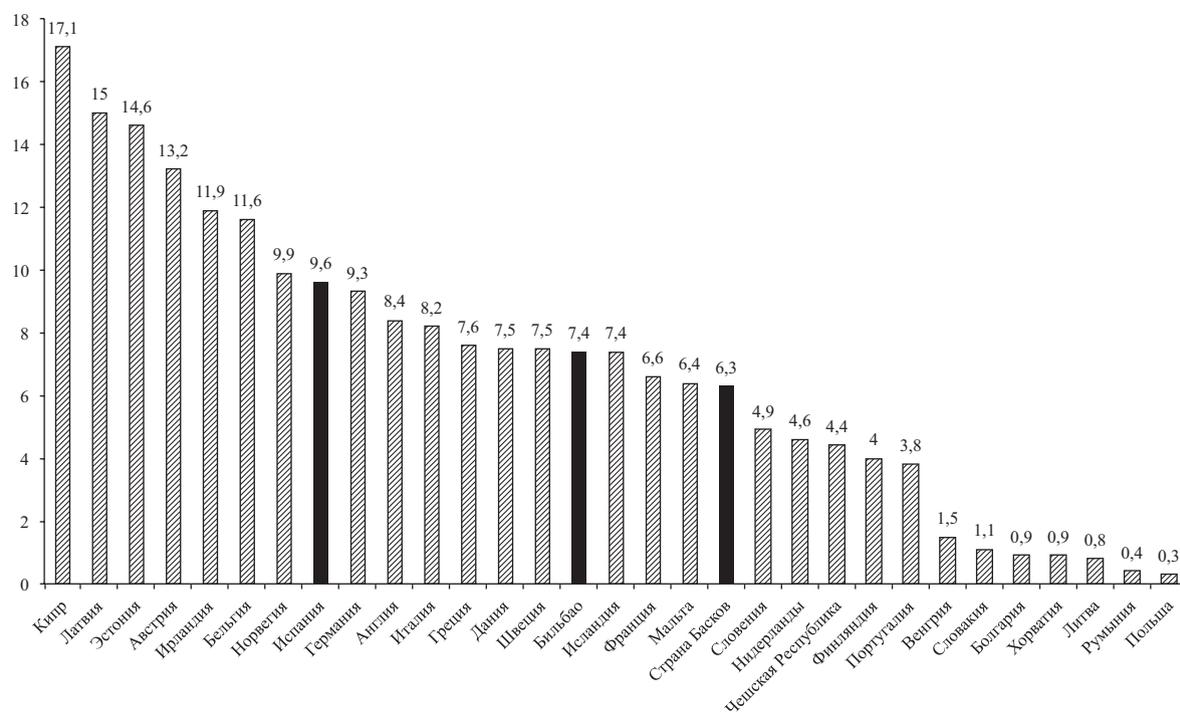

Рис. 1. Число иностранных граждан, проживающих в странах Европейского союза, в общей численности населения, 2015 г., %²

Источники: Eurostat и Муниципальный реестр населения Бильбао.

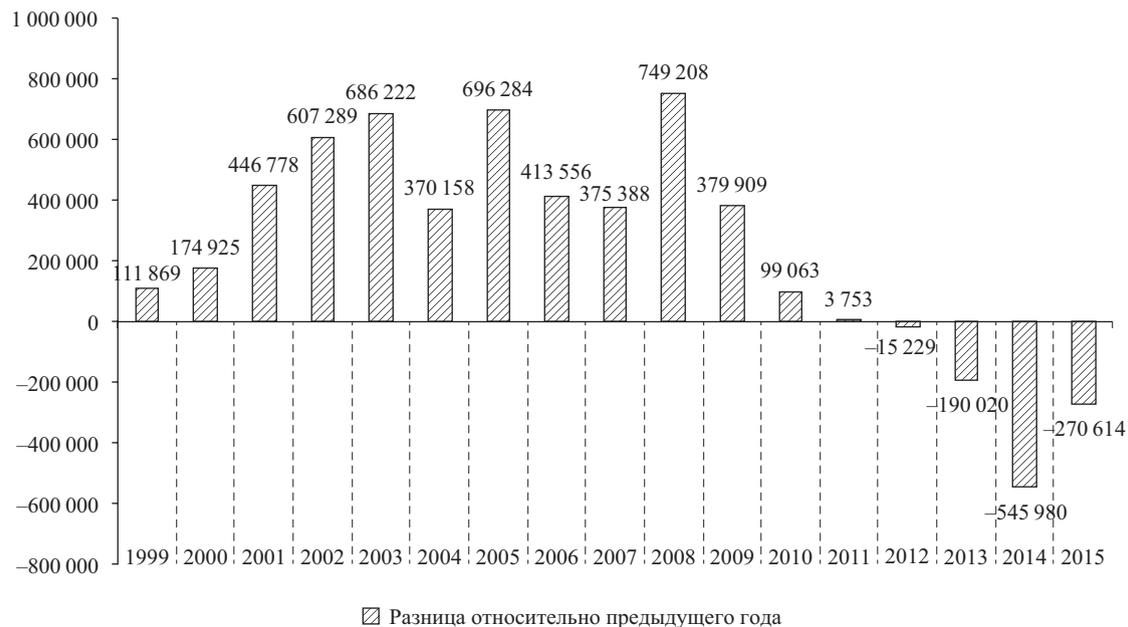
Можно выделить три переломных момента в изменении миграционной ситуации в Испании. Первый наблюдается в 2005 г., когда премьер-министр страны Хосе Луис Родригез Сапато принял закон об упорядочении статуса трудящихся иностранцев, не имеющих докумен-

2 Доля иностранного населения Испании включает в себя данные по Стране Басков.

тов, ввиду того что около половины мигрантов, живущих в стране, не имели соответствующих документов [Ikuspegi, 2015]. В результате 700 тыс. человек [Alerta Digital, 2013] официально трудоустроились, получили доступ к социальным услугам и возможность свободно перемещаться за пределы страны, а государство смогло вести более точный учет числа мигрантов.

Второй момент связан с вхождением Румынии и Болгарии в 2008 г. в состав Европейского союза и последующим вступлением в силу договора о свободном передвижении граждан данных государств на европейском рынке труда. Как следствие, многие граждане Румынии и Болгарии, уже находящиеся на территории государств Европейского союза, в том числе и Испании, смогли урегулировать свой правовой статус в стране.

Третий переломный момент связан с экономическим кризисом, который охватил испанскую экономику в 2008–2009 гг. и привел к массовому сокращению рабочих мест, последующему оттоку иностранных рабочих и снижению миграционных потоков из-за границы. Тем не менее, несмотря на то, что с 2008 г. интенсивность миграционного потока начала стремительно снижаться, только в 2012 г. впервые сложилась ситуация, когда число мигрантов оказалось меньше, чем в предыдущем году (на 15 229 человек), а самый большой отток иностранных граждан был зарегистрирован в 2014 г., когда разница с предыдущим годом составила 545 980 человек. Тенденция сокращения числа мигрантов, хотя и в меньших масштабах, сохранилась и в 2015 г.

Рис. 2. Разница между числом иностранного населения в Испании на текущий период и аналогичным показателем в предыдущий период, 1999–2015 гг., чел.

Источник: Instituto Nacional de Estadística de España.

Доля иностранцев от общего числа населения в регионах Испании существенно различается. В Стране Басков доля иностранных граждан среди населения одна из самых низких (6,3 против 14% в Валенсии и 9,6% в среднем по Испании). Это связано в первую очередь с особенностями структуры рынка труда и экономики данной автономной области, которая долгое время характеризовалась преобладанием промышленности и неразвитостью строительного, туристического и сельскохозяйственного секторов. Данные секторы, присущие экономике южного и центрального регионов, а также средиземноморского побережья, наиболее привлекательны для иностранной рабочей силы в плане трудоустройства, так как не требуют наличия специального образования, опыта работы или уверенного знания испанского языка. Для экономики Страны Басков — одной из самых развитых и стабильных в Испании — характерны сравнительно низкий уровень безработицы и развитая система социального обеспечения,

в то же время она наименее привлекательна для иностранного населения ввиду особенностей рынка труда.

Если в целом уровень безработицы в Стране Басков ниже аналогичного показателя по Испании (12,9% в Стране Басков против 20,9% в Испании), иностранные граждане в этом регионе, напротив, чаще регистрируются в качестве безработных, чем в среднем по Испании (рис. 3). Это может свидетельствовать о большей социально-экономической уязвимости мигрантов в этом регионе.

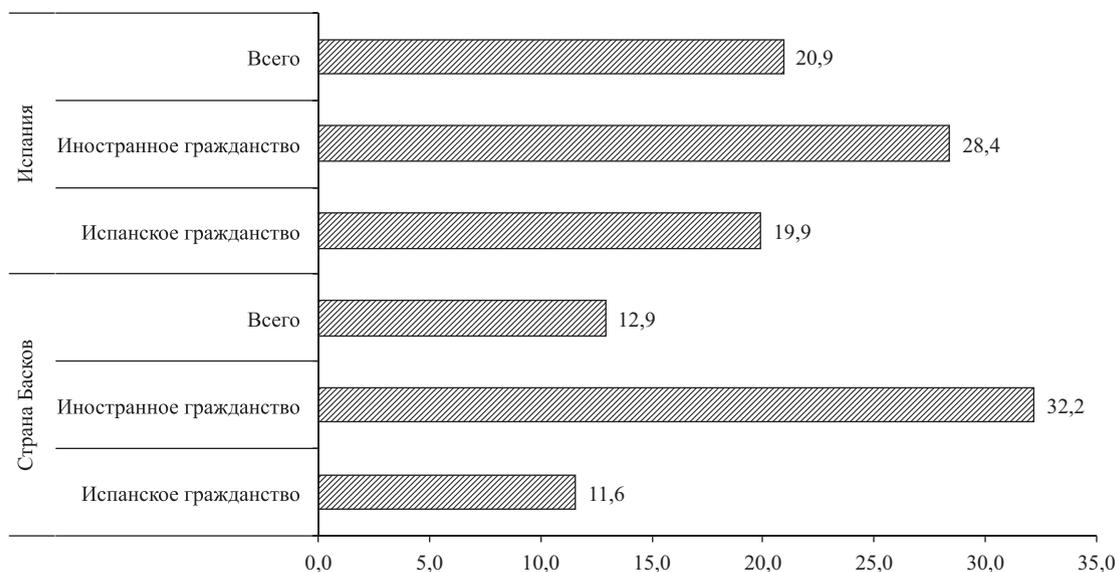

Рис. 3. Уровень безработицы среди местного населения и иностранных граждан, Испания и Страна Басков, IV триместр 2015 г., %³

Источник: Instituto Nacional de Estadística de España.

Больше половины иностранцев в Стране Басков — граждане стран Латинской Америки (34%) и Африки (18% — граждане стран Магриба, преимущественно Марокко и Алжира, и 10% — остальных стран Африки) (рис. 4).

Латинская Америка является одним из самых значимых регионов происхождения мигрантов, проживающих в Бильбао, Стране Басков и Испании в целом. Если рассматривать данные по стране рождения вместо гражданства, доля мигрантов из Латинской Америки в Испании возрастает до половины от общего числа рожденных за рубежом [INE]. Это следствие нескольких факторов. Во-первых, страны данного региона, являясь бывшими колониями Испании, сохраняют с Испанией частичную культурную, религиозную и языковую общность. Во-вторых, для уроженцев данного региона испанское законодательство предусматривает ряд упрощенных условий доступа к натурализации⁴.

Два основных региона происхождения мигрантов в Стране Басков отличаются гендерным составом и сферами занятости: среди уроженцев Латинской Америки преобладают женщины, и они в основном заняты в сфере услуг (домашняя работа), тогда как среди мигрантов из стран Магриба и Африки больше, напротив, мужчин, и они преимущественно работают в сферах услуг и строительства [MESS, 2015].

³ Уровень безработицы регистрируется только среди иностранных граждан, имеющих разрешение на работу, в то время как иностранные граждане, не имеющие соответствующих документов, не фигурируют в представленных данных.

Данные по Испании включают в себя данные по Стране Басков.

⁴ Согласно испанскому законодательству, могут ходатайствовать о получении испанского гражданства по праву резиденции граждане Латинской Америки, Филиппин, Андорры, Португалии и Экваториальной Гвинеи, прожившие легально два года в Испании, в то время как для граждан остальных государств этот срок возрастает до 10 лет.

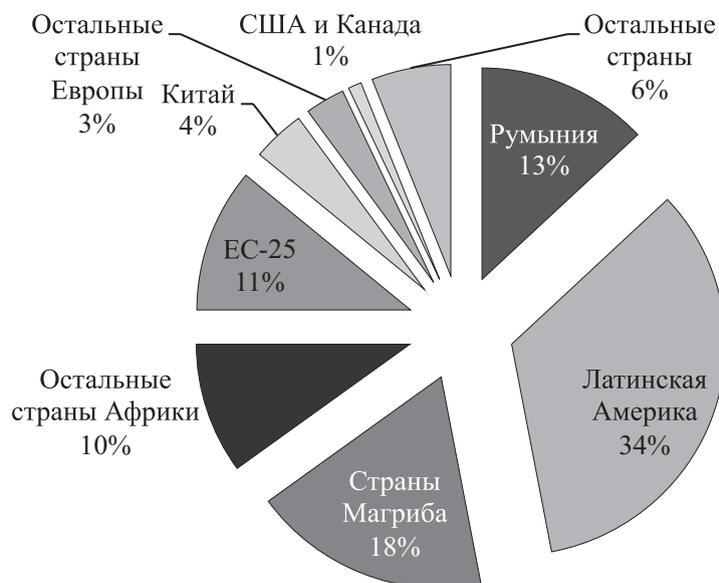

Рис. 4. Распределение мигрантов в Стране Басков по регионам происхождения (гражданства), 2015 г., %

Источник: Instituto Nacional de Estadística de España.

В Бильбао число иностранных граждан в 2015 г. составляло 25 695 человек (7,4% от общего населения Бильбао). При низкой по сравнению с другими испанскими городами доле иностранцев Бильбао характеризуется большим культурным разнообразием жителей: в городе проживают граждане 142 стран. Среди них самой многочисленной группой являются граждане Боливии (10,9% от общего числа иностранных граждан Бильбао), второе место занимает Марокко (10,2%), затем следуют Румыния (9,6%), Китай (7,5%) и Колумбия (6%) (рис. 5).

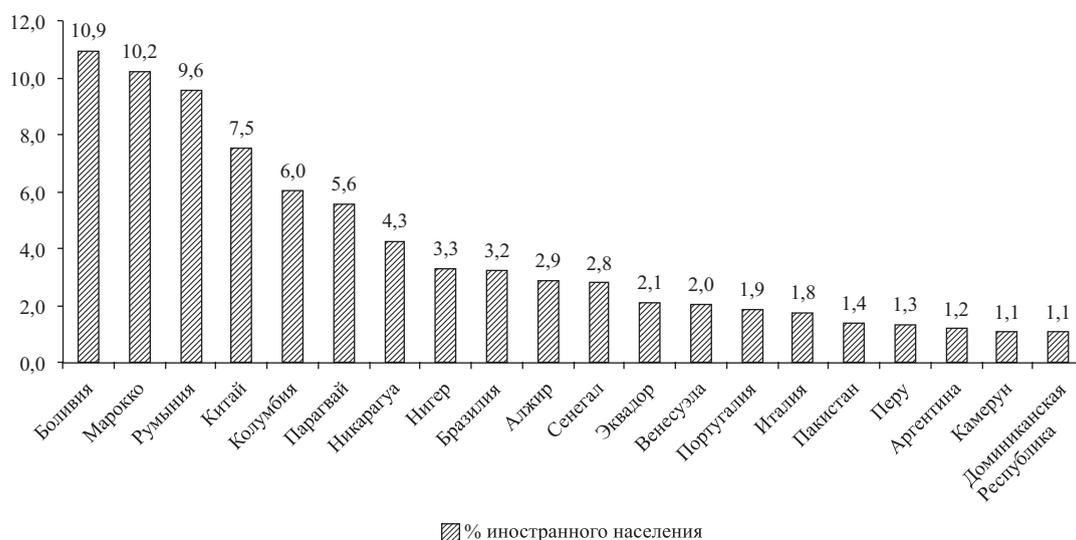

Рис. 5. Распределение иностранного населения Бильбао по странам гражданства, 2015 г., %

Источник: подготовлено авторами на основании данных Муниципального реестра жителей Бильбао.

Для анализа сегрегации в Бильбао были выбраны четыре группы: граждане Боливии, Марокко, Китая и Сенегала. Этот выбор обусловлен тем, что граждане Боливии, Марокко и Китая составляют самые многочисленные неевропейские иностранные группы в Бильбао. Сенегал, несмотря на небольшую долю от общего иностранного населения (2,8%), был включен в ана-

лиз, так как паттерн расселения его представителей отличается от остальных групп иностранных мигрантов.

Из этих четырех групп самыми уязвимыми с точки зрения социально-экономических характеристик являются мигранты из Сенегала и Марокко. Среди *сенегальцев*, миграция которых в Испанию началась в 1998 г., уровень безработицы выше среднего (52,7%), а 25% не имеют разрешения на пребывание и работу [MESS, 2015]. Среди них преобладают мужчины (88,7%) и люди с низким уровнем образования: 38,2% не имеют образования, 28,2% закончили только начальную школу, 22% имеют среднее образование, 8% — среднее специальное и лишь 3,6% получили высшее образование [EPIE⁵, 2014]. Сенегальцы в большинстве случаев арендуют жилье (87%), из них 55,6% арендуют целую квартиру, а 29,1% — часть квартиры, преимущественно в социально неблагополучных районах города, тогда как жилье в собственности имеется всего лишь у 5,7% [Ibid.]. Среди наиболее острых проблем граждане Сенегала в 57,3% случаев называют неприятие со стороны местного населения, несмотря на то что данные опросов непосредственно местного населения такого неприятия не демонстрируют [Ikuspegi, 2015]. Среди сфер занятости сенегальцев преобладают металлургическая промышленность, строительство и сфера услуг [MESS, 2015].

Из выбранных четырех групп самой «старой» миграцией является миграция из *Марокко*: ее история начинается в 1990 г. Тем не менее социально-экономические показатели мигрантов из Марокко по-прежнему остаются не самыми лучшими: как и в случае выходцев из Сенегала, уровень безработицы среди марокканцев довольно высок (48,1%) [EPIE, 2014]. При этом уровень образования марокканцев по сравнению с сенегальцами несколько выше (29,2% не имеют образования, 29% имеют начальное образование, 27,3% — среднее, 4,9% — среднее специальное и 9,7% — высшее образование) [Ibid.], а доля населения, не имеющая разрешения на проживание, ниже: 20% [MESS, 2015]. Доля женщин среди марокканцев составляет 29,2% [Муниципальный реестр..., 2015]. Как и сенегальцы, марокканцы в основном арендуют жилье (79,3%: 63,1% — аренда целой квартиры и 16,2% — частичная аренда) — и только в 12,9% случаев имеют жилье в собственности [EPIE, 2014]. Марокканцы заняты в общественном питании и торговле, в строительстве и промышленности. Хотя неприятие со стороны местного населения является одной из наиболее упоминаемых проблем (о нем говорят 25,3% марокканцев), данный показатель существенно ниже, чем зарегистрированный среди граждан Боливии и Сенегала [Ibid.]. Тем не менее, по данным ежегодного опроса Ikuspegi, данная группа вызывает наименьшую симпатию со стороны местного населения, и эта тенденция сохраняется на протяжении последних 13 лет [Ikuspegi, 2015].

Следующая группа, граждане *Боливии*, массовая миграция которых началась в 2004 г., кардинально отличается от ранее упомянутых гендерным составом: 60% представителей данной группы составляют женщины [Муниципальный реестр..., 2015]. Доля боливийского населения, не имеющая разрешения на проживание, ниже, чем у вышеупомянутых групп (17%), а доля безработных составляет 31% [EPIE, 2014]. Боливийцы более образованные, чем сенегальцы и марокканцы: среди них 8,9% не имеют образования, 23% имеют начальное образование, 54,2% — среднее образование, 8,2% — среднее специальное и 5,7% — высшее образование [Ibid.]. Мигранты из Боливии редко владеют жильем (8,4%), чаще арендуют: 70,8% снимают отдельное жилье, 13,7% живут в совместно арендованном жилье [Ibid.]. Боливийцы — и мужчины, и женщины — чаще всего заняты в сфере услуг, а мужчины, кроме того, работают в строительстве. Уровень озабоченности неприятием со стороны коренного населения, так же как и в случае Сенегала, является высоким (42,3%) [Ibid.].

В сравнении с этими группами граждане *Китая*, которые стали приезжать в Испанию в 2000 г., занимают наилучшие экономические позиции: абсолютное большинство китайского населения в Бильбао имеет разрешение на пребывание и работу в стране (почти 100%) [MESS, 2015] и трудоустроены: уровень безработицы составляет всего 5,3% [Ibid.]. Основные сферы занятости — общественное питание (55% китайских мигрантов) и торговля (45%) [MESS, 2015]. Женщины составляют почти половину китайских мигрантов (48,3%) [Муниципальный реестр..., 2015]. Из рассматриваемых групп китайцы по уровню образования уступают только

5 Encuesta a Población Inmigrante Extranjera en la CAE en 2014 (EPIE 2014) — Опрос иностранных мигрантов в Стране Басков в 2014 г.: опрос иностранного населения, проводимый правительством Страны Басков каждые четыре года.

боливийцам: 15% не имеют образования, 37,5% имеют начальное образование, 35,5% — среднее, 4,9% — среднее специальное и 7,1% — высшее [EPIE, 2014]. Китайцы гораздо чаще остальных являются собственниками жилья (38,2%); 34% снимают жилье целиком и 11,5% — частично [Ibid.].

Таким образом, Испания за последний век превратилась из страны эмиграции в страну иммиграции вследствие интенсивного экономического роста в конце 1990-х годов и формирования на рынке труда ниш, нуждавшихся в иностранной рабочей силе. Тем не менее экономический кризис 2007–2008 гг. привел к падению притока иностранных потоков из-за рубежа. Страна Басков — регион Испании с одной из самых низких долей иностранного населения, что обусловлено спецификой рынка труда (преобладание промышленного сектора). Кроме того, миграция в данной автономной области возникла сравнительно позже, чем в других частях Испании. Уровень безработицы среди иностранного населения региона в 3 раза превышает зарегистрированный среди местных граждан.

Среди иностранного населения Бильбао, как и в целом в Испании, преобладают уроженцы Латинской Америки, однако их доля среди иностранных граждан неуклонно падает в связи с тем, что, с одной стороны, приток новых иностранцев из-за рубежа приостановился, а с другой стороны, граждане стран данного региона, имея упрощенный доступ к испанскому гражданству, перестают фигурировать в официальных данных иностранных граждан.

Описание данных

Для анализа городской пространственной сегрегации в Бильбао были взяты за основу официальные данные, собираемые мэрией города на ежегодной основе — Муниципальный реестр жителей. В реестре обязаны регистрироваться все жители муниципалитета, вне зависимости от гражданства и наличия разрешения на проживание и/или работу. Регистрация в реестре является условием для получения доступа к муниципальным сервисам: образованию, медицине, социальным службам и т.д. Это позволяет предполагать, что Муниципальный реестр жителей является наиболее полной базой данных, охватывающей практически все население города.

Данная база включает такую информацию, как возраст, пол, гражданство, место рождения, место предыдущей регистрации, а самое главное — место регистрации, что позволяет анализировать модели городского расселения по признаку гражданства и, таким образом, выявить возможные зоны гомогенного распределения иностранного населения на территории города. В качестве минимальной единицы измерения реестр использует переписную секцию. Всего в Муниципальный реестр жителей входит 281 переписная секция, которые сгруппированы в восемь округов. Число жителей в одной секции колеблется от 614 до 2431 человека.

В анализе используются данные за 2010 и 2015 гг., что позволяет сравнить ситуацию, при которой миграционные потоки в Бильбао достигали своего пика, с ситуацией оттока иностранного населения.

Жилищная сегрегация в Бильбао: результаты расчетов

В данном разделе с помощью индексов сегрегации в качестве основного инструмента анализа будет рассмотрена степень жилищной сегрегации различных групп населения, а также локализация данных групп в городском пространстве. В частности, будет предпринята попытка определить различия в распределении в городском пространстве коренного населения и мигрантов, а также установить, существуют ли различия между разными группами мигрантов. Кроме того, будет показано, следует ли Бильбао тенденции других городов Испании и юга Европы, где сегрегация идет на спад [Arbaci, 2008].

Для анализа будет использована комбинация Индекса диссимилиации (ID) и мер обособленности: Индекса взаимодействия (IN) и Индекса изоляции (AA). Эти три индекса выбраны по той причине, что для их анализа могут быть использованы переписные данные, не требующие информации с привязкой к географическим координатам. Однако перед тем как перейти к этим индексам, мы рассмотрим жилищную локализацию различных групп.

Коэффициент локализации

Расселение иностранных граждан в Бильбао, как видно из *рис. 6*, не является равномерным. Самая высокая доля иностранных жителей — в Ибайондо (Ibaiondo) и Рекальде (Rekalde) (11 и 10% соответственно). Эти зоны, соседствующие с центром города, считаются неблагополучными округами Бильбао, в которых в свое время в результате промышленной революции начала XX в. осели рабочие, приехавшие в Бильбао из других частей Испании. Позже, в 2000-х годах, именно в этих округах города и поселилась значительная часть иностранного населения, ввиду более низких цен на жилье и готовности арендодателей сдавать жилье иностранцам.

Река Нервьон (Nervión), протекающая через весь город, разделяет его на две части. На правом берегу находится исторический центр, или так называемый Старый город (Casco Viejo), соседствующий с плотнонаселенными рабочими кварталами, такими как, например, округ Сантучу (Santutxu). На левом берегу с одной стороны располагаются более «бедные» округа, такие как Ибайондо (Ibaiondo), Сан-Франциско (San Francisco), Сабала (Zabala) и Бильбао Ла Вьеха (Bilbao La Vieja), а с другой стороны находятся «богатые» округа, такие как Абандо (Abando), где расположены финансовый центр провинции и жилой округ Деусто (Deusto) с населением с высоким доходом. Несмотря на то, что Бильбао является сравнительно небольшим городом, в его планировке отражаются существующие классовые различия населения. Как будет показано далее, мигранты в зависимости от страны происхождения имеют доступ к аренде жилья только в определенных зонах города.

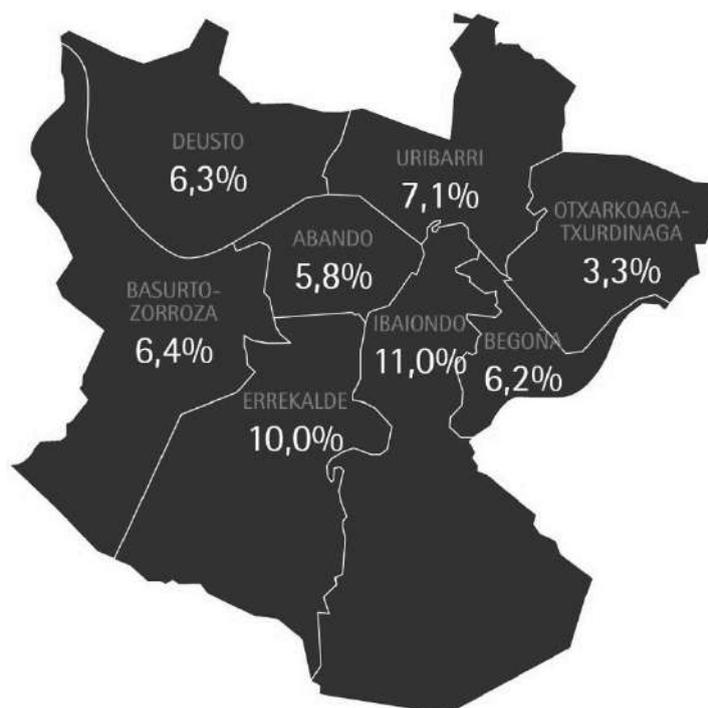

Рис. 6. Доля иностранных граждан в округах Бильбао, 2015 г., %

Источник: Муниципальный реестр населения Бильбао.

Доля иностранных граждан в разных переписных секциях города варьируется от 2,9 до 44,6%. Расчеты коэффициента локализации показывают, что в настоящий момент в Бильбао существуют зоны с высокой концентрацией иностранного населения, зоны со средними значениями и зоны с низкой концентрацией (*табл. 1*). Только в 4,6% переписных секций (13 секций) наблюдается перепредставленность мигрантов: их доля как минимум вдвое выше средней доли иностранного населения в городе (7,4%). В половине секций (49,1%) иностранное население недопредставлено, что еще раз указывает на асимметрию в расселении.

Таблица 1. Коэффициент локализации иностранного населения, Бильбао, 2015 г.

QL	Переписные секции	Доля от всех переписных секций, %	Доля иностранного населения, %
3–5	4	1,4	30–44,6
2–2,99	9	3,2	20,6–28,3
1,5–1,99	19	6,8	15–19
1,1–1,49	62	22,1	11,1–15
0,9–1,09	49	17,4	9–11
0,5–0,89	111	39,5	5–8,9
0,1–0,49	27	9,6	2,9–4,9

Источник: подготовлено авторами на основании данных Муниципального реестра жителей Бильбао.

Как видно из рис. 7, среди секций с коэффициентом локализации выше 3 — секции округа Ибайондо (Ibaiondo), который характеризуется дефицитом муниципальных услуг и низкой ценой на жилье [Fotocasa, 2016]. Противоположная ситуация наблюдается в пяти из восьми округов Бильбао, где показатели коэффициента локализации не превышают 0,49, т.е. доля иностранного населения ниже среднего по городу ($QL < 1$). В частности, выделяются секции округа Абандо (Abando) — одного из самых дорогих в городе, и Очаркоага-Чурдинага (Отхаркоага-Тхурдинага) — периферийного округа с низкой плотностью населения и отсутствием городского подземного транспорта (метро).

Рис. 7. Коэффициент локализации иностранных жителей Бильбао по переписным секциям, 2015 г.

Источник: подготовлено авторами на основании данных Муниципального реестра жителей Бильбао.

Таким образом, анализ коэффициента локализации иностранного населения в Бильбао указывает на его неравномерное распределение по городу: в 4,6% переписных секций доля иностранного населения вдвое превышает среднюю долю иностранцев, в то время как почти в половине секций иностранное население недопредставлено.

Жилищная сегрегация через призму индексов

Все три индекса — индекс диссимилиации, изоляции и взаимодействия — демонстрируют невысокие значения, что свидетельствует о низкой сегрегации иностранцев в Бильбао.

Индекс диссимилиации (ID) иностранного населения в Бильбао является относительно низким (на 2015 г. — 0,241)⁶. Этот индекс показывает, что для того, чтобы сравнить распределение коренных жителей и иностранных граждан, необходимо, чтобы 24,1% иностранных граждан переселились в другие переписные секции города. Этот показатель ниже, чем в других крупных городах Испании, таких как Барселона (ID = 0,260) [Bayona, López, 2011], Мадрид (ID = 0,280) [Echazarra, 2010], Сарагоса (ID = 0,300) и Мурсия (ID = 0,320) [Domínguez, Parreño, Díaz, 2010]. Тем не менее значения индекса диссимилиации в Бильбао варьируются в зависимости от гражданства мигрантов (табл. 2). При среднем значении 0,241 индекс диссимилиации (ID) для китайского населения составляет 0,563, для уроженцев Африки южнее Сахары — 0,459, а для выходцев из Магриба — 0,419. Совершенно иная ситуация наблюдается в случае граждан стран Латинской Америки, показатели которых практически равняются показателям местного населения (0,244).

Таблица 2. Индекс диссимилиации (ID) иностранных жителей в Бильбао, 2010 и 2015 гг.

	2010 г.		2015 г.	
	ID	Всего человек	ID	Всего человек
Иностранцы	0,246	28 385	0,241	24 837
Европейский союз-15	0,300	1 890	0,307	1 624
Европейский союз-28	0,408	2 351	0,367	2 326
Магриб	0,476	3 116	0,419	3 415
Остальные страны Африки	0,499	2 987	0,459	3 243
Латинская Америка	0,243	15 304	0,244	10 718
Китай	0,629	1 502	0,563	1 900
Остальные страны Азии	0,603	434	0,517	756

Источник: подготовлено авторами на основании данных Муниципального реестра жителей Бильбао.

По сравнению с 2010 г. незначительное снижение индекса диссимилиации для всего иностранного населения отмечается в 2015 г., вне зависимости от гражданства, за исключением граждан стран Латинской Америки, в случае которых индекс диссимилиации увеличился на 0,001. Данная тенденция отслеживается и по сравнению с более ранними данными по Бильбао: в 2008 г. индекс диссимилиации составлял 0,247 [Lavía, 2008]. Вместе с тем тенденция снижения индекса диссимилиации наблюдается и в большей части испанских городов, в отличие от остальных стран Европы [Bayona, López, 2011]. Данное явление положило начало многочисленным дискуссиям и гипотезам относительно существования отдельной модели жилищной сегрегации, характерной исключительно для стран юга Европы, в частности Испании, Италии, Португалии и Греции, что, по мнению некоторых экспертов, связано с урбанистической и жилищной политикой данных стран [Arbaci, 2008]. Речь идет о такой модели, в которой низкий уровень сегрегации сопровождается высоким уровнем дискриминации при поиске жилья, а также ухудшением характеристик того жилья, к которому имеет доступ иностранное население [Fullaondo, 2008]. При этой модели преобладает жилье в собственности, тогда как частная и социальная аренда жилья развиты слабо. Это указывает на отчетливое отличие Испании

6 Для некоторых авторов Индекс диссимилиации, равный или превышающий 0,60, говорит о высоком уровне сегрегации [Martori, 2004; Massey, 1985].

от других европейских городов, например голландских, с их большим рынком социальной аренды жилья.

Два других индекса также свидетельствуют о невысокой сегрегации. Низкий индекс изоляции (AA) (табл. 3) указывает на малую вероятность того, что два представителя меньшинства будут жить в одном районе. В свою очередь, индекс взаимодействия (IN) говорит об очень высокой вероятности соседства мигрантов и немигрантов.

При этом наблюдаются различия по странам гражданства. Наименьшая вероятность контактов с местным населением — у мигрантов из Китая и стран Африки южнее Сахары. Напротив, наибольшая вероятность таких контактов — у граждан Европейского союза (табл. 3).

Таблица 3. Индекс изоляции (AA) и индекс взаимодействия (IN) иностранных жителей в Бильбао, 2015 г.

	2015 г.		
	AA	IN	Всего человек
Иностранцы	0,032	0,890	24 837
Европейский союз-15	0,003	0,914	1 624
Европейский союз-28	0,006	0,909	2 326
Магриб	0,014	0,886	3 415
Остальные страны Африки	0,018	0,878	3 243
Латинская Америка	0,012	0,906	10 718
Китай	0,019	0,878	1 900
Остальные страны Азии	0,005	0,888	756

Источник: подготовлено авторами на основании данных Муниципального реестра жителей Бильбао.

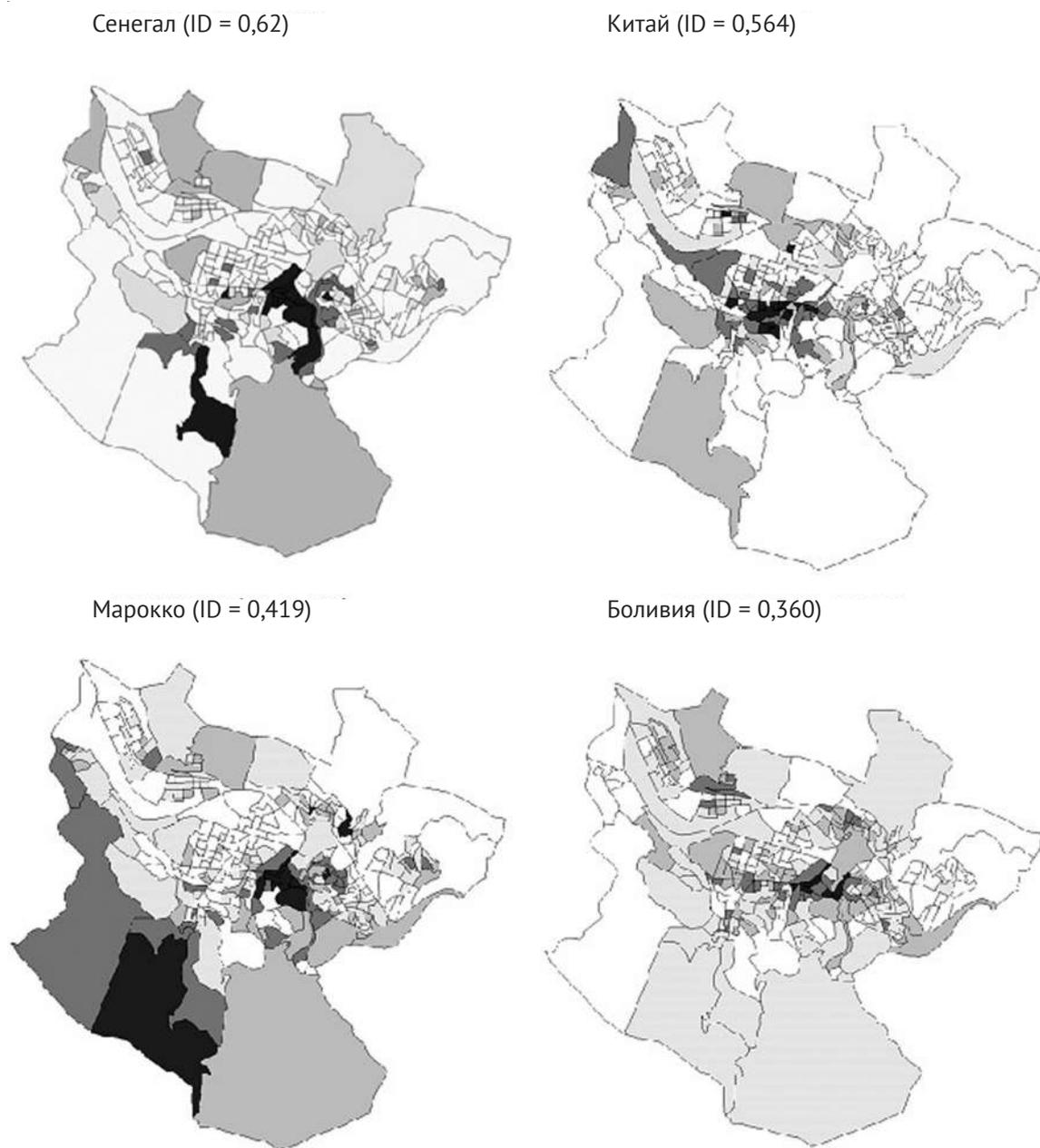
Анализ всех трех индексов позволяет увидеть следующее. Высокий индекс диссимилиации мигрантов из Китая и стран Африки южнее Сахары сопровождается довольно высоким индексом изоляции, что указывает на малую вероятность взаимодействия с местным населением. Обратная ситуация у граждан стран Европы и Латинской Америки, которые с большой вероятностью будут взаимодействовать с местным населением, о чем свидетельствуют низкий индекс диссимилиации и высокий индекс изоляции. Подобные значительные расхождения значений трех индексов для мигрантов из разных стран позволяют предположить, что в зависимости от гражданства модели расселения в Бильбао также будут различаться. Этим отличиям посвящена следующая часть, где приводятся расчеты индекса диссимилиации для четырех групп иностранцев.

Жилищная сегрегация четырех выбранных групп мигрантов Бильбао по странам гражданства

Четыре выбранные для анализа группы мигрантов — из Сенегала, Боливии, Китая и Марокко — по показателям индекса диссимилиации демонстрируют разные модели расселения.

Граждане *Сенегала* демонстрируют классический пример жилищной сегрегации: это группа с самым высоким индексом диссимилиации (0,602). Приблизительно в половине переписных секций Бильбао (48%) не обнаруживается ни одного человека с гражданством Сенегала, тогда как в районах проживания данной группы они перепредставлены.

На втором месте по уровню «сегрегированности» находятся *китайцы*: индекс диссимилиации этой группы также достаточно высок (0,564), из чего следует, что для уравнивания показателя пространственного распределения китайцев с коренным населением необходимо было бы переселить 56,4% китайского населения Бильбао в другие переписные секции города. Как следует из рис. 8, граждане Китая отсутствуют в 47% переписных секций города, а в тех, в которых они проживают, их концентрация выше среднего.

Рис. 8. Индекс диссимилиации и коэффициент локализации четырех основных групп иностранного населения Бильбао по странам гражданства

Источник: подготовлено авторами на основании данных Муниципального реестра жителей Бильбао.

Индекс диссимилиации *марокканцев* ниже, чем аналогичные показатели сенегальцев и китайцев (0,419). Они присутствуют в 83% секций города, но при этом значительная часть (35%) до сих пор проживает в так называемых входных воротах Бильбао: округ Ибайондо (Ibaiondo) и в особенности районы Сан-Франциско (San Francisco), Бильбао Ла Вьеха (Bilbao La Vieja) и Сабала (Zabala) являются традиционным местом первоначального поселения многих вновь прибывающих мигрантов. Выходцы из Марокко одними из первых начали приезжать в Бильбао, и их численность продолжает увеличиваться. Ситуация марокканцев в Бильбао во многом повторяет таковую в Барселоне: «Несмотря на то, что марокканцы являются одной из первых появившихся групп иностранцев в Барселоне, им до сих пор не удалось достичь модели рас-

селения, более или менее сходной с остальной частью населения Барселоны» [*Bayona, López, 2011, p. 394*].

Самый низкий из четырех анализируемых групп индекс диссимилиации наблюдается у выходцев из *Боливии* (0,360), тем не менее он превышает средний индекс диссимилиации выходцев из Латинской Америки (0,244). Кроме того, боливийцы проживают практически во всех прописных секциях, за исключением 11. Как видно из распределения коэффициента локализации, данная группа сконцентрирована в основном в округе Ибайондо (Ibaiondo), одном из самых бедных округов города.

Таким образом, индекс диссимилиации иностранного населения в Бильбао является сравнительно низким. Более того, в последние годы он снижается, и эта тенденция также наблюдается и в других испанских городах. Тем не менее значения индекса диссимилиации ощутимо различаются по странам происхождения мигрантов. Так, наивысшие показатели наблюдаются среди мигрантов из Китая, Африки южнее Сахары и Магриба, тогда как показатели граждан стран Европейского союза более низкие. Эти различия отражаются и в результатах индексов изоляции и взаимодействия, где мигранты из Китая и Африки южнее Сахары имеют наименьшую вероятность контакта с местным населением. Более детальный анализ иностранного населения выявил значимые различия с учетом страны гражданства: индекс диссимилиации граждан Боливии значительно превышает аналогичные показатели группы мигрантов из Латинской Америки в целом.

Дискуссия

В этом разделе мы обсудим результаты расчетов индексов сегрегации иностранного населения в Бильбао и предложим возможное объяснение полученных данных.

Как отмечалось в теоретической части, предыдущие исследования указывают на три основных фактора, приводящих к сегрегации. Одним из самых часто встречающихся и наиболее изученных является социально-экономическое неравенство между местным населением и иностранными мигрантами. Доступ иностранного населения к официальному рынку труда Бильбао затруднен, на что указывает высокий уровень безработицы и неофициальной занятости (без соответствующего рабочего контракта) данной группы населения. Кроме того, для иностранных мигрантов, ввиду их административной и социальной уязвимости, характерны нестабильные формы занятости с тяжелыми условиями труда и отсутствием перспектив. Все это обуславливает более низкие доходы и зачастую отсутствие экономических гарантий, требуемых со стороны риелторских агентств и собственников жилья. Как следствие, доступные варианты на рынке аренды в случае иностранных граждан сводятся к жилью худшего качества и на менее благоприятных условиях найма, а также к менее благоустроенным зонам. В контексте Бильбао округа Рекальде и Ибайондо выступают примерами таких зон. Этот фактор частично объясняет более низкие показатели сегрегации среди граждан Латинской Америки в целом, поскольку они характеризуются более высокими доходами и трудовой стабильностью.

Тем не менее уровень доходов не объясняет ситуацию граждан Китая. Как было показано выше, уровень трудоустройства китайцев превышает даже показатели местного населения, что теоретически должно было бы позволить данной группе иметь более широкий выбор мест жительства. Однако индекс диссимилиации граждан Китая является одним из самых высоких (второй после Сенегала), что, вероятно, связано с тенденцией к группированию с соотечественниками. При наличии значительных культурных различий (религия, язык, традиции и обычаи) определенная группа может проявить склонность к поселению в том районе, где она могла бы жить с носителями своей же культуры, приобретать «свои» товары и получать «свои» услуги. Таким образом, граждане Китая с экономическими возможностями выше среднего, но с языком, культурой и религией, сильно отличающимися от местного населения Бильбао, и низким уровнем субъективной интеграции⁷ [*Nieto, 2003; EPIE, 2014*], могут предпочитать селиться в районе, населенном соотечественниками. Это приводит к повышенной концентрации данной группы в определенных зонах города, что подтверждают результаты исследова-

7 Оценка уровня собственной интеграции в принимающее общество с точки зрения респондента. В опросе EPIE задается вопрос: «Как вы оцениваете уровень своей интеграции в принимающее общество?»

ний как в Стране Басков, так и в других частях Испании [Tébar, 2013; Fullaondo, 2008; Shershneva, 2015]. О предпочтении проживания рядом с соотечественниками можно также предположить при объяснении случаев мигрантов из Магриба и Африки южнее Сахары, для которых также характерна аналогичная китайцам культурная дистанция. В случае же с выходцами из Латинской Америки (со схожей с местным населением культурой, языком и религией), наблюдается низкий уровень сегрегации.

Интересна ситуация выходцев из Африки, которые, как было упомянуто выше, характеризуются значительными культурными (языковыми и религиозными) отличиями от местного населения и сталкиваются с трудностями доступа к рынку труда. Тем не менее уровень жилищной сегрегации марокканцев ниже показателей сенегальцев, что может быть объяснено дискриминацией на рынке жилья [Ikuspegi, 2015].

Данная форма дискриминации может основываться как на социально-экономической базе, так и на расовой или этнической. В первом случае дискриминация происходит вследствие существующих требований со стороны риелторских агентств и собственников жилья по предъявлению трудового контракта, что автоматически исключает возможность доступа к данному источнику поиска безработной части населения или тех, кто работает неофициально. Вторая форма дискриминации, по расовому или этническому признаку, заключается в отказе в аренде жилья иностранным гражданам или представителям этнических меньшинств, а также в существовании «двойных списков» доступного жилья для аренды: один для мигрантов (включающий в себя неблагоустроенное жилье в социально неблагополучных районах) и другой — для местного населения. Именно такая ситуация была обнаружена в недавнем исследовании SOS Racismo и CEAR: эта проблема затрагивает прежде всего выходцев из Африки южнее Сахары [SOS Racismo-CEAR, 2011]. Так, согласно Барометру отношения местного населения к мигрантам в Стране Басков за 2015 г. (Barómetro de actitudes y percepciones de la población autóctona en la CAPV), ежегодно выполняемому Обсерваторией миграции Ikuspegi, большая часть баскского населения предпочитает проживать в тех местах, где большинство жителей принадлежит к этническому «большинству»; согласно вышеуказанному Барометру, выходцы из Магриба, и в меньшей степени из Китая, вызывают наименьшую симпатию со стороны коренного населения, в то время как выходцы из Европейского союза и Латинской Америки — наибольшую [Ikuspegi, 2015], что может частично объяснить различия в индексе диссимилиации (ID). Следовательно, можно предположить, что сегрегация данной группы обусловлена не только особенностями их трудоустройства, но и дискриминацией на рынке жилья, сильно сужающей выбор районов расселения. Кроме того, более высокий уровень дохода граждан стран Европейского союза мог бы частично объяснить их низкую концентрацию.

Таким образом, можно заключить, что объяснение причин, ведущих к жилищной сегрегации, на которую указывают проанализированные индексы, не может быть одномерным и однозначным. Для более полной картины необходимо учитывать как экономический, культурный и дискриминационный фактор, так и жилищные предпочтения иностранцев. Также следует заметить, что для исследования жилищной сегрегации в любом контексте необходимо учитывать тот факт, что иностранцы в целом не являются однородной группой и потому не могут быть предметом исследования в совокупности, без учета возможных различий в соответствии со страной происхождения или гражданства. Как следствие, анализ различий среди мигрантов из разных стран позволяет воссоздать более объемную картину жилищной сегрегации.

Заключение

Миграция населения является, несомненно, одним из центральных вызовов современности, в том числе потому, что появление в городе иностранного населения зачастую сопровождается возникновением конфликтов и неприятием со стороны местного населения, занимавшего когда-то эти территории. Одним из аспектов этого вызова является городская пространственная сегрегация, актуальность изучения которой нарастает с увеличением числа мигрантов.

Детальная диагностика сегрегации имеет решающее значение, так как позволяет выявить социальные процессы и тенденции на начальной стадии и вовремя предпринять меры по предотвращению ухудшения ситуации. Таким образом, отсутствие анализа последних дан-

ных для такого города, как Бильбао, одного из самых крупных и густонаселенных на севере Испании, имеет особую значимость.

Проведенные расчеты показали, что на данном этапе в Бильбао нельзя говорить о выраженной сегрегации, однако продемонстрировали существенные различия среди групп иностранного населения разного происхождения. Так, среди групп с самыми высокими показателями сегрегации — мигранты из стран Африки и Китая, а самые низкие показатели были обнаружены среди мигрантов из Латинской Америки и Европы.

Среди выбранных четырех групп мигрантов — из Сенегала, Марокко, Боливии и Китая — самым высоким уровнем сегрегации характеризуются сенегальцы. Это может быть вызвано не только экономической нестабильностью представителей данной группы, но и дискриминацией на рынке жилья по экономическому и расовому признаку. Аналогично марокканцы, хотя и имеют более давнюю историю миграции в Испанию, отличаются высоким уровнем сегрегации, вызванной экономическими трудностями и дискриминацией. Напротив, сегрегация мигрантов из Китая объясняется не экономическими факторами, поскольку эта группа социально-экономически благополучна, а жилищными предпочтениями данной группы иностранцев и тенденцией к группированию в определенных зонах с высокой долей соотечественников. И наконец, в случае Боливии показатели сегрегации, превышающие средние по выходцам из Латинской Америки, связаны с экономическими факторами, так как боливийцы характеризуются высокой экономической нестабильностью. Тем не менее по сравнению с остальными проанализированными группами значения индекса диссимилиации граждан Боливии ниже, что объясняется наибольшим «привлечением» представителей данной группы местным населением, с одной стороны, и меньшей культурной и языковой дистанцией, с другой, и, как следствие, менее выраженной тенденцией к обособлению.

Источники

- Веб-сайт Евростата. Eurostat. Statistical Office of the European Communities. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 20.04.2017).
- Веб-сайт Министерства занятости и социального страхования [Ministerio de Empleo y Seguridad Social (MESS)]. Режим доступа: <http://www.empleo.gob.es/index.htm> (дата обращения: 20.04.2017).
- Веб-сайт Национального института статистики Испании [Instituto Nacional de Estadística de España (INE)]. Режим доступа: <http://www.ine.es> (дата обращения: 20.04.2017).
- Опрос иностранных мигрантов в Стране Басков в 2014 г. [Encuesta de la Población Inmigrante Extranjera en la CAPV (EPIE) en 2014].
- Adelman R.M. Neighborhood opportunities, race and class: The black middle class and residential segregation // *City & Community*. 2004. No. 3 (1). P. 43–63.
- Alerta Digital. Zapatero celebra haber legalizado a más de 700.000 extranjeros: “España es un país multicultural y multiétnico”. 2013 [Электронная газета]. Режим доступа: <http://www.alertadigital.com/2013/12/27/zapatero-celebra-haber-legalizado-a-mas-de-700-000-extranjeros-espana-es-un-pais-multicultural-y-multietnico/> (дата обращения: 12.03.2017).
- Andersen H.S. Selective moving behaviour in ethnic neighbourhoods: white flight, white avoidance, ethnic attraction or ethnic retention? // *Housing Studies*. 2017. No. 32. P. 296–318.
- Arbaci S. Hacia la construcción de un discurso sobre la inmigración en las ciudades del sur de Europa. La política urbanística y de vivienda como mecanismos estructurales de marginación étnica y residencial // *ACE: Architecture, City and Environment*. 2008. No. 8. P. 11–38.
- Bayona J. La segregación residencial de la población extranjera en Barcelona: ¿una *segregación* fragmentada? // *Revista electrónica de geografía y ciencias sociales: Scripta Nova*. 2007. Vol. XI. No. 235. Режим доступа: <http://www.ub.edu/geocrit/sn/sn-235.htm> (дата обращения: 01.05.2015).
- Bayona J., López A. Concentración, segregación y movilidad residencial de los extranjeros en Barcelona // *Documents d'anàlisi geogràfica*. 2011. No. 57 (3). P. 381–412.
- Clark W.A. Residential preferences and residential choices in a multi-ethnic context // *Demography*. 1992. No. 30. P. 451–466.
- Domínguez J., Parreño J., Días R. Inmigración y ciudad en España: integración versus segregación socio-territoriales // *Scripta nova*. 2010. Vol. XIV. No. 331 (50). Режим доступа: <http://www.ub.edu/geocrit/sn/sn-331/sn-331-50.htm> (дата обращения: 26.02.2017).

- Duncan O., Duncan B. Residential Distribution and Occupational stratification // *American Journal of Sociology*. 1955. No. 60. P. 493–503.
- Echazarra A. Segregación residencial de los extranjeros en el área metropolitana de Madrid. Un análisis cuantitativo // *Revista Internacional de Sociología*. 2010. No. 68. P. 165–197.
- Fotocasa. La vivienda en alquiler en el año 2016. Режим доступа: http://prensa.fotocasa.es/wp-content/uploads/2017/01/IA_alquiler-1.pdf (дата обращения: 14.01.2017).
- Fullaondo A. Inserción y lógica residencial de la inmigración extranjera en la ciudad. El caso de Barcelona, 2008: докторская диссертация.
- Galster G. Residential segregation in American cities, a contrary review // *Population Research and Policy Review*. 1988. No. 7. P. 93–132.
- Ikuspegi. Barómetro de actitudes y percepciones de la población autóctona en la CAPV. Bilbao: Servicio Editorial de la UPV/EHU, 2015.
- Lavía C. Inmigración extranjera en Bilbao: una aproximación a la medida de la segregación residencial // *Zerbitzuan*. 2008. No. 45. P. 83–98.
- Martori J.C., Hoberg K. Indicadores cuantitativos de segregación residencial. El caso de la población inmigrante en Barcelona. *Geo Crítica // Scripta Nova. Revista electrónica de geografía y ciencias sociales*. 2004. Vol. VIII. No. 169. Режим доступа: <http://www.ub.es/geocrit/sn/sn-169.htm> (дата обращения: 27.02.2017).
- Massey D.S. Ethnic residential segregation: a theoretical synthesis and empirical review // *Sociology and Social Research*. 1985. Vol. 69. P. 315–350.
- Massey D.S., Denton N. The dimensions of Residential Segregations // *Social Forces*. 1988. No. 67. P. 281–315.
- Massey D.S., Denton N. *American apartheid*. Cambridge: Harvard University Press, 1993.
- McKenzie R.D. The Ecological Approach to the Study of Human Communities // *The City / R.E. Park, E.W. Burgess, R.D. McKenzie (eds.)*. Chicago: University of Chicago Press, 1924.
- Nieto G. La inmigración china en España. Definiciones y actuaciones sobre integración social // *CIDOB d'Afers Internacionals*. 2003. No. 63. P. 167–189.
- Peach C. Does Britain has ghettos? // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1996. No. 21. P. 216–235.
- Schelling T. Dynamic models of segregation // *Journal of Mathematical Sociology*. 1971. Vol. 1. P. 143–186.
- Shershneva J. Actitudes intergrupales de la población extranjera en la CAPV, 2015: докторская диссертация.
- SOS Racismo-CEAR. *Testing Inmobiliarias 2011*. Режим доступа: <http://ceareuskadi.files.wordpress.com/2011/12/testingdef.pdf> (дата обращения: 20.08.2015).
- Tébar J. Patrones espaciales de las diáspora china en el mundo, España y Madrid // *Historia Actual Online*. 2013. No. 30. P. 89–103.

IRAIDE FERNÁNDEZ ARAGÓN, FARID KHOGYANI BASSINA,
JULIA SHERSHNEVA

RESIDENTIAL SEGREGATION OF THE FOREIGN POPULATION: THE CASE OF BILBAO

References

- Adelman R.M. (2004) Neighborhood opportunities, race and class: The black middle class and residential segregation, *City & Community*, no 3 (1), pp. 43–63.
- Alerta Digital. Zapatero celebra haber legalizado a más de 700.000 extranjeros: “España es un país multi-cultural y multiétnico”, 2013 [Online journal]. Available at: <http://www.alertadigital.com/2013/12/27/zapatero-celebra-haber-legalizado-a-mas-de-700-000-extranjeros-espana-es-un-pais-multicultural-y-multi-etnico/>. (accessed: 12.03.2017)
- Andersen H.S. Selective moving behaviour in ethnic neighbourhoods: white flight, white avoidance, ethnic attraction or ethnic retention? *Housing Studies*, 2017, no 32, pp. 296–318.
- Arbaci S. Hacia la construcción de un discurso sobre la inmigración en las ciudades del sur de Europa. La política urbanística y de vivienda como mecanismos estructurales de marginación étnica y residencial. *ACE: Architecture, City and Environment*, 2008, no 8, pp. 11–38.
- Bayona J. La segregación residencial de la población extranjera en Barcelona: ¿una segregación fragmentada? // *Revista electrónica de geografía y ciencias sociales: Scripta Nova*, 2007, vol. XI, no 235. Available at: <http://www.ub.edu/geocrit/sn/sn-235.htm>. (accessed: 01.05.2015)
- Bayona J., López A. Concentración, segregación y movilidad residencial de los extranjeros en Barcelona. *Documents d'anàlisi geogràfica*, 2011, no 57 (3), pp. 381–412.
- Clark W.A. Residential preferences and residential choices in a multi-ethnic context. *Demography*, 1992, no 30, pp. 451–466.
- Domínguez J., Parreño J., Días R. Inmigración y ciudad en España: integración versus segregación socio-territoriales. *Scripta nova*, 2010, vol. XIV, no 331 (50). Available at: <http://www.ub.edu/geocrit/sn/sn-331/sn-331-50.htm>. (accessed: 26/02/2017)
- Duncan O., Duncan B. Residential Distribution and Occupational stratification. *American Journal of Sociology*, 1955, no 60, pp. 493–503.

Iraide Fernández Aragón, PhD Candidate, Master in Globalization and Development (University of the Basque Country, Spain) and Master in Applied Social Research and Data Analysis (Centre for Sociological Research, Spain), BA in Sociology (University of the Basque Country, Spain), Department of Sociology and Social Work, University of the Basque Country, Spain
E-mail: iraide.fernandez@ehu.eus

Farid Khogyani Bassina, Researcher, PhD in Public International Law and International Relations (University of the Basque Country, Spain), Master in International Studies (University of the Basque Country, Spain), Degree in Law (University of La Laguna, Tenerife, Spain), BA International Public Law (Moscow State University of International Relations (MGIMO), Russia), Department of Public International Law, International Relations and the History of Law (University of the Basque Country, Spain)
E-mail: khogyani001@gmail.com

Julia Shershneva, Professor of Sociology, PhD in Sociology (University of the Basque Country, Spain), Master in Migrations: Knowledge and Management of Immigration Processes (University of the Basque Country, Spain) and Master in Models and Areas of Research in Social Sciences (University of the Basque Country, Spain), BA in Economics (Volgograd State Technical University, Russia), Department of Sociology and Social Work, University of the Basque Country, Spain
E-mail: yulia.shershneva@ehu.eus

Abstract

If we talk about the great social transformations of the 21st century, we must mention in an inescapable way the international migratory flows. Bilbao (Spain), as well as other cities in the world, also participates in the global dynamics that are gradually forming a new city. In fact, its large size (the largest in northern Spain) as well as its migratory diversity makes Bilbao a very interesting case of study in the field of urban sociology. The main aim of this article is to measure and analyse the settlement tendencies of foreign citizens in the urban space through segregation indexes, paying special attention to the citizens of Bolivia, Senegal, Morocco and China. The results for Bilbao show, that citizens of China and Senegal are most subject to the segregation, whereas Latin American origin people have lower indexes of segregation. The possible reasons of those differences are economic vulnerability, as in the case of migrants from Senegal, Morocco and Bolivia, and housing preferences as in the case of China citizens. Discrimination in the property rental market also is an important factor that affects uneven settlement of the foreigners in the urban space.

Key words: residential segregation; immigration; Spain; segregation index; Bilbao

- Echazarra A. Segregación residencial de los extranjeros en el área metropolitana de Madrid. Un análisis cuantitativo. *Revista Internacional de Sociología*, 2010, no 68, pp. 165–197.
- Encuesta de la Población Inmigrante Extranjera en la CAPV (EPIE) en 2014.
- Eurostat. Statistical Office of the European Communities. Available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>. (accessed: 01.02.2017)
- Fotocasa. La vivienda en alquiler en el año 2016. Available at: http://prensa.fotocasa.es/wp-content/uploads/2017/01/IA_alquiler-1.pdf. (accessed: 14/01/2017)
- Fullaondo A. Inserción y lógica residencial de la inmigración extranjera en la ciudad. El caso de Barcelona, 2008: PhD Thesis.
- Galster G. Residential segregation in American cities, a contrary review. *Population Research and Policy Review*, 1988, no 7, pp. 93–132.
- Ikuspegi. Barómetro de actitudes y percepciones de la población autóctona en la CAPV. Bilbao: Servicio Editorial de la UPV/EHU, 2015.
- Instituto Nacional de Estadística de España (INE). Available at: <http://www.ine.es>. (accessed: 01.02.2017)
- Lavía C. Inmigración extranjera en Bilbao: una aproximación a la medida de la segregación residencial. *Zerbitzuan*, 2008, no 45, pp. 83–98.
- Martori J.C., Hoberg K. Indicadores cuantitativos de segregación residencial. El caso de la población inmigrante en Barcelona. *Geo Crítica. Scripta Nova. Revista electrónica de geografía y ciencias sociales*, 2004, vol. VIII, no 169. Available at: <http://www.ub.es/geocrit/sn/sn-169.htm>. (accessed: 27.02.2017)
- Massey D.S. Ethinc residential segregation: a theoretical syntesis and empirical review. *Sociology and Social Research*, 1985, vol. 69, pp. 315–350.
- Massey D.S., Denton N. The dimensions of Residential Segregations. *Social Forces*, 1988, no 67, pp. 281–315.
- Massey D.S., Denton N. *American apartheid*. Cambridge: Harvard University Press, 1993.
- McKenzie R.D. The Ecological Approach to the Study of Human Communities. *The City* / R.E. Park, E.W. Burgess, R.D. McKenzie (eds). Chicago: University of Chicago Press, 1924.
- Ministerio de Empleo y Seguridad Social (MESS). Available at: <http://www.empleo.gob.es/index.htm>. (accessed: 01.02.2017)
- Nieto G. La inmigración china en España. Definiciones y actuaciones sobre integración social. *CIDOB d'Afers Internacionals*, 2003, no 63, pp. 167–189.
- Peach C. Does Britain has ghetthos? *Transactions of the Institute of British Geographers*, 1996, no 21, pp. 216–235.
- Schelling T. Dynamic models of segregation. *Journal of Mathematical Sociology*, 1971, vol. 1. pp. 143–186.
- Shershneva J. Actitudes intergrupales de la población extranjera en la CAPV, 2015: PhD Thesis.
- SOS Racismo-CEAR. Testing Inmobiliarias 2011. Available at: <http://ceareuskadi.files.wordpress.com/2011/12/testingdef.pdf>. (accessed: 20/08/2015)
- Tébar J. Patronos espaciales de las diáspora china en el mundo, España y Madrid. *Historia Actual Online*, 2013, no 30, pp. 89–103.

Р.Н. АКИФЬЕВА

ПРАКТИКИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ ЖЕНЩИНАМИ В МАДРИДЕ:

ВЛИЯНИЕ РАЙОНА ПРОЖИВАНИЯ И МИГРАЦИОННОЙ СПЕЦИФИКИ¹

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 85-102
<https://doi.org/10.17323/usp21201785-102>

Акифьева Раиса Николаевна, старший преподаватель департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2, каб. 217
 E-mail: akifieva@mail.ru, akifieva@hse.ru

В статье представлены результаты исследования практик воспитания детей русскоязычными женщинами-мигрантками, проживающими в Мадриде, которые проявляются в организации повседневной жизни ребенка, в выборе образовательных и досуговых программ и площадок. Целью исследования является изучение влияния района проживания и миграционной специфики семей на практики воспитания детей. Эмпирическую базу составляют интервью с русскоязычными родителями, педагогами и организаторами русскоязычных структурированных форм активности для детей, а также дневники наблюдений, проведенных в ходе посещения данных программ, встреч и прогулок с родителями и детьми. Результаты исследования демонстрируют, что институциональные ресурсы района могут определять разнообразие и выбор структурированных форм активности, в которые оказываются вовлечены дети. Родители используют ряд стратегий, чтобы преодолеть ограниченность востребованных ресурсов и неблагоприятные условия проживания. Миграционная специфика семей, проявляемая в таких особенностях, как уровень владения языком страны рецепции, представления о важности передачи родного языка ребенку, ориентированность на русскоязычное сообщество, опосредует влияние района на практики воспитания.

Ключевые слова: практики воспитания; русскоязычные мигранты; структурированная активность; неравенство; влияние района проживания

Введение²

Важную роль в дискуссиях относительно природы практик воспитания играет место проживания семей, закладывающее в той или иной степени структуру их возможностей [Bennett, Lutz, Jayaram, 2012; Furstenberg et al., 1999; Zhou, Bankston III, 1994]. Как различные особенности района проживания и их восприятие родителями могут оказывать влияние

- 1 Данная статья подготовлена в рамках проекта “Child-rearing practices of Russian-speaking women in Spain in the course of life”, реализуемого при финансовой поддержке Центра изучения Германии и Европы (СПбГУ – Университет Билефельда).
- 2 Я выражаю огромную благодарность Елене Тыкановой (СИ РАН, Санкт-Петербург) за возможность обсудить с ней результаты данного исследования на протяжении всего периода работы над статьей, за советы, комментарии и идеи. Я также благодарю анонимных рецензентов за проделанную работу, позволившую мне внести в текст важные изменения. Я очень признательна всем, кто согласился принять участие в данном исследовании, а также тем, кто оказывал содействие в поиске новых людей, знакомил меня с ними и приглашал на встречи. В сборе данных мне очень помогли организаторы и педагоги русскоязычных программ, а также представители православной церкви в Мадриде.

на практики воспитания, так и характеристики семей могут модифицировать это влияние, ограничивая его или ему способствуя [Leventhal, Brooks-Gunn, 2000].

Во многих исследованиях, которые фокусируются на мигрантах или этнических меньшинствах и учитывают прямые или косвенные аспекты взаимосвязи района и практик воспитания, изучаются семьи, которые проживают в непосредственной близости друг от друга или образуют сообщества [Bennett, Lutz, Jayaram, 2012; Jackson, Butler, 2015; Zhou, Bankston III, 1994; Witten et al., 2009]. Между тем влияние района опосредуется миграционной спецификой семей, выраженной не только в особенностях соседских сообществ как носителей определенных культурных норм, установок, ценностей, но и в уровне владения языком рецепции, в опыте переезда, который может существенно менять круг общения, влиять на трудоустройство (занятость, выбор профессии) и т.д. В этом контексте мигранты, которые расселены в населенном пункте дисперсно, представляют собой особый малоизученный исследовательский случай, который позволяет изучить практики воспитания семей, не включенных в плотные миграционные или этнические сети на уровне района проживания.

В данной статье представлены результаты пилотажного исследования влияния реальных или воспринимаемых особенностей района проживания и миграционной специфики семей на практики воспитания детей русскоязычными женщинами в Мадриде. Таким образом, изучается, с одной стороны, то, как район может оказывать влияние на семьи, а с другой стороны — как семьи модифицируют это влияние, например, используя различные стратегии поиска дополнительных ресурсов за пределами районов, формируя дружеские сети и другие.

Основное внимание уделяется включению детей в организованные/структурированные формы активности как одному из важных показателей подходов к воспитанию [Lareau, 2002; 2003; 2011]. Под данными формами активности понимаются любые занятия, такие как занятия музыкой, танцами, другими видами искусства, командными (футбол и т.п.) и некомандными (карате и т.п.) видами спорта, связанные с религией и любые другие виды деятельности, требующие формального зачисления [Weininger, Lareau, 2009]. Также в фокус внимания попадают причины, определяющие выбор школы и детского сада, так как многие структурированные занятия дети посещают на их базе.

Теоретический обзор

Изучение практик воспитания осуществляется с разных теоретических позиций и перспектив. С одной стороны, существует дискуссия о концептуализации и операционализации практик, стилей, стратегий воспитания, об их разнообразии и последствиях для развития ребенка и его жизненных шансов [Baumrind, 1967; 1971; Darling, Steinberg, 1993; Lareau, 2003; 2011; Spera, 2005]. С другой стороны, исследователи обсуждают причины существующего разнообразия практик, стилей, подходов к воспитанию в терминах класса [Lareau, 2003; 2011; Weininger, Lareau, 2009], этнических и национальных особенностей [Kremer-Sadlik, Fatigante, 2015; Kremer-Sadlik, Izquierdo, Fatigante, 2010; Lee, Kao, 2009], структурных ограничений [Bennett, Lutz, Jayaram, 2012; Chin, Phillips, 2004] и др.

А. Ларо в своих работах, основываясь на этнографических данных, показывает, что социальный класс определяет подходы к воспитанию детей [Lareau, 2002; 2003; 2011]. В семьях среднего класса родители реализуют подход «организованное развитие» (concerted cultivation), а родители из бедных семей и рабочего класса — «естественное развитие» (accomplishment of natural growth). Основные различия в подходах к воспитанию лежат в характеристиках социального взаимодействия родителей и детей, в том, как родители организуют повседневную жизнь ребенка, как и о чем с ним разговаривают, как взаимодействуют с институтами. Ключевыми особенностями подходов являются способы общения с ребенком и организация его повседневной жизни: родители в семьях среднего класса вовлекают детей в многочисленные организованные формы активности (например, кружки и секции), используют меньше директивных указаний и больше аргументируют и объясняют свои действия по сравнению с родителями из бедных семей и рабочего класса. Дети последних посещают меньшее количество организованных занятий и имеют больше свободного времени, которое они могут организовывать по своему усмотрению, без участия взрослых.

Отличия в реализуемых подходах проявляются не только в специфических практиках взаимодействия, организации, говорения и т.п., но и в установках и убеждениях родителей относительно своей роли в жизни ребенка, в их мотивации, которая лежит в основе включения детей в разные формы активности. Например, вовлекая детей в организованные формы активности, родители из семей среднего класса будут иметь целью развитие различных талантов и способностей своих детей, тогда как родители из бедных семей и рабочего класса скорее будут преследовать иные цели, такие, например, как обеспечение безопасного времяпрепровождения ребенка. Ларо методологически опирается на работы П. Бурдьё [Бурдьё, Пассрон, 2007; Bourdieu, 1984], и один из важных выводов, который она делает, заключается в том, что дети, социализируясь в разных жизненных условиях, приобретают разные навыки и развивают разные когнитивные особенности. В исследованиях российских семей также обнаруживается взаимосвязь между социальным классом и практиками воспитания или образовательными притязаниями, которая объясняется культурными факторами [Зеликова, 2014; Шпаковская, 2015].

С тезисом об укорененности классового воспроизводства в культурных логиках (cultural logics) семей не согласны исследователи, которые объясняют различия в практиках воспитания с других методологических позиций. Помещая исследование Ларо в контекст дискуссии о важности различия «культуры» (ценности, убеждения, установки родителей) и «структуры» (существующий у них доступ к различным ресурсам) для понимания механизмов социального неравенства, они противопоставляют ее основным выводам результаты исследований, свидетельствующие в пользу структурных объяснений существующего разнообразия в практиках воспитания [Bennett, Lutz, Jayaram, 2012; Chin, Phillips, 2004]. Например, Беннетт и коллеги развивают экологическую перспективу для объяснения различий в количестве секций, кружков и других организованных форм активности, которые посещают дети из семей рабочего и среднего классов. Семьи рабочего класса в их исследовании проживают в качественно иных локальностях и посещают качественно иные школы. Именно эти контекстуальные условия, а не культурные установки родителей, определяют по большей части количество и специфику форм активности, в которые дети оказываются вовлечены.

Данные результаты отсылают к исследованиям «влияния района проживания» (neighbourhood effects), которые показывают, что особенности соседства, среды обитания, окружения, в котором проживает человек, оказывают большее влияние на его жизненные шансы, чем его индивидуальные характеристики [Ham van et al., 2012]. Однако эти исследования не всегда справляются с проблемой «смещения отбора» (selection bias), связанной с отсутствием учета механизмов, определяющих место проживания человека [Slater, 2013; Small, Feldman, 2012]. Жизненные шансы индивидов могут лежать в основе выбора ими места жительства, а не наоборот. Район с высокой концентрацией мигрантов может привлекать в качестве места проживания других мигрантов, к примеру, не спецификой этнического сервиса, а стоимостью жилья и арендной платой [Hedman, Ham van, 2012].

Между тем интерес к изучению влияния места жительства на поведение людей остается значительным. Среди механизмов, обуславливающих это влияние, выделяют социально-интерактивные (например, среда социализации, социальные сети, сплоченность и контроль), средовые (например, физическое состояние окрестностей, уровень шума), географические (например, качество коммунальных услуг) и институциональные (например, состав и объем локальных институциональных ресурсов, таких как школы и площадки досуга) [Galster, 2012]. Большое количество исследований практик воспитания также фиксируют их взаимосвязь с условиями проживания семей и с тем, как они воспринимаются или изучают различные механизмы влияния среды на поведение родителей [Byrnes, Miller, 2012; Furstenberg et al., 1999; Klebanov, Brooks-Gunn, Duncan, 1994; Witten et al., 2009].

В миграционных исследованиях описываются особенности практик воспитания родителей-мигрантов [Modood, 2004; Nauck, Lotter, 2015; Shah, Dwyer, Modood, 2010]. Дети, которые включены в мигрантское сообщество, могут обладать доступом к социальному капиталу [Коулман, 2001] сообщества, т.е. они усваивают различные позитивные культурные образцы (такие, например, как «стремления» и установки на жизненные достижения) и сталкиваются с нормированным принуждением со стороны родителей и членов сообщества (родители контролируют выполнение домашних заданий или запрещают общаться с неблагополучными, на их взгляд, детьми) [Zhou, Bankston III, 1994]. Это позволяет детям быть изолированными от неблагоприятных

гоприятного социального окружения, связанного с их местом проживания. Здесь наблюдаются как пересечения с некоторыми идеями, описанными выше, так и другой взгляд на процессы. С одной стороны, сети и ресурсы мигрантских сообществ образуют те контекстуальные условия, которые можно отнести к социально-интерактивным механизмам влияния среды, если пользоваться классификацией, приведенной выше. С другой стороны, описанные механизмы включают воспроизводство определенной системы установок и убеждений, но не на уровне класса, а на уровне этнического сообщества.

Т. Левенталь и Ж. Брукс-Ганн предложили методологическую схему для изучения влияния района проживания на детей и подростков, которая позволяет учитывать процессы как на уровне района и сообществ, так и на семейном и индивидуальном уровнях, а также принять во внимание накопленный опыт разных исследовательских традиций [Leventhal, Brooks-Gunn, 2000]. В своем обзорном исследовании они выделили три основных механизма, посредством которых осуществляется влияние: институциональные ресурсы (institutional resources), взаимоотношения (relationships), нормы / коллективная эффективность (norms / collective efficacy).

Учитывая механизм «институциональные ресурсы», исследователи фокусируются на существующих в районе обучающих формах активности (например, музеи, библиотеки, обучающие центры), социальных и развлекательных формах активности (например, парки, кружки, секции), а также школах и их характеристиках. Район проживания через доступность, качество и количество разнообразных программ и площадок может оказывать влияние на развитие детей, а также на практики воспитания. Родители, проживающие в районах с небольшим количеством ресурсов, могут использовать стратегии поиска дополнительных ресурсов за пределами своего района.

Непрямое влияние района на развитие детей осуществляется через механизм «взаимоотношения», который определяет способы воздействия района на характеристики и поведение родителей, формирование и наличие сетей поддержки и особенностей домашней среды, что в свою очередь воздействует на детей и подростков. Исследования, изучающие данные способы влияния, показывают, как такие характеристики стилей воспитания, как контроль за детьми и отзывчивость по отношению к ребенку, могут проявляться в качестве реакции на условия проживания или, напротив, оказывать влияние на то, как ребенок будет включен в жизнь района.

«Нормы и коллективная эффективность» являются механизмами контроля, существующими на уровне локальных сообществ. Речь идет о количестве социальных связей в районе, степени, в которой жители района контролируют поведение других с точки зрения социальной приемлемости их поведения, с целью поддержания социального порядка, присмотра за детьми. Другими словами, учитывается неформальный социальный контроль и социальная сплоченность, в частности, чтобы изучить возможности района через формальные и неформальные институты осуществлять мониторинг за активностью детей.

Семьи с миграционной историей и представители этнических сообществ могут различаться уровнем владения языком страны рецепции, иметь отличную от местных жителей композицию социальных сетей, могут быть ориентированы на этническое и мигрантское сообщество и иметь другие особенности [Rodríguez-García, 2015; Zhou, Bankston III, 1994; Witten et al., 2009], обуславливающие влияние района на практики воспитания. Например, мигранты могут быть включенными в мигрантские сообщества, изолированные от других локальных соседских сообществ [Zhou, Bankston III, 1994]. Круг общения родителей может определяться членством в этнической группе, границы которой простираются поверх локальных границ и формируются посредством посещения церкви и клубов для родителей [Witten et al., 2009].

В данном исследовании изучается, как миграционная специфика семей модифицирует влияние района на практики воспитания. На основе методологической схемы Левенталь и Брукс-Ганн анализируются:

1) Нормы и коллективная эффективность: насколько эти механизмы являются актуальными для практик воспитания семей мигрантов, проживающих в разных районах Мадрида?

2) Институциональные ресурсы: какие институциональные ресурсы района востребованы родителями? как они объясняют их выбор, чем, на их взгляд, он определяется? можно ли говорить, что выбор сопряжен с миграционной спецификой семей, например, с их ориентацией на институциональные ресурсы сообщества мигрантов? какие стратегии родители используют, чтобы восполнить недостаток ресурсов или их приумножить?

Механизм «взаимоотношения» в данном исследовании не рассматривался, так как его учет требует проведения сравнительного исследования семей мигрантов и местных. В частности, сравнение необходимо, чтобы проанализировать, являются ли типичными именно для семей мигрантов определенные формы контроля за ребенком или условия обучения, созданные дома.

В предыдущем исследовании я не обнаружила различий на уровне культурных логик, свойственных родителям среднего и рабочего класса в отношении выбора программ дополнительного образования, хотя структурные ограничения, с которыми сталкиваются семьи с недостатком экономических ресурсов и социального капитала, могут определять их выбор структурированных форм активности для детей [Akifyeva, 2016]. В этом исследовании я, напротив, фокусируюсь на миграционной специфике семей, а не на классовой, но особенности, связанные с классовыми позициями семей, будут оговариваться отдельно.

Методы и данные

Полевые работы были проведены в Мадриде в июле — августе 2015 г. и включали сбор интервью (всего 32 интервью) с русскоязычными родителями (из них четыре интервью были взяты у русскоязычных отцов), интервью с педагогами или организаторами русскоязычных структурированных программ для детей (четыре интервью, двое из педагогов-организаторов занятий также имели детей, посещающих программы). Многие информанты были членами групп для русскоязычных родителей, созданных в социальных сетях, а дети большинства респондентов посещали некоторые структурированные формы активности, включая русскоязычные занятия для детей (24 интервью). Большинство респондентов можно отнести к трем группам родителей, которые посещали одну из трех площадок: сообщество родителей, занятия на базе церкви, занятия на базе неформального центра для русскоязычных детей. Многие из них имели опыт взаимодействия с другими русскоязычными площадками для детей в Мадриде.

Кроме интервью, я побывала в гостях у четырех респондентов, присутствовала на встрече, организованной для сообщества родителей Мадрида, посещала программы для русскоязычных детей, а также проводила время на улице с родителями и их детьми (всего семь наблюдений). В ходе этих визитов и прогулок я обращала внимание на взаимодействие женщин с детьми, на характеристики микрорайона, на язык, который используют дети при разговоре, а также брала интервью. Все интервью, встречи и беседы проводились на русском языке.

Русскоязычные мигранты данного исследования являются гетерогенными с точки зрения опыта и целей миграции. Респондентов условно можно разделить на две группы. Первая представлена трудовыми мигрантами, переезд которых сопряжен с поиском или предложениями работы, а также мигрантами с большим объемом экономического капитала, которые выбрали Испанию как комфортное место проживания с точки зрения климатических и социальных условий. Вторую группу можно охарактеризовать как транснациональных брачных мигрантов [Rodriguez-Garcia, 2015], которые осуществили переезд с целью создания семьи с гражданином страны рецепции. Были случаи, когда респонденты переезжали в Испанию с временными целями, но оставались после замужества. Семьи мигрантов, таким образом, представлены эндогамными и экзогамными союзами, а в двух случаях были неполными.

Для операционализации социального класса использовался подход, который принимает во внимание профессию родителей (см., например, [Stuber, 2009]). Оба родителя, отнесенные к рабочему классу, в течение всего профессионального опыта (до и после миграции) имели работу, требующую низкого уровня квалификации, не имеющую руководящих обязанностей, часто в сфере обслуживания или предполагающую ручной труд. Профессия родителей в семьях среднего класса требует обладания квалификацией высокого уровня, обычно в рамках области менеджериальной или профессиональной сферы высокоспециализированного рода деятельности в момент интервью или, в случае с женщинами, перед опытом миграции или рождением ребенка. В общей сложности пять семей были отнесены к рабочему классу, а оставшиеся — к среднему классу. Все мигранты были постоянными в том смысле, что не планировали вернуться в страну происхождения на момент интервью. Однако официальный статус респондентов сильно отличался. Например, переезд двух женщин был обусловлен переездом их мужей,

сопряженным с предложением работы в Мадриде, и на момент интервью они имели статус, требующий продления.

В ходе интервью родители описывали все программы, в которых участвуют их дети, а также типичный будний и выходной день, рассказывали об использовании языка в семье, о том, как происходил выбор образовательных учреждений для детей, о роли отца и матери в воспитании детей, о миграционных планах и включенности в русскоязычное сообщество. Педагоги отвечали на вопросы о том, видят ли они различия в практиках воспитания между родителями, которые посещают их курсы, и в чем они, по их мнению, выражаются.

Данные интервью были закодированы в группы и в подгруппы, основанные на выделенных установках родителей в отношении организации повседневной жизни ребенка, характеристиках района проживания, практиках и контекстах воспитания. Особое внимание уделялось: 1) способам включения детей в различные формы активности и разнообразию видов активности, а также тому, на каких базах они реализуются; 2) убеждениям родителей об оптимальной организации повседневной жизни детей, причинам, которые назывались в качестве важных при выборе тех или иных форм; 3) характеристикам района проживания, причинам его выбора; 4) материальным ресурсам семьи. Затем устанавливалась связь между выделенными на первом этапе категориями и субкатегориями.

Результаты исследования

Специфика расселения и характеристики сообществ

Исследования, которые фокусируются на изучении специфических культурных особенностей мигрантов для объяснения образовательных траекторий детей [Shah, Dwyer, Modood, 2010; Zhou, Bankston III, 1994], как было показано выше, уделяют большое внимание роли сообщества в этих процессах. Сообщество, в классическом понимании, — не просто собрание людей, это собрание институтов, таких как домашнее хозяйство, места собраний, предприятия, церкви, школы, дворы и др. [Парк, 2002]. В этом смысле можно говорить, что в Мадриде сообщество русскоязычных мигрантов слабо институционализировано. В качестве основных структурообразующих институтов малочисленных русскоязычных групп выступают различные досуговые программы для детей, церковь, а также группы, организованные на базе социальных сетей («Фейсбук» и «Вконтакте»). В большинстве случаев сообщества обладают слабыми связями, не имеют городской территориальной специфики и выраженных компактных мест проживания. Особый случай образуют прихожане церкви, дети которых посещают воскресную школу, связи которых более сильные и продолжительные, но они также проживают в разных районах Мадрида и его пригородах. Место жительства в большей степени определено социально-экономическими характеристиками семьи и соответствует сложившемуся расселению местных жителей.

Многие респонденты транслировали представление о пространственной социально-экономической сегрегации, существующей в городе и окрестностях, согласно которому южные пригороды менее престижны, характеризуются высокой долей мигрантов из Африки и других стран, но цены на жилье и аренду в них ниже. Другие районы описываются как районы среднего класса и/или высшего среднего класса. Социально-экономические позиции семей обычно соответствовали их оценке своего района проживания. Респонденты часто сами использовали социально-экономические характеристики района, когда описывали место жительства себя или других, как, например, «...это немножко как бы район такой, скажем, плохой, это юг, это юг Мадрида» (Респ. 1) или «это район среднего класса» (Респ. 2, смешанная семья). Русскоязычные мигранты не имеют компактных мест проживания, рассредоточены по разным районам Мадрида и ближайшим пригородам.

Нормы и коллективная эффективность

Исследователи, изучающие влияние района на детей, обращают внимание на наличие разделяемых жителями района ценностей взаимодоверия, создание среды поддержки в воспита-

нии детей и иные социальные структуры локальных сообществ [Leventhal, Brooks-Gunn, 2000]. Низкая коллективная эффективность, в частности, может повышать вероятность того, что район будет восприниматься как менее безопасный.

Многие семьи мигрантов данного исследования на уровне района проживания не формируют плотных социальных сетей. Независимо от степени, в которой локальные социальные связи способствуют распространению общих норм, определяющих поведение детей, и осуществляют функцию контроля за их соблюдением, зачастую существуют механизмы, препятствующие включению в эти сети некоторых родителей с миграционной историей. Большинство таких механизмов связано с миграционной спецификой изучаемых семей, а именно со стремлением матерей передать русский язык ребенку, со слабым знанием испанского языка родителями, с воспринимаемой ими культурной дистанцией.

Раннее включение ребенка в обучение в образовательных учреждениях, связанное с особенностями испанской системы образования, формирует преимущественно испанскую языковую среду. Дети отказываются от использования русского языка дома или говорят на испанском языке при общении друг с другом, даже если с родителями общаются по-русски. Все родители-информанты полагают, что без значительных усилий с их стороны ребенок будет предпочитать говорить на испанском языке. Эти тенденции наблюдаются как в смешанных, так и в русскоязычных семьях, и если ребенок начинает посещать образовательное учреждение, проявляются в течение короткого времени: *«У нас папа тоже русский, но мы заметили то, что через два месяца после приезда мы пошли сразу же в испанскую школу. Через три месяца старшие дети уже разговаривали по-испански, т.е. мы не учили испанский язык до этого никогда. Старший ребенок через три месяца, младший через пять месяцев уже говорил, и они имеют очень хорошие результаты по испанскому языку в школе..., 9–10, т.е. отлично. Но при этом мы стали замечать, что поскольку вокруг среда вся испаноязычная, дети очень быстро стали терять русский язык, просто моментально. И поскольку друзья все испаноязычные, т.е. музыкальная школа, занятия спортом на испанском языке, поэтому язык такой вот живой теряется»* (Респ. 3).

У родителей, которые не имеют возможности забирать детей после школы, дети остаются на дополнительные занятия, что способствует их социализации в испаноязычной среде.

Родители варьируются в зависимости от усилий, затраченных на изучение русского языка ребенком, но большинство родителей разделяют высокую ценность русского языка и негативно оценивают процессы отказа от его использования в общении. Курсы русского языка и другие русскоязычные формы активности рассматриваются в качестве важной составляющей общего воспитания ребенка, а общение матери с ребенком по-русски — как необходимое условие сохранения языка. Изучение русского языка далеко не всегда имеет своей целью культурный трансфер, он воспринимается в качестве ценного ресурса с точки зрения жизненных шансов и перспектив ребенка. Этот факт лежит в основе формирования русскоязычной среды общения ребенка, даже если женщина не была в нем заинтересована до его рождения: *«То есть мне спустя 10 лет в Испании не нужно столько русского общения. Потому что это опять возвращает меня в наши русские традиции, которые здесь не проходят. И я начала общаться, и я нашла эту группу из-за Лерунчика³, потому что ей нужно будет общаться со сверстниками, с русскими»* (Респ. 4, смешанная семья).

Родители используют разные стратегии поддержания русскоязычной среды: говорят с детьми только по-русски во всех ситуациях, даже если присутствуют испаноговорящие, выходят на прогулки с детьми с другими русскоязычными матерями, обеспечивая возможность детям общаться по-русски, нанимают русскоязычных нянь и включают детей в различные русскоязычные структурированные занятия. Практики, направленные на способствование усвоению русского языка ребенком, могут ограничивать включение матерей в соседские испаноязычные сообщества. К этому в ряде случаев добавляется плохое владение испанским языком женщинами, которые имеют непродолжительный опыт проживания в Испании, при этом ситуация со знанием испанского языка со временем может не меняться.

Ряд женщин воспроизводят представления о существовании культурных отличий между испанскими и русскоязычными женщинами, которые проявляются в том числе в практиках воспитания: *«Но опять же, в районе, где мы живем, да, у людей достаток чуть выше среднего и,*

3 Все интервью анонимизированы.

соответственно, конечно, люди сначала проверяют. И в основном на детских площадках гуляют с детьми нянечки. Нянечки — это либо украинки, либо румынки, либо русские. Соответственно, когда одна русская приходит гулять с ребенком, я узнала уже потом, мне сказали, что где-то полгода почти вся эта детская площадка думала, что я няня. Во-первых, я достаточно выгляжу, наверное, молодо для того, чтобы быть мамой, не знаю. Во-вторых, как бы немножко другое отношение. Если испанки они сидят, лясы точат, дети в песке сами по себе, то я везде со своим ребенком, как курица с яйцом. Видимо, возможно, так относятся здесь няни, потому что у них ответственность, не знаю» (Респ. 5, смешанная семья). По словам многих респонденток, средний возраст испанских матерей ровесников их детей, с которыми они сталкиваются в школе, детском саду, на детских и других площадках, может быть существенно выше.

В ряде случаев культурные отличия назывались респондентками в качестве важной причины предпочтения общения с русскоязычными женщинами: «Все равно, как бы ты ни был замужем за испанцем, сколько бы у тебя испанских детей нет, но из тебя не выйдет, твоё... твою национальность, твою... Я Хосе всегда говорила. Он: “Иди, общайся со своими испанцами”. Я говорю: “У меня никогда так в жизни испанцы так не поймут, как наши. На каком бы я чистом испанском ни говорила, Хосе. Менталитет у нас совершенно другой» (Респ. 6, смешанная семья).

В некоторых районах наблюдается дистанцирование русскоязычных мигрантов от других групп жителей Мадрида. Несколько человек описывали свой район как неблагоприятный для проживания, преимущественно основывая аргументацию на перечислении характеристик местных жителей, таких как экономическое положение, миграционный статус или этническая принадлежность: «В моем районе, например, пролетарский район, цыгане одни, арабы одни, румыны, контингент такой. Как я вот мимо этих школ публик (государственная школа. — Примеч. авт.) государственных прохожу, смотришь, там 12 лет дитю, стоит с сигаретой, курит, ругается трехэтажным. Ну, цыгане там...» (Респ. 7).

Выбор такого района в качестве места проживания связывается в этих случаях с доступностью жилья (низкой арендной платой) и рассматривается как вынужденный вариант. Такое восприятие района оказывает влияние на практики воспитания, в частности, на выбор школы. Например, в одной семье рабочего класса ребенок начал посещать школу недалеко от арендованной квартиры, которую в дальнейшем решили поменять: «Но потом просто эта квартира не отапливалась, я искала квартиру более теплую, стало как-то холодать» (Респ. 8). После переезда встал вопрос о переводе ребенка в другую школу, но подходящий вариант недалеко от нового места жительства не был найден. По словам респондентки, все школы, которые оказались поблизости, характеризовались высокой концентрацией мигрантов, воспринимаемых в качестве носителей установок, которые могли бы негативно повлиять на образовательные успехи сына: «Я хотела поменять, но когда я пошла в одну колехию [школа], в другую, как Олеся говорит, районы, очень много экстранхеров [иностранцев] темных. (...) Если в классе очень много румын или еще кого-то, арабов, они сами не хотят (...) учиться и другим не дают (...) Я пошла, посмотрела, а у нас там, где мы сняли квартиру, она была дешевле, получше, с отоплением все, но там очень много арабов, там очень много вот этих всяких негров».

В результате на момент интервью мальчик продолжал посещать школу, которая после переезда семьи стала находиться далеко от дома, в двух остановках метро. Этот пример примечателен для нашего исследования тем, что вся структурированная активность ребенка в будние дни проходила на базе его школы и была ограничена предложениями школы, так как у родителей не было возможности из-за рабочего расписания забирать его из школы сразу после уроков и сопровождать его на другие занятия. В другом примере мать из семьи, отнесенной к рабочему классу, специально записала своего восьмимесячного ребенка в детский сад, расположенный не в районе их проживания, чтобы оградить его от контактов с местными жителями-мигрантами: «Я, например, живу в этом районе. Он, скажем, рабочий район. Я свою дочку отправляю туда, скажем так, в верхнюю часть в садик, чтобы... Я не хочу... Я сама, конечно, эмигрантка, не хочу, чтобы она с ними, с мигрантами, жила, не то, что жила, и общалась» (Респ. 9, смешанная семья). Поиск был ограничен вариантами, расположенными недалеко от дома и по пути на ее работу, в связи с отсутствием временных возможностей отвозить ребенка в отдаленный от работы и дома детский сад.

Во всех этих и подобных случаях матери до конца не удовлетворены результатами выбора. Они останавливаются на компромиссном варианте, выбирая, по их мнению, лучший или один из приемлемых, но из числа доступных с учетом временных и материальных ресурсов семьи.

Здесь наблюдаются интересные пересечения с примерами из других исследований. Исследование жителей среднего класса этнически и социально смешанного района Лондона показало, как, первоначально выбрав его в качестве места жительства в процессе джентрификации, они меняли свое позитивное к нему отношение, когда знакомились со школьной системой района [Jackson, Butler, 2015]. Черная молодежь рабочего класса, преимущественно дети мигрантов, поселившихся в районе в 1960-х годах, начинала восприниматься как «уличные дети» (“street kids”), ответственные за негативную репутацию районных школ и атмосферу на улицах. Только одна начальная школа считалась родителями среднего класса приемлемой для того, чтобы отправить туда детей. В результате к моменту окончания ребенком начальной школы многие семьи покинули район.

В другом примере вьетнамские родители-мигранты из малоресурсных семей в Америке, проживающие в районе с высоким уровнем безработицы, через разделяемые членами сообщества формы контроля и ценности, а также ориентацию на мигрантское сообщество, сохраняли культурную изоляцию, что позволяло обособлять детей от неблагоприятного социального окружения [Zhou, Bankston III, 1994].

В первом примере сходство с нашими случаями состоит в том, что родители придают большое значение школе и социальному окружению детей. Они стремятся изменить ситуацию: переезжают, а в примерах данной статьи — терпят неудобства при отсутствии материальных ресурсов для того, чтобы отдать ребенка в другую школу. Общим для всех случаев является дистанцирование родителей от семей рабочего класса, проживающих в их районе, которые воспринимаются культурно иными с точки зрения их установок и поведения.

Наряду со сходством, в случаях с семьями Мадрида есть уникальные особенности, которые поднимают вопрос о природе описанных тенденций. Если диспозиции и практики среднего класса, направленные на реализацию различных идеальных моделей городской жизни, можно объяснить в терминах культурного воспроизводства П. Бурдьё (см., например, [Butler, Robson, 2011]), то в данном исследовании сходные особенности восприятия ситуации в районе и родительских практик наблюдаются у женщин из рабочего класса. Респондентка из примера выше, которая выбрала детский сад в другом районе города для своей восьмимесячной дочки, считает себя носителем системы ценностей, отличной от большинства местных жителей района, и воспроизводит идеи, согласно которым передача ценностей и установок происходит в процессе социализации с самых ранних лет жизни: «Мне кажется, если с маленьких лет уже, если у тебя папа — врач, мама, не знаю, учитель, тоже будешь стремиться стать кем-то. А здесь одни мигранты, половина не работают, не живут, получают только пособия. Если она будет на все это смотреть, она тоже скажет: «Зачем мне работать, в принципе?»» (Респ. 9, смешанная семья). Отсутствие материальных ресурсов не позволяет ей и другим семьям, неудовлетворенным жителями своего района и системой его образовательных услуг, сменить место жительства, как, например, поступали семьи среднего класса в Лондоне. В случае с вьетнамскими родителями сходные изоляционные стратегии описываются как проявление особенностей, которые можно назвать этническими. Модуд даже использует понятие «этнический капитал», чтобы объяснить образовательные достижения британцев пакистанского происхождения из рабочего класса, — родители, независимо от социального класса, обладали высокими ожиданиями в отношении карьеры их детей, установками на образовательные достижения [Modood, 2004; Shah, Dwyer, Modood, 2010]. Но в этих исследованиях большую роль в поддержании, (вос)производстве норм играет мигрантское/этническое сообщество. Сильные этнические связи позволяют получить семьям из рабочего класса доступ к культурному капиталу. Наше исследование не позволяет делать выводов о данной роли сообщества. Как было показано, оно характеризуется слабыми связями и дисперсным расселением мигрантов, что затрудняет взаимодействие людей.

Институциональные ресурсы

Качество и количество институциональных ресурсов в районе может оказывать влияние на развитие детей [Leventhal, Brooks-Gunn, 2000]. Результаты данного исследования показывают, что недостаток востребованных ресурсов может наблюдаться в различных районах и является актуальной проблемой для семей независимо от их материального положения. Опыт семей

среднего класса позволяет показать, как при наличии материальных и культурных ресурсов (мотивации, ценностей, целей) пространственные и социальные условия могут оказаться наиболее значимыми в процессе включения детей в структурированные формы активности и определять количество и содержание программ.

Случай одной смешанной семьи хорошо иллюстрирует, как работают эти механизмы.

Дарья (Респ. 2) имеет двоих детей — дочку младшего школьного возраста и сына дошкольного возраста. Она не работает, живет с семьей в районе, в котором располагаются несколько новых жилых кварталов и который она описывает как район среднего класса. Дарья разделяет установки, отражающие высокую ценность дополнительных занятий. Ее дочка посещает школу, которая Дарье не нравится, в том числе потому, что она предоставляет мало структурированных форм активности. В школу, в которую она хотела отдать дочку, ее не приняли, но она не потеряла надежды в будущем ее туда перевести. Школа дочки небольшая и поэтому выбор программ небогатый. Дочка записалась на три кружка в школе и ни один не был открыт из-за низкой востребованности. Но даже если занятия начинались, не всегда их качество и содержание могло удовлетворить Дарью. Например, в предыдущий год дочка посещала занятия танцами, но они не нравились Дарье и самой дочке, и они решили, что она не будет продолжать их посещение: *«Танцы очень не понравились ни нам, ни другим родителям, все очень плевались, ругались, гимнастика очень понравилась, но на следующий год не набралась группа»*. Затем в конце осени был открыт новый кружок, качество занятий которого также вызывало у Дарьи сомнения, но дочка их посещала до конца года, так как не было альтернативы. Она расстраивается, что в этой школе нет подходящих дополнительных занятий в достаточном количестве: *«Так обидно, потому что очень удобно, и мне не надо даже приходить, они в пять закончат учебу, и в пять пятнадцать просто переходят там в другой зал. И я за ней прихожу в полседьмого. А так мне ее надо забрать, куда-то вести, там ждать, потом забирать и ехать назад. Конечно, мне бы хотелось здесь рядом в школе»*. В другой школе они посещали бассейн, но многие занятия не были доступны из-за несовпадения расписания, так как интересующие кружки начинались в 16:00, а учебный день дочки заканчивался в 17:00. По ее словам, в районе инфраструктура только развивается, и внешкольных программ дополнительного образования недостаточно для удовлетворения потребностей ее и других жителей района. Это проявляется в том, что в самых востребованных кружках и, по ее мнению, лучших, нет мест. Их популярность настолько велика, что они закрывают набор в первые дни после открытия: *«Если кружок хороший, тоже почти всегда мест нет, мест нет. Там в первые же дни все забивают, и кто не успел, те в списке ожидания»*. Например, ее дочка пробыла год в списке ожидания зачисления в один из таких районных кружков, и место так и не освободилось. В муниципалитете есть библиотека, на базе которой работает несколько кружков, и в течение года дочка посещала один из них. Добираться до нее пешком 40 минут *«по пустырям в жарень»*, на метро — около 30 минут, поэтому на занятия обычно отвозил ее муж, так как она не умеет водить машину. Муж не разделял установки Дарьи о необходимости включения ребенка в такое количество разнообразных видов активности: *«А так мало того, что ты мужа заставила оплатить, так еще ты его заставляешь возить. Ему вообще не до того, он вообще был против с самого начала»*. Когда родился сын, возникли новые сложности с посещением некоторых занятий дочки: *«Роберто слишком маленький, Аня слишком большая, и я сходила несколько раз, для меня это слишком тяжело. Я только бегая по лестнице за Роберто, смотрю, чтобы он не свалился»*.

Пример Дарьи хорошо демонстрирует, с одной стороны, как реализуется ее подход к воспитанию, который проявляется в ее установках на структурированные формы активности, в высокой мотивации записать ребенка на разнообразные занятия, в стратегиях поиска оптимальных программ, а с другой стороны, как внешние причины, пространственные и социальные, во многом определяют их выбор. Как видно из приведенного примера, респондентка предпочитает выбирать занятия из предложений, доступных недалеко от дома или школы/в школе. Расстояние является важным фактором выбора для семей с разным уровнем доходов и других ресурсов. Очень часто, аргументируя невозможность посещения занятий или рассказывая о причинах, которые оказали влияние на их выбор, респонденты указывают на удаленность занятий от дома, работы или других важных объектов. Этот фактор является актуальным и для неработающих родителей, и в той или иной степени для всех семей. Таким образом, большинство семей предпочитают структурированные формы активности, доступные рядом

с домом. Если женщины используют стратегии поиска ресурсов за пределами района, они в любом случае оказываются ограниченными в их охвате и расстоянии, которое готовы или имеют возможность преодолевать.

Занятия с ограниченными предложениями, но востребованные среди русскоязычных мигрантов, такие, например, как курсы русского языка и русскоязычные программы, могут требовать значительных временных усилий, которые родители готовы прилагать, но тоже во многих случаях в ограниченной степени, и могут зависеть не от желания матерей, а от сопутствующих обстоятельств, таких как отсутствие времени, необходимость переговоров с мужем, наличие второго ребенка. Так объясняет выбор площадок для посещения курсов русского языка ребенком одна из мам:

Респондент: *Очень далеко, очень далеко. Ну, то есть мы постоянно на машине, я вот пока еще не вожу, а Педро постоянно надо просить.*

Интервьюер: *Но там же рядом с метро оно находится?*

Респондент: *Там, да ну, это не имеет смысла, там ехать туда почти 50 минут на метро, и там оставлять его на час, на два (Респ. 10, смешанная семья).*

Другие курсы русского языка сын посещал несколько месяцев, но прекратил, так как, по словам респондентки, *«далеко ехать нам, поэтому мы не стали»*. В результате предпочтение было отдано занятиям русским языком, которые находились ближе к дому.

Родители часто зависят от тех программ, которые доступны в районе и при отсутствии выбора, как в примере Дарьи, вынуждены выбирать из имеющихся вариантов и, по крайней мере, какое-то время удовлетворяться теми предложениями, которые есть. Группы не формируются или занятия могут прекращаться. Особенно этот фактор сказывается на семьях, проживающих в пригородах, отдаленных районах и районах, территориально изолированных от других. Так, к примеру, описывает причины прекращения дочкой посещения занятий музыкой респондентка, проживающая в пригороде, расположенном на юге Мадрида:

Респондентка: *Ну и с четырех лет, когда мы ее решили записать везде, она же у нас ходила в музыкальную школу на занятия типа музыка и движение.*

Муж: *А, да, официально-то школу закрыли, государственная которая.*

(...)

Респондентка: *И закрыли. И мы этот год... Все дети из музыкальной школы пошли срочно изучать английский язык. Прямо пришел английский язык, и все дети из музыкальной школы туда ходят. Одну какую-то деятельность закрыли, а родители же, которые активные, должны же ребенка куда-то записать (Респ. 11).*

Родители используют разнообразные стратегии, чтобы компенсировать недостаток институциональных ресурсов. Кроме стратегии поиска ресурсов за пределами районов, они самостоятельно организуют занятия на формальной и неформальной основе. Несколько неформальных групп по изучению русского языка детьми были сформированы по инициативе родителей. В одном пригороде Мадрида, в котором преимущественно проживают семьи среднего и высшего среднего класса, русскоязычные женщины объединились и стали приглашать преподавателя балета для частных уроков группе детей из 5–6 девочек. Вначале респондентка возила дочку на занятия балетом, проходящие на базе одной из русскоязычных площадок, которая была расположена далеко от места проживания ее семьи: *«Только я возила, потому что далеко от нас ХХХ [название площадки] находится. Не все готовы»* (Респ. 12). Затем она попросила учительницу балета приезжать два раза в неделю и проводить занятия в доме одной из семей, размер и благоустройство которого позволяли выделить для этого место. Но не все семьи, чьи дети посещали эти занятия, проживают в этой локальности: *«Одна мама из нашей школы, еще одна женщина вот из ХХХ [название площадки]. Потом уже на последнее занятие... они живут в другом городе, ну полчаса езды от нас, т.е. что до ХХХ [название площадки], что до нас ехать примерно одинаково. Вот. У нее девочка очень подающая надежды, со способностями. И хотелось, чтобы она, конечно, побольше занималась. Вот она стала к нам приезжать. Еще из соседнего городка мама знакомая, просто моя знакомая, стала девочку свою возить»* (Респ. 12).

На момент интервью они находились в поисках учителя русского языка, который бы также приезжал к ним в пригород для проведения совместных уроков, но не могли его найти. Родители, у которых не было возможности приглашать преподавателя домой, организовали неформальные курсы на базе одной из существующих русскоязычных площадок, договорившись с одним из преподавателей.

Семьи при наличии финансовых возможностей могут уже при выборе района проживания ориентироваться на его институциональные и средовые ресурсы, либо менять место жительства, оценивая его с точки зрения соответствия оптимальным условиям для воспитания и социализации ребенка. Например, респондентка — мать девочки полутора лет — видит причины переезда в инфраструктурных особенностях дворовой территории, а также в уровне воспринимаемого шума.

Интервьюер: *А почему вы решили сменить район?*

Респондент: *Из-за нее. Чтобы у нее была возможность ходить в бассейн на закрытой территории в доме. <...> Закрытый двор, бассейн, и не было бы шума машин города. То есть, что вот открываешь окна, и там нет этого шума машин (Респ. 4, смешанная семья).*

Мать детей школьного возраста называет в качестве главной причины выбора района проживания наличие хорошей частной школы: *«Мы специально здесь поселились, да, отталкиваясь от школы. Потому что мы сюда ехали не по бизнесу, не по работе, а просто, чтобы уже увезти детей из ХХ [название страны], потому что экология там оставляет желать лучшего» (Респ. 12).*

Специфика занятости мужа респондентки позволяет семье выбирать страну проживания, ориентируясь на климатические и иные условия, не связанные с трудоустройством членов семьи. Вначале, после переезда из России, семья проживала в другой стране, но потом выбрала Испанию, рассматривая ее в качестве возможной страны для постоянного проживания.

Обсуждение результатов и заключение

В данной статье представлены результаты исследования практик воспитания детей русскоязычными женщинами-мигрантками, проживающими в Мадриде, которые проявляются в организации повседневной жизни ребенка, в выборе образовательных и досуговых программ и площадок. В ходе исследования внимание уделялось пространственным и социальным условиям, которые влияют на их специфику и разнообразие, а также миграционным особенностям семей, которые модифицируют это влияние. Методологическими основаниями исследования послужили несколько направлений: во-первых, работы, в которых выявляются и объясняются особенности воспитания детей в городских условиях, в том числе исследования специфики воспитания родителей из числа мигрантов и представителей этнических групп [Modood, 2004; Shah, Dwyer, Modood, 2010; Zhou, Bankston III, 1994], а также семей разного класса, независимо от их этничности и миграционного опыта [Bennett, Lutz, Jayaram, 2012; Lareau, 2003; 2011], во-вторых, работы, в которых анализируются механизмы влияния района на детей [Leventhal, Brooks-Gunn, 2000].

Результаты исследования демонстрируют, что институциональные ресурсы района могут задавать разнообразие и определять выбор структурированных форм активности, в которых участвуют дети. Несмотря на значительные усилия родителей, дети могут посещать занятия, выбирая из ограниченного спектра предложений, прерывать занятия из-за того, что программы закрываются или из-за претензий к содержанию и качеству преподавания, а также из-за удаленности программ, требующих мобилизации различных ресурсов. Родители используют ряд стратегий, чтобы преодолеть ограниченность востребованных ресурсов и неблагоприятные условия, например, пользуются ресурсами за пределами района, организуют программы своими силами, переезжают.

Важный вывод исследования заключается в том, что семьи с миграционной историей могут представлять собой особый случай при изучении влияния района на практики воспитания. Необходимо учитывать включенность в мигрантское или этническое сообщество, плотность сетей, а также то, насколько оно простирается поверх границ района. На примере данного исследова-

дования включенность в этнические и мигрантские сети может определять пространственные практики воспитания и в случае дисперсного расселения мигрантов. Кроме того, такие особенности, как знание языка страны рецепции, убежденность в важности передачи родного языка ребенку, ориентированность на русскоязычное сообщество, могут ограничивать включенность некоторых семей мигрантов в соседские сети, а также определять отчасти выбор структурированных программ.

Как показывает Ларо, социальное взаимодействие семей из среднего класса характеризуется слабыми семейными связями, в отличие от бедных семей и семей из рабочего класса, которые включены в расширенные плотные родственные сети [Lareau, 2002]. Дети последних часто проводят время с детьми родственников и соседскими детьми разного возраста. В нашем исследовании специфика сообщества русскоязычных мигрантов, которое является слабоинституционализированным и характеризуется дисперсным расселением мигрантов, определяет его ограниченную роль в осуществлении функции ухода за детьми и их воспитании. В случае с семьями из рабочего класса негативное восприятие района и жителей и временный характер места жительства, если жилье арендуется, также ограничивают возможности ребенка проводить время вне дома.

Таким образом, с одной стороны, специфика представлений родителей об оптимальных практиках и условиях воспитания влияет на то, как они пытаются организовать жизнь ребенка, а с другой стороны, экологический контекст и социальное окружение оказывают существенное влияние на то, как в результате он проводит время и насколько это соотносится с желаниями родителей. Набор этих условий может в значительной степени определять репертуар практик от семьи к семье и, как было показано, ограничивать возможности семей из среднего класса.

Исследование не лишено ряда ограничений. В первую очередь они связаны с методологией поиска респондентов преимущественно через группы русскоязычных родителей в социальных сетях и тех, чьи дети посещают русскоязычные программы. Данная методология позволила очертить, по крайней мере в общих чертах, границы сообществ, определяемых через социальные институты [Парк, 2002], но очевидно, что эти группы родителей имеют свои особенности воспитания, связанные с немногочисленностью русскоязычных мигрантов Мадрида и, в той или иной степени, ориентированностью на русскоязычное общение.

Другое ограничение связано с дисперсностью расселения респондентов в Мадриде. Для глубокого понимания экологических факторов желательно проводить исследования жителей одной или нескольких локальностей. Мадрид является регионом, в котором произошли значительные изменения в социальном и этническом составе жителей, связанные с экономическим ростом в 1990-х и экономическим кризисом в 2008 г. [Dominguez, Leal, Goytre, 2012]. Эти процессы оказывают влияние на сегрегационные тенденции, которые характеризуются сложностью механизмов и разнонаправленностью [Dominguez, Leal, Goytre, 2012; Leal, Sorando, 2015]: районы среднего класса остаются социально гомогенными, а периферия становится более гетерогенной. Некоторые районы традиционно характеризуются этнической и социальной смешанностью населения. Все эти случаи создают свои уникальные социальные условия, учесть которые в данном исследовании невозможно.

Полученные результаты ставят новые вопросы для дальнейшего изучения. В частности, они касаются природы разделяемых установок женщин на структурированность досуга ребенка, на получение образования, на передачу русского языка. Ларо объясняет результаты своего исследования следующим образом [Lareau, 2003]. Концепции «правильного» воспитания детей, которые разрабатывают специалисты различного профиля, меняются с определенной периодичностью, и родители из среднего класса быстро реагируют на новые рекомендации профессионалов в отличие от родителей рабочего класса. Беннетт и коллеги интерпретируют отличные результаты в том ключе, что родители рабочего класса осознали, по крайней мере частично, взаимосвязь между участием в организованных формах активности и образовательными и профессиональными траекториями детей [Bennett, Lutz, Jayaram, 2012]. Эта дискуссия оставляет за рамками рассмотрения исследования мигрантских сообществ, в которых осуществляется передача ценностей и установок [Shah, Dwyer, Modood, 2010]. Возможно, отчасти площадки для русскоязычных детей и встречи русскоязычных родителей являются примером соединяющего (bridging) социального капитала [Putnam, 2000], так как создают пространство для встречи людей из разных социальных групп. С другой стороны, данные тенденции, воз-

можно, стоит объяснять в культурном смысле с точки зрения среды социализации респондентов. Официальная образовательная идеология в Советском Союзе включала систему идей о важности образования и пользе структурированной активности, а также побуждала население к реализации данных идей на практике. Такие лозунги, как «учиться, учиться и учиться», были известны каждому школьнику, развивалась система бесплатных кружков и секций, как на базе школ, так и на районном уровне и уровне поселений. В качестве гипотезы можно предположить, что данная идеология продолжает определять отчасти социальную политику стран постсоветского пространства и формировать представления о том, как правильно воспитывать ребенка. Подобные установки могут поддерживаться также на уровне официальной транслируемой идеологии и реализуемых практик в Испании. Например, некоторые респонденты говорили об информации, которая касалась положительных последствий билингвизма, получаемой от психологов и других представителей школ и медицинских учреждений, а также получали рекомендации включать детей в те или иные формы активности. Между тем исследование образовательных притязаний матерей в России свидетельствует о релевантности культурного подхода для объяснения обнаруженных классовых различий [Шпаковская, 2015]. В контексте данной логики можно анализировать природу культурных ориентаций и дистанцирования от некоторых групп местных жителей. Почему респонденты воспринимают себя как носителей иной системы ценностей, дистанцируются ли они от семей других мигрантов или от бедных семей? Меняются ли установки женщин в процессе миграции, и если да, у каких групп женщин, и какие механизмы лежат в основе их изменения? Ответы на все эти вопросы требуют дополнительного исследования.

Источники

- Бурдые П., Пассрон Ж. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007.
- Зеликова Ю. Что формирует родительские практики? Физическое наказание и воспитание в петербургских семьях // Женщина в российском обществе. 2014. Т. 1. С. 42–51.
- Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
- Парк Р. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 3. С. 13–18.
- Шпаковская Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социальных неравенств // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 211–224.
- Akifyeva R. Children's participation in structured activities in the context of the child-rearing strategies of Russian-speaking women: Class and migration status: Working Papers Centre for German and European Studies, 2016. WP 2016-01. P. 1–15.
- Baumrind D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior // Genetic Psychology Monographs. 1967. Vol. 75. P. 43–88.
- Baumrind D. Current patterns of parental authority // Developmental psychology monograph. 1971. Vol. 4. No. 1. P. 1–103.
- Bennett P.R., Lutz A.C., Jayaram L. Beyond the Schoolyard: The Role of Parenting Logics, Financial Resources, and Social Institutions in the Social Class Gap in Structured Activity Participation // Sociology of Education. 2012. Vol. 85. No. 2. P. 131–157.
- Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1984.
- Butler T., Robson G. Social Capital, Gentrification and Neighbourhood Change in London: A Comparison of Three South London Neighbourhoods // Urban Studies. 2011. Vol. 38. No. 12. P. 2145–2162.
- Byrnes H.F., Miller B.A. The Relationship Between Neighborhood Characteristics and Effective Parenting Behaviors: The Role of Social Support // Journal of Family Issues. 2012. Vol. 33. No. 12. P. 1658–1687.
- Chin T., Phillips M. Social reproduction and child-rearing practices: Social class, children's agency, and the summer activity gap // Sociology of education. 2004. Vol. 77 (July). P. 185–210.
- Darling N., Steinberg L. Parenting style as Context: An integrative model // Psychological bulletin. 1993. Vol. 113. No. 3. P. 487–496.
- Dominguez M., Leal J., Goytre E.M. The Limits of Segregation as an Expression of Socioeconomic Inequality: The Madrid Case // Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity. L.; N.Y.: Routledge, 2012. P. 217–236.
- Furstenberg F.F., Cook T.D., Eccles J., Elder G.H., Sameroff A. Managing to make it: Urban families and adolescent success. Chicago: University of Chicago Press, 1999.

- Galster G.C. The Mechanism(s) of Neighbourhood Effects: Theory, Evidence, and Policy Implications // *Neighbourhood Effects Research: New Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2012. P. 23–56.
- Ham M. van, Manley D., Bailey N., Simpson L., Maclennan D. *Neighbourhood Effects Research: New Perspectives // Neighbourhood Effects Research: New Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2012. P. 1–22.
- Hedman L., Ham van M. Understanding Neighbourhood Effects: Selection Bias and Residential Mobility // *Neighbourhood Effects Research: New Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2012. P. 79–100.
- Jackson E., Butler T. Revisiting 'social tectonics': The middle classes and social mix in gentrifying neighbourhoods // *Urban Studies*. 2015. Vol. 52. No. 13. P. 2349–2365.
- Klebanov P.K., Brooks-Gunn J., Duncan G.J. Does Neighborhood and Family Poverty Affect Mothers' Parenting, Mental Health, and Social Support? // *Journal of Marriage and Family*. 1994. Vol. 56. No. 2. P. 441–455.
- Kremer-Sadlik T., Fatigante M. Investing in children's future: Cross-cultural perspectives and ideologies on parental involvement in education // *Childhood*. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 67–84.
- Kremer-Sadlik T., Izquierdo C., Fatigante M. Making Meaning of Everyday Practices: Parents' Attitudes toward Children's Extracurricular Activities in the United States and in Italy // *Anthropology & Education Quarterly*. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 35–54.
- Lareau A. Invisible inequality: Social class and childrearing in black families and white families // *American sociological review*. 2002. Vol. 67. P. 747–776.
- Lareau A. *Unequal childhoods: Class, race, and family life*. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Lareau A. *Unequal childhoods: Class, race, and family life, 2nd Edition with an Update a Decade Later*. Berkeley: University of California Press, 2011.
- Le Gall J., Meintel D. Cultural and Identity Transmission in Mixed Couples in Quebec, Canada: Normalizing Plural Identities as a Path to Social Integration // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 112–128.
- Leal J., Sorando D. Economic crisis, social change and segregation processes in Madrid // *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East meets West*. Routledge: London, 2015. P. 214–237.
- Lee E.M., Kao G. Less bang for the buck? Cultural capital and immigrant status effects on kindergarten academic outcomes // *Poetics*. 2009. Vol. 37. No. 3. P. 201–226.
- Leventhal T., Brooks-Gunn J. The Neighborhoods They Live in: The Effects of Neighborhood Residence on Child and Adolescent Outcomes // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126. No. 2. P. 309–337.
- Modood T. Capitals, ethnic identity and educational qualifications // *Cultural Trends*. 2004. Vol. 13. No. 2. P. 87–105.
- Nauck B., Lotter V. Parenting styles and perceived instrumentality of schooling in native, Turkish, and Vietnamese families in Germany // *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft*. 2015. Vol. 18. No. 4. P. 845–869.
- Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.
- Rodriguez-Garcia D. Intermarriage and Integration Revisited: International Experiences and Cross-Disciplinary Approaches // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 8–36.
- Shah B., Dwyer C., Modood T. Explaining Educational Achievement and Career Aspirations among Young British Pakistanis: Mobilizing "Ethnic Capital"? // *Sociology*. 2010. Vol. 44. No. 6. P. 1109–1127.
- Slater T. Your Life Chances Affect Where You Live: A Critique of the 'Cottage Industry' of Neighbourhood Effects Research // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. Vol. 37. No. 2. P. 367–387.
- Small M.L., Feldman D. Ethnographic Evidence, Heterogeneity, and Neighbourhood Effects After Moving to Opportunity // *Neighbourhood Effects Research: New Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2012. P. 57–78.
- Spera C. A Review of the Relationship Among Parenting Practices, Parenting Styles, and Adolescent School Achievement // *Educational Psychology Review*. 2005. Vol. 17. No. 2. P. 125–146.
- Weininger E.B., Lareau A. Paradoxical pathways: An ethnographic extension of Kohn's findings on class and childrearing // *Journal of Marriage and Family*. 2009. Vol. 71. No. 3. P. 680–695.
- Witten K., Kearns R., McCreanor T., Penney L., Faalau F. Connecting place and the everyday practices of parenting: insights from Auckland, New Zealand // *Environment and Planning A*. 2009. Vol. 41. No. 12. P. 2893–2910.
- Zhou M., Bankston III C.L. Social capital and the adaptation of the second generation: The Case of Vietnamese youth in New Orleans // *International Migration Review*. 1994. Vol. 28. No. 4. P. 821–845.

RAISA AKIFYEVA

CHILD-REARING PRACTICES OF RUSSIAN-SPEAKING WOMEN IN MADRID:

THE EFFECTS OF THE NEIGHBORHOOD AND MIGRATION SPECIFICITY

Raisa Akifyeva, Senior Lecturer, Department of Sociology, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities; National Research University Higher School of Economics; off. 217, 55/2, Sedova Street, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: akifyeva@mail.ru, akifyeva@hse.ru

Abstract

This article presents the results of a study on child-rearing practices of Russian-speaking migrant women living in Madrid, including the organization of children's daily lives and the choice of educational and structured programs and institutions. The aim of the research is to study the influence of neighborhoods and the migration backgrounds of families on child-rearing practices. The empirical base of the research includes interviews with Russian-speaking parents, as well as teachers and organizers of Russian-structured programs for children, together with the data from fieldwork conducted during visits to these programs, meetings, and walks with parents and their children. The results of the research demonstrate that the institutional resources of the neighborhoods can determine the diversity and the choices of structured activities in which children are involved. Parents follow a number of strategies to overcome a limited availability of resources and unfavorable living conditions. The migration background of families indicated by the level of Spanish-language proficiency, shared ideas about the importance of the transfer of the mother tongue to children, and the orientation of the Russian-speaking community can mediate the influence of the neighborhoods on child-rearing practices.

Key words: child-rearing practices; parenting practices; Russian-speaking migrants; structured activities; social inequality; neighborhood effects

References

- Akifyeva R. Children's participation in structured activities in the context of the child-rearing strategies of Russian-speaking women: Class and migration status: *Working Papers Centre for German and European Studies*, 2016, WP 2016-01, pp. 1–15.
- Baumrind D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior. *Genetic Psychology Monographs*, 1967, vol. 75, pp. 43–88.
- Baumrind D. Current patterns of parental authority. *Developmental Psychology*, 1971, vol. 4, no 1, pp. 1–103.
- Bennett P.R., Lutz A.C., Jayaram L. Beyond the Schoolyard: The Role of Parenting Logics, Financial Resources, and Social Institutions in the Social Class Gap in Structured Activity Participation. *Sociology of Education*, 2012, vol. 85 (2), pp. 131–157.
- Bourdieu P. *Distinction: a social critique of the judgement of taste*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1984.
- Bourdieu P., Passeron J. *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction in Education, Society and Culture]. Moscow: Prosveshcheniye, 2007. (In Russian)
- Coleman J.S. Kapital sotsialnyiy i chelovecheskiy [Social and human capital]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and the Present], 2001, vol. 3, pp. 121–139. (In Russian)
- Butler T., Robson G. Social Capital, Gentrification and Neighbourhood Change in London: A Comparison of Three South London Neighbourhoods. *Urban Studies*, 2011, vol. 38, no 12, pp. 2145–2162.

- Byrnes H.F., Miller B.A. The Relationship Between Neighborhood Characteristics and Effective Parenting Behaviors: The Role of Social Support. *Journal of Family Issues*, 2012, vol. 33, no 12, pp. 1658–1687.
- Chin T., Phillips M. Social reproduction and child-rearing practices: Social class, children's agency, and the summer activity gap. *Sociology of Education*, 2004, vol. 77 (July), pp. 185–210.
- Darling N., Steinberg L. Parenting style as Context: An integrative model. *Psychological Bulletin*, 1993, vol. 113, no 3, pp. 487–496.
- Dominguez M., Leal J., Goytre E.M. The Limits of Segregation as an Expression of Socioeconomic Inequality: The Madrid Case. *Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity*. London, New York: Routledge, 2012, pp. 217–236.
- Furstenberg F.F., Cook T.D., Eccles J., Elder G.H., Sameroff A. *Managing to make it: Urban families and adolescent success*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Galster G.C. The Mechanism(s) of Neighbourhood Effects: Theory, Evidence, and Policy Implications. *Neighbourhood Effects Research: New Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2012, pp. 23–56.
- Ham van M., Manley D., Bailey N., Simpson L., Maclennan D. *Neighbourhood Effects Research: New Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2012, pp. 1–22.
- Hedman L., Ham van M. (2012) Understanding Neighbourhood Effects: Selection Bias and Residential Mobility. *Neighbourhood Effects Research: New Perspectives*. Dordrecht: Springer, pp. 79–100.
- Jackson E., Butler T. Revisiting “social tectonics”: The middle classes and social mix in gentrifying neighbourhoods. *Urban Studies*, 2015, vol. 52 (13), pp. 2349–2365.
- Klebanov P.K., Brooks-Gunn J., Duncan G.J. Does Neighborhood and Family Poverty Affect Mothers' Parenting, Mental Health, and Social Support? *Journal of Marriage and Family*, 1994, vol. 56, no 2, pp. 441–455.
- Kremer-Sadlik T., Fatigante M. Investing in children's future: Cross-cultural perspectives and ideologies on parental involvement in education. *Childhood*, 2015, vol. 22, no 1, pp. 67–84.
- Kremer-Sadlik T., Izquierdo C., Fatigante M. Making Meaning of Everyday Practices: Parents' Attitudes toward Children's Extracurricular Activities in the United States and in Italy. *Anthropology & Education Quarterly*, 2010, vol. 41, no 1, pp. 35–54.
- Lareau A. Invisible inequality: Social class and childrearing in black families and white families. *American Sociological Review*, 2002, vol. 67, pp. 747–776.
- Lareau A. *Unequal childhoods: Class, race, and family life*. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Lareau A. *Unequal childhoods: Class, race, and family life*. 2nd Edition with an Update a Decade Later. Berkeley: University of California Press, 2011.
- Le Gall J., Meintel D. Cultural and Identity Transmission in Mixed Couples in Quebec, Canada: Normalizing Plural Identities as a Path to Social Integration. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2015, vol. 662, no 1, pp. 112–128.
- Leal J., Sorando D. Economic crisis, social change and segregation processes in Madrid. *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East meets West*. Routledge: London, 2015, pp. 214–237.
- Lee E.M., Kao G. Less bang for the buck? Cultural capital and immigrant status effects on kindergarten academic outcomes. *Poetics*, 2009, vol. 37, no 3, pp. 201–226.
- Leventhal T., Brooks-Gunn J. The Neighborhoods They Live in: The Effects of Neighborhood Residence on Child and Adolescent Outcomes. *Psychological Bulletin*, 2000, vol. 126, no 2, pp. 309–337.
- Modood T. Capitals, ethnic identity and educational qualifications. *Cultural Trends*, 2004, vol. 13, no 2, pp. 87–105.
- Nauck B., Lotter V. Parenting styles and perceived instrumentality of schooling in native, Turkish, and Vietnamese families in Germany. *Zeitschrift Für Erziehungswissenschaft*, 2015, vol. 18, no 4, pp. 845–869.
- Park R. Organizatsiya soobshchestva i romanticheskii kharakter [Community Organization and the Romantic Temper]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review], 2002, vol. 3, pp. 13–18. (In Russian)
- Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.
- Rodriguez-Garcia D. Inter-marriage and Integration Revisited: International Experiences and Cross-Disciplinary Approaches. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2015, vol. 662, no 1, pp. 8–36.
- Shah B., Dwyer C., Modood T. Explaining Educational Achievement and Career Aspirations among Young British Pakistanis: Mobilizing “Ethnic Capital”? *Sociology*, 2010, vol. 44, no 6, pp. 1109–1127.
- Shpakovskaya L. Obrazovatel'nye prityazaniya roditelej kak mekhanizm vosproizvodstva social'nyh neravenstv [The educational expectations of parents: a mechanism that reproduces social inequality]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2015, vol. 13, no 2, pp. 211–224. (In Russian)
- Slater T. Your Life Chances Affect Where You Live: A Critique of the “Cottage Industry” of Neighbourhood Effects Research. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2013, vol. 37, no. 2, pp. 367–387.
- Small M.L., Feldman D. Ethnographic Evidence, Heterogeneity, and Neighbourhood Effects After Moving to

- Opportunity. *Neighbourhood Effects Research: New Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2012, pp. 57–78.
- Spera C. A Review of the Relationship Among Parenting Practices, Parenting Styles, and Adolescent School Achievement. *Educational Psychology Review*, 2005, vol. 17, no 2, pp. 125–146.
- Weininger E.B., Lareau A. Paradoxical pathways: An ethnographic extension of Kohn's findings on class and childrearing. *Journal of Marriage and Family*, 2009, vol. 71, no 3, pp. 680–695.
- Witten K., Kearns R., McCreanor T., Penney L., Faalau F. Connecting place and the everyday practices of parenting: insights from Auckland, New Zealand. *Environment and Planning A*, 2009, vol. 41, no 12, pp. 2893–2910.
- Zelikova J. Chto formiruet roditel'skie praktiki? Fizicheskoe nakazanie i vospitanie v peterburgskih sem'yah [What forms parenting practices? Physical punishment and child-rearing in St. Petersburg families]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2014, vol. 1, pp. 42–51. (In Russian)
- Zhou M., Bankston III C.L. Social capital and the adaptation of the second generation: The Case of Vietnamese youth in New Orleans. *International Migration Review*, 1994, vol. 28, no 4, pp. 821–845.

В.В. БАРАНОВА, К.С. ФЕДОРОВА

**(НЕ)ВИДИМОСТЬ
И (ВНЕ)НАХОДИМОСТЬ:****ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ И ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 103-121
<https://doi.org/10.17323/usp212017103-121>**Введение**

Языковой аспект миграционных процессов в современном городском пространстве в настоящее время не только представляет собой отдельную область социолингвистических исследований, но и может служить индикатором более широких социальных процессов и тенденций (см.: [Piller, 2016]), в частности, свидетельствовать об отношениях, складывающихся между мигрантами и принимающей стороной.

Цель данной статьи двойная: во-первых, проанализировать языки мигрантов в петербургском языковом ландшафте, и, во-вторых, рассмотреть вопрос о том, насколько социолингвистические данные дают возможность оценить место мигрантов в социальной структуре Петербурга. Для этого мы, в частности, рассмотрим, какие языки используются, где они представлены, на кого направлена коммуникация и от кого исходит информация, а затем соотнесем эти данные с социологическими описаниями мигрантов в российских городах, что позволит оценить возможности исследования языкового ландшафта как метода в миграционных исследованиях.

Визуальное присутствие, равно как и значимое отсутствие в городском пространстве языков, используемых в повседневном общении значительной частью населения современного Петербурга, является важным свидетельством того, как устроено публичное городское пространство, что считается в нем уместным, а что недопустимым, какие ограничения на письменную коммуникацию накладываются распространены в обществе представления о языке и отношение к языковому разнообразию.

Анализируемые в статье данные получены в ходе полевой работы в 2016 г. в нескольких микрорайонах Санкт-Петербурга. В качестве

Баранова Влада Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

E-mail: vbaranova@hse.ru

Федорова Капитолина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге; Российская Федерация, 191187 Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3

E-mail: fedorova@eu.spb.ru

В статье рассматривается современный языковой ландшафт Санкт-Петербурга с точки зрения представленности языков проживающих в нем мигрантов из Средней Азии и Китая. Исследования языкового ландшафта традиционно воспринимаются лингвистами как действительное отражение языковой ситуации в том или ином регионе. Однако реальное многоязычие, возникающее, в частности, в результате миграций в крупные города, не всегда находит непосредственное воплощение в языковом ландшафте, так как этому могут препятствовать как официальная языковая политика, так и языковые представления и идеологии, свойственные большинству населения. В статье данные, полученные в ходе полевой работы в 2016 г. в различных частях Санкт-Петербурга (Девяткино, Парнас, Апраксин двор), анализируются с точки зрения направления коммуникации, сфер, в которых оказывается возможным использование языков мигрантов, а также степени их публичности и видимости в городском пространстве. В результате на основе изучения письменной коммуникации в публичном пространстве (вывески, объявления, указатели и т.п.) оказывается возможным не только получить информацию о существовании в Санкт-Петербурге тех или иных языков, но и оценить ту роль, которую они вынуждены играть, и те языковые идеологии, прежде всего установку на моноязычие и неприятие языкового разнообразия, которые стоят за режимами публичного использования языков.

Ключевые слова: языковой ландшафт; языки мигрантов; языковое разнообразие; языковая политика; отношение к языку

методологической основы исследования использован этнографический анализ языкового ландшафта (ethnographic linguistic landscape analysis, ELLA [Blommaert, Maly, 2014]), в рамках которого письменная коммуникация рассматривается не как синхронное количественно исчисляемое отражение наличной язы-

ковой ситуации, а как часть коммуникативного процесса, тесно связанного с социальными условиями, в которых он протекает, и осуществляющими его акторами.

Статья организована следующим образом: вначале рассматривается понятие языкового ландшафта и его возможности для анализа миграционных процессов. Затем приводится краткий обзор исследований миграционных процессов с точки зрения городского пространства с акцентом на специфику российских городов и поля в Санкт-Петербурге. Следующий раздел посвящен описанию особенностей полевой работы и характеристике полученных данных. Затем рассматриваются полученные результаты по микрорайонам в отдельных подразделах. Полученные результаты обобщаются и осмысливаются в разделе «Дискуссия», в котором они также сопоставляются с существующими аналогичными исследованиями в других регионах. Наконец, в заключительном разделе суммируются выводы исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Что может дать анализ языкового ландшафта для исследований миграции?

Языковой ландшафт (linguistic landscape) — понятие, включающее всю совокупность визуального существования языка (и различных языков) в пространстве. Это любые указатели, рекламные щиты и плакаты, вывески, объявления, граффити, таблички с названиями улиц, районов, населенных пунктов и т.п., на которых в той или иной графике, с использованием тех или иных визуальных средств представлена различная информация, выраженная посредством языка.

Первые исследования языкового ландшафта [Landry, Bourhis, 1997] акцентировали внимание на том, что наблюдения за пространственным существованием языка могут послужить своего рода диагностическим инструментом для социолингвиста, позволяющим понять, какие языки используются в том или ином районе. Как будет показано ниже, в Санкт-Петербурге возникают объявления на узбекском и китайском языках. Это является, безусловно, диагностикой присутствия или значительной численности этих групп, однако не менее интересно то, что другие языковые группы не репрезентированы в языковом ландшафте.

Исследования в различных городах и регионах (см., например: [Gorter, 2006; Gorter et

al., 2012; Shohamy et al., 2010]), и особенно в современных мегаполисах, так называемых глобальных городах с присущим им «суперразнообразием» (superdiversity) [Blommaert, Rampton, 2011; Ben Rafael, Ben Rafael, 2016], показали, что многоязычие полиэтнического населения накладывает отпечаток на визуальную языковую среду и превращает ее в важный источник информации о том, как происходит взаимодействие между различными этническими и социальными группами и как они рассредоточены в городском пространстве, а также как изменяется ситуация во времени, что очень важно для изучения миграционных процессов. Для понимания языкового ландшафта Санкт-Петербурга важно, что присутствие языков мигрантов в публичном пространстве вызывает то или иное отношение у принимающего сообщества, становясь важным фактором в развитии социальной ситуации.

Исследование языковых практик мигрантов предполагает, что во взаимодействии участвует несколько языков, хотя какой-то из языков мигрантов может превалировать, как, например, турецкий в Генте [Blommaert, Maly, 2014]. Более того, коммуникация может осуществляться на многих языках одновременно — это так называемые стратегии транслангвизма (translanguaging), или метролингвизма (metrolingualism), когда различные языки и элементы языков свободно задействуются говорящими потому, что стали неотъемлемой частью их речевого репертуара и множественной идентичности [Otsuji, Pennycook, 2009]. Становится ли какой-то еще язык, кроме русского, лингва франка среди мигрантов?

При изучении языкового ландшафта важно учитывать, на кого ориентированы графические сообщения. В зависимости от ориентации на двуязычных носителей или группы с разными родными языками вывески на двух и более языках могут дублировать содержание друг друга или привносить дополнительную информацию [Backhaus, 2007]. Языки мигрантов в европейских и американских городах зачастую не только служат для коммуникации внутри мигрантского сообщества, но и становятся своего рода «вывеской», формой репрезентации сообщества вовне. Так, широкое распространение этнической кухни и товаров (одежды, украшений, продуктов питания и т.д.) ведет к тому, что вывески и реклама с использованием языков меньшинств превращаются в средство мар-

кетинга, привлечения не только «своей», но и «внешней» аудитории — представителей языкового большинства [Troyer et al., 2015]. Сходным образом складывается языковой ландшафт в туристических зонах, когда информация для туристов дублируется на английском или другом распространенном языке [Bruyèl-Olmedo, Juan-Garau, 2010].

Как в городском пространстве пересекаются официальная языковая политика «сверху» и «народная» языковая политика, агентами которой выступают простые носители языка?¹ Очевидно, что языковой ландшафт неоднороден, в нем сосуществуют: официальные знаки, указатели и таблички фабричного изготовления, регулируемые государственными органами; коммерческая реклама различной степени профессиональности (от гигантских билбордов до распечатанных на черно-белом принтере листовок и объявлений на асфальте); частные объявления (в том числе и рукописные); граффити².

Таким образом, исследование языкового ландшафта позволяет не просто оценить языковую ситуацию в конкретном населенном пункте, но и получить представление о режимах использования языков [Blommaert, 2013] и конфигурации отношений между их носителями.

Миграция и городское пространство: особенности российских мегаполисов

Глобальные города немислимы без мигрантов и их невидимого труда [Sassen, 1991], неизбежно трансформирующих городское пространство. Трансграничная миграция привносит новое как в практики самих мигрантов, так и в культуру принимающего сообщества. Мигранты способствуют изменению городской среды, включаясь в функционирование публичных пространств: парков, улиц, рынков и др. [Vertovec, 2011; 2015].

Влияние миграции на городскую среду на протяжении нескольких десятилетий рассматривается с точки зрения формирования

этнических районов [Massey, Denton, 1988; Massey, 2012]. В результате пространственной сегрегации мигрантов формируются этнические анклавов, откуда не могут выбраться мигранты, не обладающие существенными экономическими ресурсами и социальным капиталом. В то же время некоторые исследователи подчеркивают, что этнические кварталы или пригороды сами становятся источником социального капитала для мигрантов, не стремящихся сменить недорогой район со знакомыми условиями. По крайней мере для части населения проживание в этническом анклавов оказывается выгодным (например, для работников-мужчин, но не для женщин в нью-йоркском Чайна-тауне [Zhou, Logan, 1989], для ранних волн кубинских беженцев и их детей [Portes, Shafer, 2007]).

Распределение мигрантов в российских городах не позволяет говорить о формировании этнических анклавов. В Москве не происходит формирования ярко выраженных этнических районов, и мигранты расселяются в разных районах города в соответствии с ценами на аренду жилья [Вендина, 2005; 2009], ориентируясь, прежде всего, на близость к месту работы [Деминцева, Пешкова, 2014], хотя возникают, по-видимому, дополнительные барьеры при аренде жилья для мигрантов, связанные со статусом места [Вендина, 2009, с. 54]. Проживание в одном квартале не является постоянным — мигранты достаточно часто переезжают. Различные институции, ориентированные на мигрантов (кафе, медицинские центры и проч.), расположены по всему городу [Пешкова, 2015].

В Санкт-Петербурге отдельные исследования расселения мигрантов не проводились, но наблюдения, сделанные в ходе ряда проектов в 2009–2016 гг., показывают, что здесь также не складывается этнических районов или кварталов. Косвенными показателями распределения мигрантов в разных районах могут быть сведения об учениках без гражданства и учениках разных этнических групп в школах Санкт-Петербурга [Александров, Кондратьев, 2013], также свидетельствующие о том, что нет тенденции к формированию этнических анклавов. Из вышесказанного не следует, что сегрегация не происходит, однако она носит не этнический, а социальный характер: социальная стратификация и имущественная поляризация способствуют сегрегации российских городов [Вендина, 2009].

1 Современное понимание языковой политики не ограничивает ее сферой государственного регулирования, законами и нормативными документами, а также работой по кодификации языка со стороны профессиональных лингвистов. Для него характерен интерес ко всем участникам процесса, включая рядовых пользователей языка. См. об этом [Ricento, 2006; Spolsky, 2009].

2 О специфике граффити и его роли в языковом пейзаже см. в [Pennycook, 2010; Blommaert, 2016].

Другая особенность процессов сегрегации в российских условиях — микрорайонирование. На примере Санкт-Петербурга видно, что в городе практически нет однородных по социальному составу и ценам на недвижимость районов (за единичными исключениями, такими как Крестовский остров). В большинстве центральных и старых спальных районов города чередуются дома или кварталы с невысокой стоимостью и более престижное жилье³. Соответственно, внутри дома или квартала будут перемешаны представители разных этнических групп и небогатые местные жители.

Особый интерес в подобных условиях представляет вопрос о том, как складывается механизм сегрегации в новых районах города, застраиваемых практически «с нуля», так что все обитатели (уроженцы других районов города или внутренние и внешние мигранты) оказываются новыми жителями. Для анализа того, как формируются устойчивые паттерны распределения языков на примере языкового ландшафта внутри новых кварталов и как они соотносятся со сходными процессами в старых районах, были выбраны два новых района и один старый.

Данные и метод сбора материала

Для изучения представленности языков мигрантов в городском пространстве Петербурга было необходимо провести сбор визуального материала в тех районах города, где вероятность появления письменной коммуникации не на русском языке наиболее высока, т.е. там, где среди жителей и/или работников высок процент трудовых мигрантов. Хотя устойчивых районов с заселением преимущественно этническому принципу в Санкт-Петербурге не формируется, однако в различных частях города мигранты представлены неравномерно.

³ Например, в новой части Адмиралтейского района (метро «Нарвская», ул. Бумажная) среди советской массовой застройки присутствуют новые дома (точечная застройка, огороженная территория, относительно высокая стоимость), а также расселенное общежитие, служившее жильем для мигрантов во время полевой работы одного из авторов в рамках исследований Лаборатории социологии образования и науки НИУ ВШЭ в 2009 г. Жизнь обитателей расселенного дома и соседней новостройки практически не пересекается.

Для анализа было выбрано три объекта: два микрорайона недавней застройки на границах города и микрорайон в центре города:

1. Девяткино (Калининский район и п. Бугры Ленинградской области, станция метро и железнодорожная платформа Девяткино).

2. Парнас (Приморский район, станция метро «Парнас»).

3. Рынок «Апраксин двор» и прилегающие к нему улицы и дворы (Адмиралтейский район, станция метро «Сенная»).

Выбор именно этих районов продиктован количеством проживающих и работающих в них мигрантов по данным предварительных наблюдений авторов, а также стремлением рассмотреть, как мигрантские практики, с одной стороны, вписываются в центр города, а с другой — формируют новую среду в микрорайонах, возникших в последние годы. Парнас и Девяткино — районы активной многоэтажной недорогой застройки, создающей рабочие места для мигрантов. Торговля на рынках вокруг Сенной площади — Сенном рынке и Апраксином дворе — популярное место работы представителей разных этнических групп РФ и мигрантов из других стран, многие работники арендуют недорогое жилье поблизости от рынка. Таким образом, обследуемые микрорайоны в равной мере являются центрами притяжения для мигрантов, однако этнический состав и тип их занятости различаются: в новых микрорайонах преобладают строители из Средней Азии, тогда как вокруг Апраксина двора живут приезжие с Кавказа, из Китая и Вьетнама, занятые в торговле.

Перед тем как перейти к изложению результатов этнографического наблюдения, необходимо сделать несколько уточнений по процедуре сбора данных и указать на определенные ограничения данного исследования. Серия этнографических наблюдений проходила в сентябре — декабре 2016 г. и предполагала фиксирование в дневнике, обсуждение и фотографирование вывесок, указателей, объявлений, рекламных плакатов, ценников в магазинах, меню в кафе и закусочных, на языках, отличных от русского или на русском с использованием специфических визуальных средств.

В ходе полевой работы фиксировались знаки, вывески и надписи различной природы и степени профессиональности/официальности: вывески и витрины магазинов, кафе, парикмахерских, отделений банков и других коммерческих заведений; ценники,

меню и объявления внутри заведений; административные указания внутри торговых центров и различного рода временные или постоянные таблички; рекламные объявления, в том числе временная нелегальная реклама, нанесенная на стены или асфальт по трафарету, рекламные листовки на столбах и других поверхностях, написанные от руки объявления. При этом, однако, не рассматривались традиционные для анализа языкового ландшафта официальные знаки, поскольку они содержат только русский язык, к которому дополнительно в центре города могут добавляться транслитерация или перевод на английский язык. Какие именно вывески дублируются, где проходит граница районов с репрезентацией для туристов и каковы принципы транслитерации и перевода — все это интересные вопросы для анализа, однако непосредственно не связанные с коммуникацией с мигрантами, и потому соответствующие элементы языкового ландшафта оказались за пределами данного исследования.

Еще одно уточнение связано с количественным анализом данных. В работах по языковому ландшафту нередко используют количественные методы, например, считают и сопоставляют количество вывесок на миноритарных языках на определенной улице или в том или ином районе. Однако в последние годы подобная методология, фокусирующаяся на синхронной механической фиксации и игнорирующая этнографическую составляющую графической коммуникации, подверглась обоснованной критике [Blommaert, 2016b]. Кроме того, для наших материалов количественный подход не имеет особого смысла: забегая вперед, надо сказать, что интересные языки практически не представлены на постоянных вывесках и изготовленных промышленным способом объявлениях, поэтому будут рассматриваться вывески на русском, тем или иным способом репрезентирующие этнический статус заведения, а также достаточно редко встречающиеся элементы публичной коммуникации на языках мигрантов, не являющиеся при этом названиями, уличными витринами заведений или постоянными объявлениями.

При анализе мы учитывали не только язык сообщения, но и выбор графики для используемого языка и визуальные средства — символические изображения, цветовое решение, выбор шрифтов и т.д. Мы отмечали в дневнике и на фото, в равной ли степени представ-

лены языки в двуязычных объявлениях и как они расположены относительно друг друга.

К сожалению, выбранный метод — наблюдение и фотофиксация — не позволяет в полной мере понять, используют ли информацию вывесок на узбекском языке носители других тюркских языков, как и в целом прояснить рецепцию объявлений на узбекском мигрантами. В дальнейшем мы предполагаем интервью с комментариями мигрантов к нашим фотоматериалам⁴.

Предполагавшиеся в начале полевой работы различия районов Девяткино и Парнас оказались менее существенными с точки зрения языкового ландшафта, поэтому далее данные по этим двум районам рассматриваются вместе. Из многочисленных этнических групп, представленных в Апраксином дворе, наибольший интерес представляют китайские заведения и соответствующие элементы языкового ландшафта, поэтому этот кейс будет рассмотрен подробнее.

Результаты

Девяткино и Парнас

Как отмечалось ранее, Парнас и Девяткино (рис. 1, 2⁵) были выбраны не только по причине значительной доли видимых меньшинств, но и для анализа того, как складываются практики освоения и организации пространства сквозь призму языкового ландшафта на новом месте, лишенном прежних символов. Хотя современные жилые комплексы возникли поблизости от застроенных ранее территорий (например, дер. Мурино и железнодорожной станции Девяткино), предыдущая история практически не отражена в дискурсе новых жителей и их практиках, а пространства осмысляются во многом как чистое поле — своего рода *tabula rasa* в городе. Соответственно, можно наблюдать, как складываются практики взаимодействия трудовых мигрантов и других видимых меньшинств между собой и с другими жителями и как языковое многообразие района отражается в языковом ландшафте.

4 Мы благодарим за это методологическое предложение одного из анонимных рецензентов журнала.

5 Фотографии сделаны авторами, кроме рис. 5, сделанного для нас К.В. Викторовой. Пользуемся возможностью поблагодарить коллегу.

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 1. Район Парнас, Санкт-Петербург

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 2. Район Девяткино, Санкт-Петербург

Осмысление места этих новых районов в общегородской структуре как в рамках академического урбанистического дискурса, так и в среде горожан еще только начинается. Высота зданий и плотность застройки на фоне отсутствия инфраструктуры могут привести к социальным проблемам в районе. В 2016 г. в «Северной Долине» (Парнас) проживало 30 тыс. человек, к окончанию строительства планируется около 80 тыс. жителей [Бредникова, Запорожец, 2016, с. 106], хотя эта цифра отражает количество покупателей, а не реально проживающих жителей, поскольку оба района относятся к числу тех, где покупают инвестиционные квартиры для дальнейшей сдачи в аренду. Часть квартир в строящихся комплексах Парнаса передаются городу для распреде-

ления среди стоящих на очереди, многодетных семей и семей военнослужащих.

Выбранные кейсы во многом близки между собой, однако обладают некоторыми различиями. Основная часть застройки Парнаса осуществляется в рамках многолетнего проекта одной компании «Северная долина» (другие жилые комплексы составляют незначительную часть новостроек вокруг метро «Парнас»), тогда как в Девяткине нет одного ключевого игрока, и разные девелоперы разрабатывают небольшие участки под застройку. Стоимость жилья при покупке и аренде квартир в обоих районах относительно невелика, хотя в районе Парнас несколько выше за счет городской принадлежности и близости к метро, поскольку жилые кварталы компактно расположены рядом с одноименной станцией «Парнас», тогда как отдаленная часть района Девяткино относится к п. Бугры Ленинградской области, т.е. предполагает областную прописку и поездку на транспорте до метро «Девяткино»⁶. Отнесение к Ленинградской области означает, что объекты инфраструктуры, кроме тех, что запланированы застройщиком, также должны финансироваться из областного бюджета, а не из обладающего большими возможностями городского. В целом, хотя введение инфраструктурных объектов (детских садов, школ и поликлиник) запаздывает по отношению к темпам строительства жилого комплекса, на Парнасе ситуация несколько лучше, тогда как в Девяткине, по оценкам жителей на форумах, она близка к критической. Таким образом, Девяткино считается менее привлекательным районом.

Наблюдения показывают, что типы объявлений и принципы коммуникации в районах Девяткино и Парнас в целом совпадают, поэтому они рассматриваются в одном разделе. Прежде чем перейти к описанию языкового ландшафта, общего для двух новых районов, отметим, что отличия относятся к количеству объявлений. В Девяткине в принципе больше разного рода неформальной рекламы: столбы и заборы вокруг стройплощадок представляют собой палимпсест из бумажных объявлений и нанесенных по трафарету надписей краской, тогда как на Парнасе объявления сосредоточены в основном только в общественной или

⁶ По данным портала «Бюллетень недвижимости», стоимость 1 кв. м на Парнасе составляет от 71 тыс. руб., в Девяткине — от 65 тыс. руб. Режим доступа: <http://www.bn.ru/zhilye-kompleksy> (дата обращения: 10.03.2017).

«ничей» зоне вокруг станции метро (столбы, временные пластмассовые ограждения проезда и т.д.), тогда как стены жилых домов и заборы вокруг действующих стройплощадок пусты, и видны следы закрашенных или содранных бумажных объявлений. Объяснением может служить как относительно более высокий статус района, так и контроль со стороны практически единственного застройщика.

Присутствие мигрантов отражено в пространстве обоих микрорайонов. Первая группа трудовых мигрантов — это участники строительства, обычно проживающие в вагончиках на строительной площадке. Поскольку в обоих районах процесс строительства идет параллельно с вводом уже построенных объектов (и они перемешаны между собой), коммерческие объекты обслуживают как постоянных жителей домов, так и строителей. После окончания строительства состав обитателей района частично меняется, но недорогая аренда жилья делает эти районы местом жительства для многих мигрантов, хотя это несколько иные группы, чем строители, в основном — торговцы из близлежащих магазинчиков и рынков, и др. Среди них выше доля видимых меньшинств из этнических регионов РФ и государств Закавказья, тогда как рабочие на стройке — преимущественно из Средней Азии (Узбекистан, в меньшей степени Таджикистан и Киргизия).

Рассмотрим (не)использование языков мигрантов в языковом ландшафте Девяткина и Парнаса, начиная с объявлений, ориентированных на мигрантов (как внутренних, так и со стороны принимающего сообщества), и заканчивая представлением этнических маркеров для внешнего потребителя. В Девяткине, где в принципе больше объявлений, на заборе можно обнаружить рекламу услуг стоматолога на узбекском: «*Тиш доктори! — тиш олиш, тиш куйиш — Окартириш, тошларини териш — 30 йил малакали доктор*» («Зубной врач! Лечение, удаление, протезирование, отбеливание, удаление зубного камня. Врач с 30-летним стажем» (рис. 3)). На Парнасе элементы узбекского языка в объявлениях появляются только в закрытых помещениях. Например, внутри очень маленького узбекского кафе-пекарни, куда во время наблюдения заходили только другие мигранты из Средней Азии, висит реклама парикмахерской (точнее, телефон и имя парикмахера (Максуд)), а также указана стоимость стрижки, внизу подписано «сартарошхона» (узб. парикмахерская).

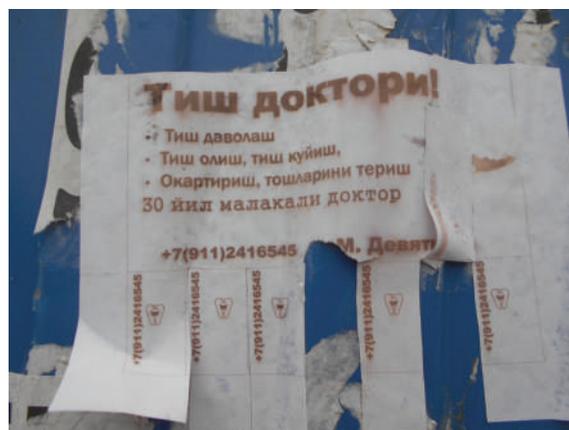

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 3. Реклама услуг стоматолога на узбекском языке в Девяткине

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 4. Реклама секс-услуг на Парнасе

Большая часть неформальных объявлений — реклама секс-услуг в виде разноцветных бумажных объявлений или рекламы на асфальте. Среди имен много «этнических» (Наргиз, Асал и проч.). Такие объявления преимущественно представлены на Парнасе, тогда как в Девяткине встречаются как русскоязычные объявления с «этническими» именами, так и объявления на узбекском: «Якши кизлар. Минг бир юз. руб» («Хорошие девочки. Тысяча рублей»); «Янги кизляр» («Новые девочки») (рис. 4).

Коммерческие объявления со стороны принимающего сообщества написаны исключительно на русском языке, хотя содержание многих из них ориентировано на мигрантов. Примеры в Девяткине: «Временная регистрация от собственника»; «Патент для граждан СНГ»; «Сниму запрет на въезд в Россию» и др. Парнас: «Разрешение на работу. Гражданство РФ. Консультации. Сопровождение» и др. Исключением, таким образом, является только реклама секс-услуг, если предполагать, что это местный бизнес, ориентированный на приезжих, аналогичный предоставлению

полулегальных документов и «сопровождению», позволяющему «снять запрет на въезд в Россию». В примыкающем к Парнасу микрорайоне около метро «Проспект Просвещения» (откуда удобнее добираться транспортом в некоторые жилые кварталы) внутри пункта обмена валюты и быстрого перевода денег за рубеж висит двуязычное объявление на русском и узбекском языках, запрещающее говорить по мобильному телефону в помещении (рис. 5).

В свою очередь, коммерческие предложения для внешнего потребителя со стороны мигрантов, в частности объявления с предложениями ремонта и подобных услуг или вывески и реклама кафе узбекской кухни и пекарен, также выполнены на русском языке, хотя и с элементами оформления, отсылающими к этническому коду (название, похожий на арабскую вязь узор, зеленый цвет и проч.). Возникающие этнические кафе ориентированы не только на представителей этнической группы, но и на всех потребителей.

Апраксин двор

В отличие от новых микрорайонов на окраинах города, микрорайон, включающий в себя рынок Апраксин двор, представляет собой совершенно иную форму городской среды. Для большого числа мигрантов это прежде всего место работы, хотя, как показывают наблюдения, этим набор его функций не исчерпывается. Пространственная организация также оказывается совершенно иной.

Апраксин двор (известный среди жителей города как «Апрашка») существует с середины XVIII в.; квартал, ограниченный Садовой улицей, Апраксиным переулком, набережной Фонтанки и ул. Ломоносова, был одним из крупнейших европейских рынков, а основная часть его застройки с торговыми рядами и павильонами относится ко второй половине XIX в. Все попытки властей города реконструировать Апраксин двор, сделав его современной инвестиционной зоной и переводя основную торговлю в торговые центры на окраины города⁷, не имели успеха. Жителями и гостями города, как показывают статьи в СМИ и комментарии к публикациям об Апраксином дворе в Интернете, рынок

воспринимается по-разному: для одних это «раковая опухоль», «клоака», «мерзкое торжище», набитое «толпами кишлачных баранов» и «оголтелыми покупателями китайских отбросов», для других — удобное и привычное место покупки «дешевых, но при этом довольно качественных товаров», для третьих — еще одна туристическая достопримечательность, «колорит», «часть истории», где ты «оказываешься в 90-х»⁸. По выражению одного из журналистов, «рынок сейчас напоминает Вавилонское столпотворение: цыгане, кавказцы, китайцы, вьетнамцы — кого тут только нет <...> ароматы восточной кухни, вонь от нечистот, грязь и бесконечная аляповатая реклама»⁹.

Помимо непосредственно торговых павильонов и уличных рядов Апраксин двор предоставляет своим посетителям и работникам широкий набор услуг. Здесь представлены заведения общепита, ремонтные и пошивочные мастерские, парикмахерские, салоны красоты, тату-салоны и т.д. Многие из них имеют этнический характер и, как правило, расположены в невидимых с улицы коридорах и закоулках исторической застройки, образуя как бы «второе дно» популярного рынка. Языковой ландшафт также меняется в зависимости от того, насколько открытой и публично ориентированной является коммуникация.

Основная часть рекламных и информационных объявлений на уличной территории Апраксина двора выполнена по-русски. Исключением является использование латиницы в части рекламных плакатов, причем чаще всего имеет место именно транслитерация русских слов (или, наоборот, кириллическая транслитерация английских слов), а не перевод на английский или другой язык¹⁰. Если в названиях магазинов, расположенных

7 С этой целью в 2008–2009 гг. был построен и открыт Гражданский рынок в Калининском районе на ул. Руставели, однако к анонсированному закрытию «Апрашки» это не привело.

8 Режим доступа: <http://www.ipetersburg.ru/apraksin-dvor-aprashka/> (дата обращения: 08.02.2017). Характерно, что максимально негативные отзывы об Апраксином дворе принадлежат достаточно обеспеченным жителям близлежащих домов, которых оскорбляет такое соседство. Характерное для Петербурга отсутствие пространственной сегрегации, о котором уже шла речь выше, воспринимается в данном случае как проблема.

9 Режим доступа: <https://ok-inform.ru/stroitelstvo/29205-apraksin-dvor-nashi-dni.html> (дата обращения: 08.02.2017).

10 Единственное исключение — полный перевод рекламного баннера одного из безымянных кафе на финский язык.

на близлежащих улицах, и в их ассортименте товаров нередко используются английские слова (чаще всего связанные со сферой компьютерной техники: digital, mp3 players, Ipad и т.п.), на территории Апраксина двора представлены, с одной стороны, например, “flash-opt” и “pled”, т.е. записанные латиницей русские слова «опт» и «плед», а с другой — «дэнс-шик», где английское dance записано кириллицей. По-видимому, здесь имеет место не переключение кодов, а лишь частичное копирование иностранных слов, однако подробное рассмотрение подобных случаев выходит за рамки данного исследования.

В остальных наружных объявлениях используется исключительно кириллическая графика. По-русски рекламируются и различные этнические кафе: «Кафе халал Баракат. Восточная кухня. Шаверма. Горячие лавашки. Выпечка из печи». Среди перечисленных в рекламе блюд — как общеизвестные манты, плов, лагман и шурпа, так и куда менее популярные мастава (узбекский суп) и куротоб (написанный как «куротоп», одно из главных блюд таджикской кухни). Название «Баракат» (араб. благословение, достаток) выполнено зеленым шрифтом, «халал» (т.е. соответствие продуктам и технологии их приготовления требованиям ислама) упоминается трижды, таким образом, акцентируется не конкретная этническая группа (узбеки или таджики), а принадлежность к общей религиозной конфессии и условной «восточной» культурной парадигме (рис. 6). Очевидно, что данное заведение ориентируется на разные группы клиентов, а не только на «свою» этническую группу.

Отдельного комментария заслуживает частота встречающаяся характеристика того или иного заведения как *халального*. В Апраксинском дворе соседствуют оба варианта написания: «халал» и «халаль» (отражающие разные варианты записи арабских заимствований), но каждое конкретное заведение придерживается какого-то одного. При этом «Халаль» может использоваться даже вместо названия кафе (рис. 7).

Использование символических визуальных средств, а не непосредственно лингвистических для привлечения внимания как «внутренней», так и «внешней» аудитории характерно для маркетинговых стратегий этнических заведений Апраксина двора. Типичный пример — кафе «Шахмар», название которого выполнено шрифтом, стилизованным под арабскую вязь (рис. 8). Единственный

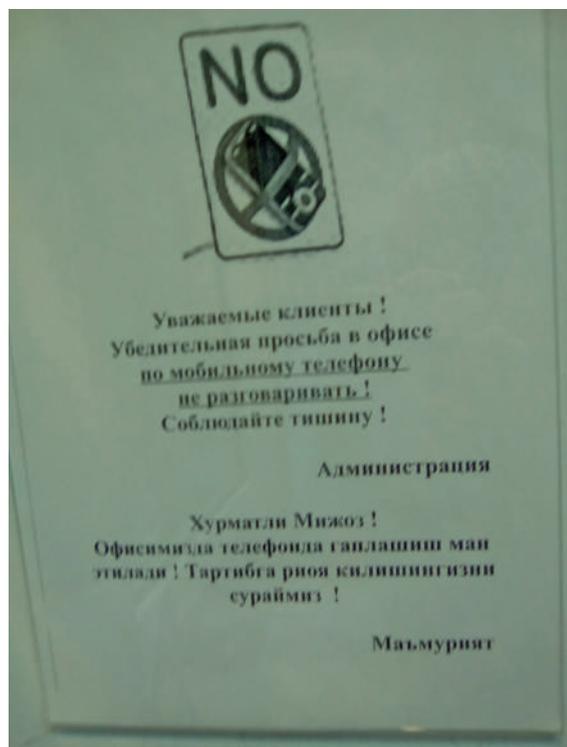

Фото © К.В. Викторова

Рис. 5. Объявление на русском и узбекском языках в пункте обмена валюты рядом с метро «Проспект Просвещения»

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 6. Реклама этнического кафе «Баракат» на рынке Апраксин двор, Санкт-Петербург

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 7. Кафе «Халяль», Апраксин двор

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 8. Кафе «Шахмар», Апраксин двор

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 9. Парикмахерская, Апраксин двор

случай, когда язык мигрантов (узбекский) встречается в открытом публичном пространстве Апраксина двора, — вывеска, на которой ниже написанного в два раза более крупным желтым шрифтом слова «парикмахерская» белыми буквами выведено «сартарошхонаи «Ходжи Мирзо»» (узб. «парикмахерская») (рис. 9). Фотография мужчины-модели на вывеске не имеет явно выраженных отсылок к этнической принадлежности.

В закрытой части Апраксина двора — в коридорах второго и третьего этажей, куда обычно не доходит большинство посетителей, так как там практически нет торговых точек с обычным рыночным ассортиментом, — языковой ландшафт меняется. Наряду с русскоязычными объявлениями и рекламой здесь возникают дублирующие надписи на китайском, а также плакаты и распечатанные на принтере объявления, полностью выполненные на китайском языке. В непосредственной близости здесь находятся магазин «восточных» продуктов (китайские, корейские, вьетнамские специи, соусы, лапша и т.п.), китайское кафе и парикмахерская. Из этих трех объектов парикмахерская представляется наиболее «закрытой» с коммуникативной точки зрения: все рекламирующие ее объявления, как и надписи непосредственно на входе (кроме информации о местоположении — корпус, этаж и секция), сделаны исключительно на китайском языке, а в рекламе используются азиатские лица (с модной в Восточной Азии «европеизированной» внешностью и осветленными волосами) (рис. 10). В магазине подписи к товарам выполнены по-китайски, русскими можно счесть лишь обозначения цен: «150 р», «220 р».

Китайское кафе под названием «China столовая» (т.е. сочетание английского и русского слов) представляет собой наиболее интересный случай. В его рекламе, которую можно увидеть на улице у входа в здание, «китайскость», помимо англоязычного определения, обозначается только символическим изображением палочек для еды и, возможно, некоторой стилизацией букв в сторону иероглифических изображений (рис. 11). Баннер у входа в кафе на втором этаже, в отличие от «внешнего» баннера, содержит уже повторяющееся (по обе стороны от русского слова «столовая») китайское название. При этом китайский язык начинает как бы диктовать правила игры: надпись сделана вертикально, столбиком, традиционным для Китая спосо-

бом письма, и русское слово в центре также записывается сверху вниз (рис. 12). Внутри кафе китайские надписи доминируют, они крупнее и встречаются чаще, чем русский перевод, и все временные надписи (меню дня, записанное мелом на доске, принятые заказы, которые фиксируются в тетради) делаются только по-китайски. В некоторых случаях переводы названий блюд на русский язык («обложка кулинария») свидетельствуют, что их делал не носитель русского языка, и в целом ситуация напоминает использование русского языка в ориентированных на русских туристов приграничных городах Китая, таких как Маньчжурия (см. [Федорова, 2014]).

Наконец, еще один пример использования китайского языка в «закрытом» пространстве Апраксина двора — выполненный от руки иероглифами перевод объявления о запрете курения (рис. 13), который выглядит как попытка администрации здания, отчаявшейся призвать к порядку китайцев-курильщиков, прибегнуть к помощи носителей китайского языка (китайская надпись сделана скорописью, но текст не переведен полностью и буквально по-китайски написано только «курить запрещено»).

Прилегающие к Апраксину двору улицы и дворы с точки зрения языкового ландшафта в большей степени напоминают Девяткино и Парнас, точнее, их «открытые» участки. Здесь также ориентированные на мигрантов объявления («Регистрация в РФ») пишутся исключительно по-русски, и только реклама секс-услуг, помимо «этнических» имен, иногда задействует узбекский язык.

Дискуссия

Успешная интеграция — двусторонний процесс, предполагающий вовлечение и принимающего сообщества, и новых жителей [Малахов, 2014]. По-видимому, в Петербурге проникновение новых практик в жизнь принимающего сообщества все же происходит, хотя преимущественно в сфере питания: заведения среднеазиатской кухни последнее время стали чаще встречаться и, что важнее, это уже не только ларьки с шавермой, но и кафе/рестораны для среднего класса, небольшие будки с выпечкой из тандыра — не только на рынках «для своих», но и на улицах обычных районов. Само слово *тандыр* за последние годы вошло в лексикон горожан. Однако разнообразие российских городов

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 10. Вывеска парикмахерской в «закрытой» части Апраксина двора

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 11. Уличный рекламный баннер китайского кафе «China столовая»

повышается достаточно медленно по сравнению с другими мегаполисами — повседневная реальность Лондона, например, как ее описывает Д. Блок [Block, 2006], выглядит гораздо более пестрой и визуальной, и лингвистически, чем описанная выше ситуация.

Парадоксальным образом, несмотря на широкое обсуждение темы миграции, мас-

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 12. Баннер у входа в кафе, Апраксин двор

Фото © Влада Баранова, Капитолина Федорова

Рис. 13. Объявление о запрете курения в «закрытой» части Апраксина двора

штабы изменений, по-видимому, не осознаются принимающим сообществом. Публичные дискуссии о миграции часто принимают

ксенофобский характер, а в центре внимания оказываются проблемы границ и регулирования численности мигрантов, но не вопросы о том, как должна быть организована городская жизнь для интеграции приезжих из регионов и других стран, кто приезжает и что нового они привносят в городскую культуру.

Исследования показывают, что представленность мигрантов в публичном пространстве Москвы не соответствует их численности и участию в экономической жизни больших городов. Мигрантские сети функционируют как своего рода «второе общество» [Тюрюканова, 2009] (см. более подробное описание разных типов мигрантских сообществ в работе [Варшавер, Рочева, 2014]). Официальная языковая политика не предполагает каких-то специальных норм и программ языковой поддержки для мигрантов, более того, публикация, например, данных переписей населения способствует поддержанию «монолингвального фасада» [Baranova, Fedorova, forthcoming]. Согласно переписи 2010 г., около 96% населения Москвы и более 92% населения Санкт-Петербурга, указавшие свою национальную принадлежность, являлись русскими, а знание русского языка декларировали более 99% жителей как Москвы, так и Петербурга.

Результаты изучения языкового ландшафта Петербурга в целом подтверждаются данными социологических исследований. Языки мигрантов очень мало, непропорционально их доле в населении, представлены в городском пространстве. По сути, в общедоступном ландшафте оказываются лишь весьма специфические объявления о секс-услугах и, очень редко, двуязычная реклама, прочие адресованные мигрантам сообщения обходятся без использования лингвистических ресурсов. Данная ситуация не является типичной, хотя подобные примеры и встречаются в научной литературе. Например, в небольшом городе в штате Орегон (США) более 30% испаноязычных жителей, но доля испанского языка в языковом ландшафте значительно меньше, и он присутствует только в определенных зонах — мексиканском ресторане, этнических магазинах и т.п. [Troyer et al., 2015]. Такое «угнетение» языков мигрантов может рассматриваться как результат сознательной языковой политики, причем чаще всего на низовом, муниципальном уровне [Backhaus, 2012]. Еще один характерный пример — значимое отсутствие азербайджанского языка и доминирование фарси в языковом ландшафт

те иранского города Табриз, где живет около 2 млн азербайджанцев [Mirvahedi, 2016], что связано с весьма жесткой языковой политикой.

Внутренняя коммуникация, в меньшей степени предназначенная для глаз носителей языка большинства, более разнообразна. При этом интересный момент связан с выбором языка. Все не слишком многочисленные встреченные объявления или фрагменты двуязычных объявлений (помимо случая китайских материалов Апраксина двора) написаны на узбекском и на кириллице с минимальным использованием специальных символов для передачи фонем, отсутствующих в русском. Интерес представляет выбор как языка, так и алфавита.

Узбекский — язык наиболее значительной в количественном отношении группы мигрантов в Санкт-Петербурге¹¹, однако объявления на узбекском могут быть адресованы не только этническим узбекам. С одной стороны, тюркские языки достаточно близки между собой, и носители киргизского и азербайджанского языков частично понимают эти объявления. С другой стороны, длительные языковые контакты привели к тому, что часть киргизов (языковое меньшинство в Узбекистане, в первую очередь в Ферганской долине) владеет узбекским, а в таджикском (иранская группа) много заимствований из узбекского. Однако выбор именно узбекского в качестве своего рода общетюркского койне отражает влияние этой этнической группы. Наблюдения авторов за коммуникацией на форумах, предназначенных для узбекских мигрантов, показывают, что носители других тюркских языков также используют эти сайты и, по-видимому, стремятся писать на узбекском¹².

Использование латиницы или кириллицы — один из дискуссионных моментов в

Узбекистане. Хотя в 1993 г. был принят закон «О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике», де-факто в стране используются обе системы письма [Schlyter, 1998]. Например, на сайте правительства Узбекистана можно выбрать узбекскую страницу в латинской и в кириллической транскрипциях, тогда как виртуальная приемная президента представлена только на кириллице, а единый интерактивный портал государственных услуг — только на латинице¹³. Выбор именно кириллицы в объявлениях в Петербурге может быть связан как с тем, что в бытовой сфере в Узбекистане кириллица по-прежнему более распространена, так и с влиянием русского языкового окружения, стремлением «не выделяться».

Анализ письменной коммуникации в языковом ландшафте Петербурга с точки зрения ее направленности (т.е. с учетом того, кто создает соответствующие сообщения и кто является их адресатом) показывает следующее: в абсолютном большинстве случаев использования языков мигрантов и адресантом, и адресатом текста оказываются носители этих языков, т.е. коммуникация ограничена внутренним кругом мигрантского сообщества и не направлена на взаимодействие с языковым большинством, более того, ее непубличный характер позволяет этому большинству игнорировать существование в городе иных языков помимо русского.

В ситуации, когда направленное на мигрантов сообщение инициировано носителями русского языка, и особенно если оно направлено «сверху вниз» (от представителей власти или непосредственного руководства), с высокой вероятностью будет использован русский язык. В отдельных случаях возможно привлечение посредников из числа носителей языков меньшинства для дублирования сообщений на соответствующий язык, но в целом «низовая» языковая политика как бы предполагает, что мигрант обязан владеть русским языком (на «высоком» законодатель-

11 По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, узбеки составляли самую крупную группу из числа прибывших в СПб из стран СНГ (10 992 из 28 449 в 2012 г., 27 867 из 56 497 в 2013 г. и 28 355 из 62 120 в 2014 г. соответственно) и лишь в последние годы уступили гражданам Украины, Казахстана и Белоруссии, одновременно возросло число убывших граждан Узбекистана. Режим доступа: <http://petrostat.gks.ru/> (дата обращения: 11.03.2017).

12 Мы благодарим М.З. Муслимова, отметившего киргизскую огласовку ряда сообщений «на узбекском» на сайте uzbek.ru.

13 O'zbekiston Respublikasi Hukumat portalini <https://www.gov.uz/uz> и Ўзбекистон Республикаси Хукумат портални. Режим доступа: <https://www.gov.uz/uz> (дата обращения: 25.01.2017).
Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Миромонович Мирзиёевнинг виртуал қабулхонаси. Режим доступа: <https://pm.gov.uz/uz> (дата обращения: 25.01.2017).
Yagona interaktiv davlat xizmatlari portalini. Режим доступа: <https://my.gov.uz/uz> (дата обращения: 25.01.2017).

ном уровне это представление подкрепляется действующей с 2013 г. поправкой к закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»).

Еще одна возможная коммуникативная ситуация — когда язык меньшинства становится частью сообщения, адресованного языковому большинству, — также практически не представлена в языковом ландшафте Петербурга. Как уже упоминалось во введении, для этнических районов и заведений большинства западных городов характерно использование языка этнической группы или его элементов (графики, отдельных слов) для привлечения клиентов к товарам и услугам, воспринимаемым как этнические¹⁴. Однако в петербургском языковом ландшафте языки меньшинств в рекламных целях используются крайне ограниченно: это или сообщения, адресованные своей этнической группе (или нескольким этническим группам в случае использования узбекского языка как лингва франка), или сообщения, не использующие собственно лингвистические средства языков меньшинств, а лишь некоторые культурные стереотипы (цвет, стилизация шрифта, «этнические» названия блюд). В этом смысле весьма характерны различия между «открытой», представленной в общедоступном публичном пространстве коммуникацией и «закрытой», ориентированной на членов группы, существующей в основном в закрытых помещениях и вдали от посторонних глаз. Двухязычные знаки в этом смысле являются дублирующими в терминологии Бакуса [Backus, 2007], они направлены на разные группы адресатов и не предполагают билингвального восприятия. Показателен в этом отношении пример китайской столовой в Апраксином дворе, уличная реклама которой не использует китайский язык, тогда как во внутреннем пространстве он явно доминирует, а русский

14 Яркий пример такого рода — Чайна-тауны Лондона, Нью-Йорка, Вашингтона и других городов, в которых двухязычные объявления и реклама — абсолютная норма. Согласно исследованию, проведенному в вашингтонском Чайна-тауне, двухязычные вывески используют 82% китайских заведений и 69% неазиатских заведений района [Lou, 2009].

язык становится вспомогательным средством. Четкая пространственная локализация языков свидетельствует о том, что публичное пространство города не воспринимается его жителями как сфера, в которой уместным и привлекательным стало бы языковое разнообразие.

Заключение

Проведенное исследование репрезентации языков мигрантов в визуальном пространстве Санкт-Петербурга показало, что, несмотря на растущую роль в экономической и социальной жизни города, мигранты оказываются не вполне видимы для его жителей и вынуждены создавать собственную параллельную городскую реальность вне публичного пространства. Тот факт, что языковой ландшафт Санкт-Петербурга не в полной мере репрезентирует существующее в нем языковое разнообразие, отчасти можно объяснить ожиданиями большинства, не готового на данном этапе принять факт сосуществования с другими этноязыковыми группами. Установка на языковое единообразие, неприятие чужой речи, «ломаного языка» — тот фон, на котором происходит взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества.

Анализ языкового ландшафта, таким образом, — не инструмент собственно обнаружения языков, т.е. констатации существующей языковой ситуации, а способ выявления недопредставленности определенных социальных и/или этнических групп. Монолингвальный фасад российского мегаполиса продолжает скрывать за собой повседневное языковое и культурное разнообразие, которое, как и все тайное и скрытое, кажется непонятым и пугающим его жителям. Как может развиваться эта ситуация в дальнейшем? Станет ли Петербург более толерантным к чужой речи? Сможет ли увидеть и принять в себя другие языки и культуры, что было так характерно для него в XVIII и XIX вв.? Как представляется, дальнейшие наблюдения за языковым ландшафтом города и его постепенными изменениями могут помочь в поиске ответов на эти и другие вопросы.

Источники

- Александров Д.А., Кондратьев М.А. Городская сегрегация: модели и перспективы исследования в российских городах: презентация доклада на заседании совместного междисциплинарного семинара Леонтьевского центра, СИ РАН, НИУ ВШЭ и СПб ЭМИ РАН, 12 марта 2013 г. Режим доступа: <http://leontief-centre.ru/UserFiles/Files/ALKon.pdf> (дата обращения: 01.12.2016).
- Бредникова О., Запорожец О. Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов) // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2016. Т. 8. № 2. С. 103–119.
- Варшавер Е., Рочева А. Сообщества мигрантов в Москве: Механизмы возникновения, функционирования и поддержания // Новое литературное обозрение. 2014. № 127 (3). Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5184#sthash.JIRuwHOC.dpuf> (дата обращения: 01.12.2016).
- Вендина О. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Институт географии РАН, 2005.
- Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // *Иммигранты в Москве* / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Три Квадрата, 2009. С. 45–147.
- Деминцева Е., Пешкова В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве // *Демоскоп Weekly*. 2014. 5–18 мая. № 597–598. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?> (дата обращения: 22.01.2017).
- Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетрадь / Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2014.
- Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // *Мир России. Социология. Этнология*. 2015. Т. 24. № 2. С. 129–151.
- Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты в Москве: «второе общество» // *Иммигранты в Москве* / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Три Квадрата, 2009. С. 148–175.
- Федорова К. Маньчжурия: приграничный город – город на экспорт // *Приграничный урбанизм: имперская и постимперская практики*. М.; Улан-Удэ, 2014. С. 126–151.
- Backhaus P. *Linguistic landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
- Backhaus P. *Language policy at the municipal level* // *The Cambridge handbook of language policy* / B. Spolsky (ed.). Cambridge University Press, 2012. P. 226–242.
- Baranova V., Fedorova K. forthcoming Moscow: Diversity in disguise // *Metrolinguistics: urban language life around the world* / P. Heinrich, D. Smakman (eds). (forthcoming).
- Ben-Rafael E., Ben-Rafael M. Berlin's linguistic landscapes: two faces of globalization // *Negotiating and contesting identities in linguistic landscapes* / R. Blackwood, E. Lanza, H. Woldemariam (eds). Oxford: Bloomsbury Academic, 2016. P. 197–212.
- Block D. *Multilingual identities in a global city*. London stories. Palgrave Macmillan, 2006.
- Blommaert J. *Ethnography, superdiversity, and linguistic landscapes: chronicles of complexity*. Bristol: Multilingual Matters, 2013.
- Blommaert J. "Meeting of Styles" and the online infrastructures of graffiti // *Applied Linguistics Review*. 2016a. Vol. 7. No. 2. P. 99–115.
- Blommaert J. The conservative turn in Linguistic Landscape Studies. 2016b. Режим доступа: <https://alternative-democracy-research.org/2016/01/05/the-conservative-turn-in-linguistic-landscape-studies/> (дата обращения: 18.12.2016).
- Blommaert J., Maly I. *Ethnographic Linguistic Landscape Analysis and social change: A case study*. Tilburg Papers in Culture Studies 100. 2014. Режим доступа: https://www.tilburguniversity.edu/upload/6b650494-3bf9-4dd9-904a-5331a0bcf35b_TPCS_100_Blommaert-Maly.pdf (дата обращения: 18.12.2016).
- Blommaert J., Rampton B. *Language and Superdiversity* // *Diversities*. 2011. Vol. 13. No. 2. P. 1–22.
- Bruyèl-Olmedo A., Juan-Garau M. English as a lingua franca in the linguistic landscape of the multilingual resort of S'Arenal in Mallorca // *International Journal of Multilingualism*. 2010. Vol. 6. No. 4. P. 386–411.
- Gorter D. (ed.) *Linguistic landscape: a new approach to multilingualism*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual matters, 2006.
- Gorter D., Marten H., Mensel van L. (eds) *Minority languages in the linguistic landscape*. Palgrave Macmillan, 2012.
- Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16. P. 23–49.
- Lou J. *Situating linguistic landscape in time and space: A multidimensional study of the linguistic construction of Washington, DC Chinatown*. PhD thesis, Georgetown University. 2009.
- Massey D. Reflections on the Dimensions of Segregation // *Social Forces*. 2012. Vol. 91. No. 1. P. 39–43.

- Massey D., Denton N. The dimensions of residential segregation // *Social Forces*. 1988. Vol. 67. No. 2. P. 281–315.
- Mirvahedi S.H. Linguistic landscaping in Tabriz, Iran: a discursive transformation of a bilingual space into a monolingual place // *International Journal of the Sociology of Language*. 2016. Vol. 242. P. 195–216.
- Otsuji E., Pennycook A. Metrolingualism: fixity, fluidity and language in flux *International Journal of Multilingualism* 2010. Vol. 7. No. 3. P. 240–254.
- Pennycook A. *Language as a local practice*. Routledge, 2010.
- Piller I. (ed.) *Language and migration*. L.: Routledge, 2016.
- Portes A., Shafer S. Revisiting the enclave hypothesis: Cuban Miami twenty-five years later // *The Sociology of Entrepreneurship (Research in the Sociology of Organizations)*. Vol. 25 / M. Ruef, M. Lounsbury (eds). Emerald Group Publishing Limited, 2007. P. 157–190.
- Ricento Th. *Language policy: theory and practice: an introduction* // *An introduction to language policy: theory and method* / Th. Ricento (ed.). Malden: Blackwell, 2006. P. 10–23.
- Sassen S. *The global city*. New York, London, Tokyo. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991.
- Schlyter B.N. New language laws in Uzbekistan // *Language Problems & Language Planning*. 1998. Vol. 22. No. 2. P. 143–181.
- Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds) *Linguistic landscape in the city*. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual matters, 2010.
- Spolsky B. *Language management*. Cambridge University Press, 2009.
- Troyer A., Cáceda C., Giménez Eguívar P. Unseen Spanish in small-town America: a minority language in the linguistic landscape // *Conflict, exclusion and dissent in the linguistic landscape* / R. Rubdy, S. Said (eds). Palgrave Macmillan, 2015. P. 52–76.
- Vertovec S. Migration and new diversities in global cities: comparatively conceiving, observing and visualizing diversification in urban public spaces: MMG Working Paper 11-08. 2011. Режим доступа: http://pubman.mpg.de/pubman/item/escidoc:1388649:3/component/escidoc:1388648/WP_11-08_Vertovec_GlobaldiverCities.pdf (дата обращения: 18.01.2017).
- Vertovec S. (ed.) *Diversities old and new: migration and socio-spatial patterns in New York, Singapore and Johannesburg*. Palgrave Macmillan, 2015.
- Zhou M., Logan J.R. Returns on human capital in ethnic enclaves: New York City's Chinatown // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. No. 5. P. 809–820.

VLADA BARANOVA, KAPITOLINA FEDOROVA
(IN)VISIBILITY AND (NON)EXISTENCE:
LABOR MIGRANTS AND THE ST. PETERSBURG LINGUISTIC LANDSCAPE

References

- Aleksandrov D.A., Kondrat'ev M.A. *Gorodskaja segregaciya: modeli i perspektivy issledovaniya v rossijskikh gorodah*. Prezentaciya doklada na Zasedanii sovmejnogo mezhdisciplinarnogo seminaru Leont'evskogo centra, SI RAN, NIU VShE i SPb EMI RAN, 2013 [Urban segregation: models and perspectives of research in Russian cities. Paper presented on joint interdisciplinary seminar of Leontiev's center, SI of RAS, NRU HSE and SPb EMI RAS]. Available at: <http://leontief-centre.ru/UserFiles/Files/AlKon.pdf>. (accessed 01.12.2016) (In Russian)
- Backhaus P. Language policy at the municipal level. *The Cambridge handbook of language policy* / B. Spolsky (ed.). Cambridge University Press, 2012, pp. 226–242.
- Backhaus P. *Linguistic landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
- Baranova V., Fedorova K. (forthcoming) Moscow: Diversity in disguise. *Metrolinguistics: urban language life around the world* (forthcoming) / P. Heinrich, D. Smakman (eds). (In Russian)
- Ben-Rafael E., Ben-Rafael M. Berlin's linguistic landscapes: two faces of globalization. *Negotiating and contesting identities in linguistic landscapes* / R. Blackwood, E. Lanza, H. Woldemariam (eds). Oxford: Bloomsbury Academic, 2016, pp. 197–212.
- Block D. *Multilingual identities in a global city. London stories*. Palgrave Macmillan, 2006.
- Blommaert J. "Meeting of Styles" and the online infrastructures of graffiti. *Applied Linguistics Review*, 2016a, vol. 7, no 2, pp. 99–115.
- Blommaert J. *Ethnography, superdiversity, and linguistic landscapes: chronicles of complexity*. Bristol: Multilingual Matters, 2013.
- Blommaert J., Maly I. Ethnographic Linguistic Landscape Analysis and social change: A case study. *Tilburg Papers in Culture Studies* 100, 2014. Available at: https://www.tilburguniversity.edu/upload/6b650494-3bf9-4dd9-904a-5331a0bcf35b_TPCS_100_Blommaert-Maly.pdf. (accessed 18.12.2016)
- Blommaert J., Rampton B. Language and Superdiversity. *Diversities*, 2011, vol. 13, no 2, pp. 1–22.

Vlada Baranova, PhD, Associated Professor of National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg); 55/2, Sedova Street, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: vbaranova@hse.ru

Kapitolina Fedorova, PhD, Associated Professor at the Department of Anthropology, European University at St. Petersburg; 3, Gagarinskaya Street, St. Petersburg 191187, Russian Federation

E-mail: fedorova@eu.spb.ru

Abstract

This article deals with the modern linguistic landscape of St. Petersburg, with a focus on the ways it represents the languages of migrants from Central Asia and China. Linguistic-landscape studies are traditionally believed to reflect the actual linguistic situation in a given region. Nevertheless, actual multilingualism of Russian cities, – resulting, for example, from migration to megalopolises – is not always reflected in the linguistic landscape, since both official language policy and a majority's attitudes and linguistic ideologies can prevent such a reflection. This article is based on data gathered in 2016 during fieldwork in different parts of St. Petersburg (Devyatkino, Parnas, and Apraksin Dvor), and it analyzes directions of communication and main domains in which migrant languages can be used in written form and the level to which these languages can be found in observable and open urban spaces. As a result, this study of public signs, advertisements, signboards, and other written communication in the city's public spaces not only provides us with information on languages other than Russian, but it evaluates the roles these languages have to play in the context of a domineering linguistic ideology of monolingualism that officially and popularly does not support language diversity.

Key words: linguistic landscape; migrant languages; language diversity; language policy; language attitudes

Blommaert J. The conservative turn in Linguistic Landscape Studies. 2016b. Available at: <https://alternative-democracy-research.org/2016/01/05/the-conservative-turn-in-linguistic-landscape-studies/>. (accessed 18.12.2016)

- Brednikova O., Zaporozhets O. Veter, ustalost' i romantika nochi (ob osobennostyakh novykh zhilykh massivov) [Wind, tiredness and night romanticism]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanij* [Laboratorium: Journal of Social Researches], 2016, vol. 8, no 2, pp. 103–119. (In Russian)
- Bruyèl-Olmedo A., Juan-Garau M. English as a lingua franca in the linguistic landscape of the multilingual resort of S'Arenal in Mallorca. *International Journal of Multilingualism*, 2010, vol. 6, no 4. pp. 386–411.
- Demintseva E., Peshkova V. Migrants from Central Asia in Moscow. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2014, 5–18 May, no 597–598. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php?> (addressed: 22.01.2017)
- Fedorova K. Man'chzhuriya: prigranichnyj gorod – gorod na eksport [Manzhouli: border city – export city]. *Prigranichnyj urbanism: imperskaya i postimperskaya praktiki* [Border urbanism: imperial and post-imperial practices]. Moscow; Ulan-Ude, 2014, pp. 126–151. (In Russian)
- Gorter D. (ed.) *Linguistic landscape: a new approach to multilingualism*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual matters, 2006.
- Gorter D., Marten H., Mensel van L. (eds) *Minority languages in the linguistic landscape*. Palgrave Macmillan, 2012.
- Landry R., Bourhis R. Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 1997, vol. 16, pp. 23–49.
- Lou J. *Situating linguistic landscape in time and space: A multidimensional study of the linguistic construction of Washington, DC Chinatown*. PhD thesis, Georgetown University, 2009.
- Malakhov V. *Integratsiya migrantov: evropejskij opyt i perspektivy Rossii: rabochaya tetrad'* / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Migrants' integration: European experience and Russia's perspectives: Working paper / Russian Council on International Affairs]. Moscow: Spetskniga [Special book], 2014. (In Russian)
- Massey D. Reflections on the Dimensions of Segregation. *Social Forces*, 2012, vol. 91, no 1, pp. 39–43.
- Massey D., Denton N. The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*, 1988, vol. 67, no 2, pp. 281–315.
- Mirvahedi S.H. Linguistic landscaping in Tabriz, Iran: a discursive transformation of a bilingual space into a monolingual place. *International Journal of the Sociology of Language*, 2016, vol. 242, pp. 195–216.
- Otsuji E., Pennycook A. Metrolinguism: fixity, fluidity and language in flux. *International Journal of Multilingualism*, 2010, vol. 7, no 3, pp. 240–254.
- Pennycook A. *Language as a local practice*. Routledge, 2010.
- Peshkova V.M. Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodah sovremennoj Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Migrant infrastructure in Russian Cities (the case of labour migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. *Mir Rossii. Sociologija. Etnologiya* [The world of Russia. Sociology. Ethnology], 2015, vol. 24, no 2, pp. 129–151. (In Russian)
- Piller I. (ed.) *Language and migration*. London: Routledge, 2016.
- Portes A., Shafer S. Revisiting the Enclave Hypothesis: Miami Twenty-five Years Later. *The Sociology of Entrepreneurship* (Research in the Sociology of Organizations, vol. 25) / M. Ruef, M. Lounsbury (eds). Emerald Group Publishing Limited, 2007, pp. 157–190.
- Ricento Th. Language policy: theory and practice: an introduction. *An introduction to language policy: theory and method* / Th. Ricento (ed.). Malden: Blackwell, 2006, pp. 10–23.
- Sassen S. *The global city. New York, London, Tokyo*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991.
- Schlyter B.N. New language laws in Uzbekistan. *Language Problems & Language Planning*, 1998, vol. 22, no 2, pp. 143–181.
- Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds) *Linguistic landscape in the city*. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual matters, 2010.
- Spolsky B. *Language management*. Cambridge University Press, 2009.
- Troyer A., Cáceda C., Giménez Eguíbar P. Unseen Spanish in small-town America: a minority language in the linguistic landscape. *Conflict, exclusion and dissent in the linguistic landscape* / R. Rubdy, S. Said (eds). Palgrave Macmillan, 2015, pp. 52–76.
- Tyuryukanova E. Trudovye migranty v Moskve: "vtoroe obschestvo" [Labour migrants in Moscow: the "second society"]. *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow] / Zh. Zajonchkovskaya (ed.). Moscow: Tri Kvadrata [Three Squares], 2009, pp. 148–175. (In Russian)
- Varshaver E., Rocheva A. Soobschestva migrantov v Moskve: Mekhanizmy vozniknoveniya, funkcionirovaniya i podderzhaniya [Migrant communities in Moscow: mechanisms of emergence, functioning and maintenance]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], 2014, no 127 (3). Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/5184#sthash.JIRuwH0C.dpuf>. (accessed 01.12.2016) (In Russian)
- Vendina O. Kul'turnoe raznoobrazie i "pobochnye" efekty etnokul'turnoj politiki v Moskve [Cultural diversity and "side effects" of ethno-cultural policy in Moscow]. *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow] / Zh. Zajonchkovskaya (ed.). Moscow: Tri Kvadrata [Three Squares], 2009, pp. 45–147. (In Russian)

- Vendina O. *Migranty v Moskve. Grozit li rossijskoj stolitse etnicheskaya segregatsiya?* [Migrants in Moscow. Is there any threat of ethnic segregation in the capital of Russia?]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovanij Instituta geografii RAN [The Centre of Migration Studies, Institute of Geography RAS], 2005. (In Russian)
- Vertovec S. (ed.) *Diversities old and new: migration and socio-spatial patterns in New York, Singapore and Johannesburg*. Palgrave Macmillan, 2015.
- Vertovec S. *Migration and new diversities in global cities: comparatively conceiving, observing and visualizing diversification in urban public spaces*. MMG Working Paper 11-08, 2011. Available at: http://pubman.mpg.de/pubman/item/escidoc:1388649:3/component/escidoc:1388648/WP_11-08_Vertovec_GlobaldiverCities.pdf. (accessed 18.01.2017)
- Zhou M., Logan J.R. Returns on human capital in ethnic enclaves: New York City's Chinatown. *American Sociological Review*, 1989, vol. 54, no 5, pp. 809–820.

А. ПОРТЕС, М. ЧЖОУ

НОВОЕ ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ:

СЕГМЕНТНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Urban Studies and Practices Vol.2 #1, 2017, 122-141
<https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>

Портес Александро, профессор социологии, директор Центра миграции и развития в Принстонском Университете.

Чжоу Мин, профессор социологии и азиатско-американских исследований, руководитель направления китайско-американских отношений и декан департамента азиатско-американских исследований Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе.

Иммиграция в США в период после 1965 г. привела к появлению большого количества исследований, посвященных взрослым мигрантам. Вместе с тем выводы о перспективах адаптации подрастающего второго поколения мигрантов невозможно делать, ориентируясь только на установки их родителей или опыт инкорпорации детей европейских мигрантов начала XX в. В статье представлены данные о втором поколении мигрантов в наши дни и рассмотрены сложности, с которыми его представители сталкиваются в ходе попыток адаптации в американском обществе. Чтобы отразить разнообразие возможных исходов процесса адаптации, предложен термин «сегментная ассимиляция» (segmented assimilation). Опираясь на концепцию типов инкорпорации мигрантов (modes of incorporation), авторы создают типологию уязвимостей и ресурсов, оказывающих влияние на исход адаптации. Приводятся также эмпирические кейсы, призванные проиллюстрировать теорию и подчеркнуть важность различий социального контекста для адаптации современных мигрантов второго поколения.

Перевод публикуется с разрешения авторов статьи.

Переводчик — А.В. Иосад, научный редактор перевода — Е.А. Варшавер.

*My name is Herb
 and I'm not poor;
 I'm the Herbie that you're looking for,
 like Pepsi,
 a new generation
 of Haitian determination –
 I'm the Herbie that you're looking for.¹*

Мальчик гаитянского происхождения читал свой рэп, выбивая ритм одними руками и слегка пританцовывая. Песню «Прямоком с Гаити» за собственным авторством он исполнял в школе Эдисон, расположенной на границе Маленького Гаити и Либерти-Сити — крупнейшего района проживания афроамериканцев в Майами. В ее тексте ярко отражены особенности мировоззрения, присущего членам его мигрантского сообщества. Внешний вид Маленького Гаити резко контрастирует с мрачным центральным районом города. Витрины магазинчиков в Маленьком Гаити пестрят цветами: ярко-синий, красный, оранжевый; из колонок на тротуарах доносится громкая гаитянская танцевальная музыка². Однако праздничные

1 Меня зовут Херб,
 и я не бедняк.
 Я — тот Херби, которого вы ищете;
 я — как «Пепси»,
 новое поколение
 гаитянского целеустремления,
 я — тот Херби, которого вы ищете.

2 Portes A., Stepick A. City on the Edge: The Transformation of Miami. Berkeley: University of California Press, 1993. Ch. 8.

карибские фасады скрывают конфликт, исход которого определит и будущее этого сообщества. Позже мы увидим, что основными его участниками является второе поколение — дети наподобие Херби, вынужденные иметь дело как с противоречащими друг другу ожиданиями родителей и сверстников, так и с дискриминацией со стороны принимающего общества.

У детей в семьях мигрантов всегда трудное детство. Разрываясь между противоречивыми социальными и культурными нормами, они вынуждены искать пути вхождения в незнакомый и часто враждебный мир. Однако нельзя сказать, что трудности входа везде и всегда одинаковы. Вырасти американцем — это опыт, который может включать в себя как доброжелательное принятие, так и травматичный конфликт. Исход процесса зависит от тех характеристик, которые присущи мигрантам и их детям, а также социального контекста принимающего общества. В статье рассмотрены некоторые из этих факторов и их влияние на процесс социальной адаптации второго поколения мигрантов. Предложена концептуальная основа для понимания данного процесса, подтвержденная на примере отдельных этнографических материалов и данных, полученных в ходе недавнего опроса детей мигрантов.

Исследования «новой волны» иммиграции, начавшейся после вступления в силу Закона об иммиграции (Immigration Act) 1965 г., почти целиком посвящены первому поколению — взрослым мужчинам и женщинам, прибывшим в США в поисках работы или политического убежища. До недавнего времени оставался незамеченным тот факт, что состав прибывающих лиц иностранного происхождения стремительно меняется: на смену одиноким взрослым людям приходят целые семейные группы, в которые входят как дети грудного возраста, так и дети, родившиеся уже в США. К 1980 г. доля детей мигрантов второго поколения, которые находятся на иждивении в семьях, учтенных в ходе переписи населения, достигла 10%³. По данным другого исследования, проведенного в конце 1980-х годов, количество детей в американских детских садах и школах, для которых английский не является родным языком, составило от 3 до 5 млн человек⁴.

Многочисленные исследования иммиграции после 1965 г. и предложенные в них теоретические концепции позволяют лишь в самых общих чертах судить о перспективах и траекториях адаптации второго поколения, ведь его представители зачастую имеют совсем иные взгляды на жизнь, чем их родители. Например, исследователи миграции в целом сходятся в том, что новоприбывшие мигранты без тени сомнения берутся за грубую, неквалифицированную работу, в то время как их дети, выросшие в США, от нее отказываются. Подобные расхождения приводят к тому, что ожидания американских детей мигрантов относительно необходимых материальных условий и карьерных перспектив могут опережать социально-экономические возможности, которые могут предоставить им их родители — мигранты первого поколения⁵.

Вместе с тем литература по адаптации второго поколения, описывающая анализ жизненного опыта потомков иммигрантов периода до Первой мировой войны, не может послужить основой для более точного понимания современных условий. Последним социологическим исследованием детей иммигрантов стала книга Ирвинга Чайлда «Итальянец или американец? Противоречия второго поколения», опубликованная 50 лет назад⁶. Условия того времени значительно отличались от тех, с которыми сталкиваются устоявшиеся группы иммигрантов в наши дни.

Два существенных отличия заслуживают отдельного упоминания. Во-первых, все без исключения потомки европейских иммигрантов, поставленных в ситуацию культурного противоречия, относились к европеоидной расе. Даже если их кожа была немного темнее, чем у

3 Ко «второму поколению» исследователи отнесли детей с хотя бы одним родителем иностранного происхождения или родившихся за границей, но прибывших в США в возрасте младше 12 лет. См.: Jensen L. Children of the New Immigration: A Comparative Analysis of Today's Second Generation / Institute for Policy Research and Evaluation: Working Paper No. 1990-32. University Park: Pennsylvania State University, 1990 (Aug.), сделанную по заказу исследовательского проекта «Дети мигрантов» (Children of Immigrants Research Project) при Университете Джона Хопкинса.

4 First J.N., Carrera J.W. New Voices: Immigrant Students in U.S. Public Schools. Boston: National Coalition of Advocates for Students, 1988. Под родным языком подразумевается язык, на котором дети говорят дома.

5 Piore M. Birds of Passage. N.Y.: Cambridge University Press, 1979; Gans H. Second-Generation Decline: Scenarios for the Economic and Ethnic Futures of the Post-1965 American Immigrants // Ethnic and Racial Studies. 1992 (15 Apr.). P. 173-192.

6 Child I.L. Italian or American? The Second Generation in Conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1943.

представителей местного населения, ее цвет все равно снижал порог входа в американский мейнстрим. За счет этого процесс ассимиляции в большой степени сводился к решению отказаться от культуры мигрантского сообщества в пользу американского уклада. Очевидно, что у современных детей иммигрантов — метисов, чернокожих и азиатов — ситуация иная.

Во-вторых, изменилась и структура экономических возможностей. Пятьдесят лет назад США были ведущей индустриальной державой в мире. Разносторонние потребности в рабочей силе предоставляли второму поколению возможность постепенного перехода к более высокооплачиваемым занятиям с одновременным сохранением принадлежности к рабочему классу. В последние годы в связи с процессом деиндустриализации по всей стране и реструктуризацией мировой промышленности такая возможность в США встречается все реже и реже. В этих условиях люди, только начинающие работать в Америке, сталкиваются с увеличивающейся дистанцией между низкооплачиваемой неквалифицированной работой и профессиональной деятельностью в высокотехнологичных отраслях, требующих высшего образования, которой занимаются члены местных элит⁷. Постепенное исчезновение возможностей мобильности на промежуточных уровнях также влияет на отмеченное выше расхождение между экономическими достижениями мигрантов первого поколения и ожиданиями их детей.

«Новые американцы»: краткий обзор

Прежде чем перейти к подробному анализу этого процесса, необходимо чуть больше сказать о составе второго поколения в наши дни. В 1990 г. число людей, родившихся за границей и проживающих в США, достигло 21,2 млн. В абсолютном выражении это рекорд в истории страны, хотя доля людей иностранного происхождения относительно родившихся в США ниже, чем она была в начале XX в. Сто лет назад, в 1890 г., мигранты составляли 14,8% от общей численности населения, что почти в 2 раза превышает нынешний показатель — 8,6%. Однако если считать иммигрантов как первого, так и второго поколения, их доля окажется существенно выше. По состоянию на 1990 г. около 46 млн человек, или 18,5% от общей численности населения США, относились к этой группе. Таким образом, численность второго поколения составляет 24,8 млн, т.е. 10,9% от населения Америки⁸.

Для оценки размера *нового* второго поколения из этой цифры необходимо исключить потомков иммигрантов предыдущих волн. Группа демографов из Института экономики города (Urban Institute) провела оценку доли иммигрантов, прибывших после 1960 г., включая самих мигрантов и их детей, в общей численности населения США к 1990 г. По их оценкам, если бы в 1960 г. был введен запрет на иммиграцию, общая численность населения в 1990 г. составляла бы 223,4 млн человек вместо 248,7 млн человек, реально проживающих в США и охваченных соответствующей переписью. Таким образом, приток населения за счет иммиграции в период после 1960 г. составил приблизительно 25,3 млн человек. Если на основании оценки тех же исследователей вычесть из общего числа «чистую иммиграцию» в страну за 1960–1990 гг., новое второе поколение, состоящее из детей иммигрантов, прибывших после 1960 г., составляет 7,7 млн человек, т.е. 3,4% от числа людей, родившихся в стране. Следует отметить, что это оценка нижней границы возможной численности второго поколения, основанная на демографической модели, а не на фактическом подсчете. В частности, она не включает детей из семей, в которых один из родителей родился за границей, а второй — в США, их также обычно относят ко второму поколению⁹.

7 См., например: Sassen S. Changing Composition and Labor Market Location of Hispanic Immigrants in New York City, 1960–1980 // Hispanics in the U.S. Economy / G.J. Borjas, M. Tienda (eds). N.Y.: Academic Press, 1985. P. 299–322.

8 Passel J.S., Edmonston B. Immigration and Race: Recent Trends in Immigration to the United States: Paper No. PRIP-UI-22. Urban Institute, 1992 (May). Table 2.

9 К «новой иммиграции» относятся те, кто прибыл после вступления в силу Закона об иммиграции 1965 г. Включение мигрантов за период 1960–1965 гг. в подсчет приводит лишь к незначительному увеличению общей оценки за счет сравнительно низкого уровня иммиграции до принятия закона. (Там же. Табл. 9).

Однако более важной является перспектива роста этой группы в ближайшие годы. Учитывая рекордный рост иммиграции с 1960 г., ожидается, что размер второго поколения в целом будет увеличиваться быстрыми темпами и в ближайшее десятилетие превысит свой прежний максимум – около 28 млн человек – достигнутый в 1940 г. Однако, как уже отмечалось ранее, расовый и этнический состав той части второго поколения, которая относится к иммиграции в период после 1960 г., существенно отличается от состава того второго поколения, чей пик пришелся на конец 1930-х годов. Более 85% детей иммигрантов в 1940 г. были детьми европейцев, или, согласно нынешней терминологии, белых нелатиноамериканского происхождения. Напротив, приблизительно 77% иммигрантов, прибывших после 1960 г., не относятся к европейцам. Из иммигрантов, прибывших после 1960 г., 22,4% относятся к числу азиатов, 7,6% — к чернокожим и 47% — к латиноамериканцам. Последняя группа, в которую входят уроженцы Мексики и других стран Латинской Америки, представляет проблему с точки зрения фенотипической классификации, поскольку среди латиноамериканцев встречаются представители всех рас¹⁰.

По данным переписи 1990 г., 51,7% из 22,3 млн латиноамериканцев относились к белым, 3,4% — к чернокожим и 42,7% — к другим расам. Последняя группа, которая, возможно, соответствует категории людей смешанной расы или метисов, в несколько большей степени представлена среди мексиканцев, доля которых составляет 60,4% от общего латиноамериканского населения. Исходя из этих цифр, с некоторыми корректировками, разумно предположить, что примерно половина латиноамериканских иммигрантов после 1960 г. относится к небелому населению. В таком случае эта фенотипическая категория составляет большинство (примерно 54%) от общего притока.

На момент написания настоящей статьи отдельные данные переписи 1990 г. еще не были опубликованы. Чтобы получить больше информации о новом втором поколении, Лейф Дженсен (Leif Jensen) провел анализ выборки объемом в 0,1% населения из сборника данных переписи 1980 г. (Public Use Microdata Sample A – PUMS). Он выявил 3 425 детей, родившихся за границей или въехавших в США в раннем возрасте и проживающих в семьях, в которых как минимум один родитель родился за границей¹¹. Это число составляет 5,1% от числа детей, родившихся в США в семьях уроженцев США в выборке, что близко к оценке вклада иммиграции в период после 1960 г. в население страны на 1980 г. (5,8%).

Этническая классификация новых детей второго поколения в выборке Дженсена за 1980 г. также коррелирует с приведенной выше оценкой этнического состава мигрантов, прибывших после 1965 г. У Дженсена 17,9% детей второго поколения отнесены к числу азиатов, 6,8% — к чернокожим и 45,5% — к латиноамериканцам. Для латиноамериканцев в выборке не указаны сведения о расе, но содержится информация об их национальном происхождении. Из 1 564 детей, родившихся после 1965 г., 65% были выходцами из Мексики, 7,5% — кубинского происхождения, остальные 27,5% — представители всех других латиноамериканских национальностей. В *табл. 1* представлены отдельные социально-демографические характеристики детей, попавших в эту выборку, и, для сравнения, аналогичные данные для детей, родившихся в США в семьях уроженцев США.

Неудивительно, что среди подростков второго поколения гораздо шире распространен билингвизм, чем среди их ровесников — детей уроженцев США. Менее половины детей иммигрантов не владеют никаким языком, кроме английского, при этом английский не является родным языком для двух третей детей мигрантов. Среди детей уроженцев США английский является единственным языком общения в подавляющем большинстве случаев. На высокую степень лингвистической ассимиляции указывает тот факт, что только 12% второго поколения плохо говорят по-английски. Семьи с родителями-иммигрантами гораздо чаще относятся к городскому населению и проживают в центральных районах городов. Другое значительное отличие от семей уроженцев США заключается в их географическом распределении по штатам: 71% семей иммигрантов проживает в шести штатах, при том, что на те же штаты приходится всего 33% жителей США, родившихся в стране. Неудивительно и то, что родители-иммигранты, как правило, имеют более скромные социально-экономические характеристики

¹⁰ Passel J.S., Edmonston B. Immigration and Race...

¹¹ К раннему возрасту в большинстве случаев отнесен возраст младше 12 лет. См.: Jensen L. Children of the New Immigration.

Таблица 1. Некоторые характеристики молодежи второго поколения мигрантов, прибывших после 1965 г., и молодежи – уроженцев США, 1980 г., %, если не указано иное

Характеристики детей	Родители – иммигранты, прибывшие после 1965 г. (N = 3,425)	Родители – уроженцы США (N = 67,193)
Женский пол	46,8	47,4
Средний возраст, лет	7,5	11,9
Раса или этническая принадлежность:		
белые	27,4	78,9
чернокожие	6,8	14,4
латиноамериканцы, из них:	45,7	5,4
мексиканцы	29,7	3,3
кубинцы	3,5	0,0
другие	12,5	2,1
Азиаты, из них:	19,5	0,5
китайцы	4,3	0,1
филиппинцы	5,1	0,1
корейцы	2,6	0,0
вьетнамцы	1,4	0,0
другие	6,1	0,3
Знание английского языка:		
единственный язык	47,7	95,5
говорит очень хорошо	26,5	2,7
говорит неплохо	13,8	1,3
говорит плохо или не говорит	12,0	0,5
Язык, на котором говорят дома:		
английский	33,6	94,9
иной	66,4	5,1
Состав семьи:		
полная	89,7	79,0
отец-одиночка	1,5	2,7
мать-одиночка	8,8	18,3
Область проживания:		
город: центральный район	39,6	17,4
город: нецентральный район	48,4	49,8
смешанная	6,5	11,7
вне города	5,5	21,1
Штат проживания: ¹		
Калифорния	32,4	8,1
Нью-Йорк	12,8	7,2
Техас	9,9	6,1
Иллинойс	5,7	5,2
Флорида	5,0	3,5

Характеристики детей	Родители – иммигранты, прибывшие после 1965 г. (N = 3,425)	Родители – уроженцы США (N = 67,193)
Нью-Джерси	4,9	3,1
Средний доход семьи, долл.	19 502	23 414
Доля бедных	20,8	13,8
Продолжительность образования главы семьи, лет, в среднем	10,9	12,2
Продолжительность образования респондента, лет, в среднем ²	11,5	12,0
Незаконченное среднее образование ²	22,8	22,9
Тип средней школы:		
государственная	83,4	86,6
частная	16,6	13,4

¹ Шесть штатов с наиболее высокой концентрацией иммигрантов, прибывших после 1965 г.

² Только среди респондентов старше 20 лет, не продолжающих обучение.

Примечание. В выборке представлены молодые люди из семей, в которых был как минимум один родитель. Таблица основана на данных переписи 1980 г. из сборника Public Use Microdata Sample A, приведенных в работе: Jensen L. Children of the New Immigration: A Comparative Analysis of Today's Second Generation / Institute for Policy Research and Evaluation: Working Paper No. 1990-32. University Park: Pennsylvania State University, Aug. 1990.

ки, о чем свидетельствует более низкий семейный доход, более высокий уровень бедности и более низкий уровень образования главы семьи. В то же время среди этой группы населения неполные семьи встречаются примерно в 2 раза реже, чем среди уроженцев США. Большая прочность института семьи, возможно, является одним из факторов, влияющих на успехи второго поколения в области образования. Цифры, приведенные в *табл. 1*, показывают, что вероятность поступления в частную школу, успешного продолжения учебы и получения диплома о полном среднем образовании для детей иммигрантов не ниже, чем для детей уроженцев США¹².

Безусловно, данные сравнения основаны на обобщениях, которые сглаживают огромное многообразие внутри каждой социальной группы. Более того, и предварительные полевые исследования указывают на значительные различия в образовательных достижениях, языковом развитии и социально-психологических характеристиках молодежи из второго поколения. Особенно важно отметить различия в формах, которые принимает неизбежный процесс культурной ассимиляции, и влияние этого процесса на молодежь из разных национальных групп мигрантов. В последующих разделах будут рассмотрены эти различия и представлена их теоретическая интерпретация.

Проблема ассимиляции

Гаитянское иммигрантское сообщество Майами состоит из примерно 75 тыс. легальных иммигрантов и мигрантов с неурегулированным статусом. Многие из них продали все, что им принадлежало, чтобы оплатить проезд в Америку. Гаитяне первого поколения в значитель-

¹² Характеристики доступных данных таковы, что сравнительный анализ количества законченных классов, а также количества детей, перестающих ходить в школу, был проведен только для тех респондентов в возрасте 20 лет или старше, которые на момент исследования проживали с родителями. Результаты анализа могут не отражать жизненный опыт других представителей соответствующих групп. См.: Jensen L. Children of the New Immigration.

ной степени ориентированы на сохранение сильной национальной идентичности, которая в их понимании связана как с солидарностью внутри сообщества, так и с развитием сетевых отношений, помогающих мигрантам добиваться личного благосостояния¹³. Их попытки привить детям национальную гордость и стремление к успеху, однако, вступают в конфликт с тем, с чем сталкиваются их дети в школе. Маленькое Гаити примыкает к Либерти-Сити — основному району проживания афроамериканцев в центральной части Майами, и большинство гаитянских детей ходят в школы в этом бедном районе. Многие подростки — уроженцы США разделяют стереотипы, согласно которым гаитяне слишком покорны и зависимы по отношению к белому населению, они высмеивают их французский и креольский языки, а также гаитянский акцент. В результате дети-гаитяне второго поколения сталкиваются с конфликтом идей и ценностей: чтобы оставаться гаитянами, они вынуждены мириться с социальным остракизмом и продолжающимися нападками в школе; чтобы стать американцами — в данном случае афроамериканцами — им приходится отвергать представления своих родителей о том, что успех в Америке достигается за счет этнической солидарности и сохранения традиционных ценностей¹⁴.

Антагонизм по отношению к белому населению широко распространен среди молодежи из числа меньшинств, проживающих в бедных центральных районах, которые, критикуя устойчиво вновь прибывших мигрантов, вместе с тем открывают им глаза на то, как устроена дискриминация в Америке. Антагонизм этот зачастую выражается в отрицании ценности образования как инструмента социальной мобильности для всех без исключения молодых афроамериканцев, что напрямую противоречит ожиданиям иммигрантов-родителей. Академически успешные гаитяно-американские школьники, такие как Херби, предпринимают попытки сохранить свою этническую идентичность, поместив ее в афроамериканские культурные формы, такие как рэп-музыка. Однако многие идут по пути наименьшего сопротивления и полностью ассимилируются. Ассимиляция в данном случае подразумевает признание не мейнстримной культуры, а ценностей и норм бедноты центральных городских районов. В результате внутри иммигрантского сообщества постепенно размывается солидарность и исчезает взаимопомощь.

Исследователи все чаще указывают на парадоксальность форм, которые принимает ассимиляция для представителей современного второго поколения. Как показывает пример гаитянских иммигрантов, принятие мировоззрения и культурных традиций местного населения не обязательно становится, как в прошлом, первым шагом к социальной и экономической мобильности, но может приводить и к противоположному исходу. Напротив, дети иммигрантов, сохраняющие тесную связь с национальным сообществом, могут благодаря этому иметь лучшие возможности для образовательной и экономической мобильности за счет использования материального и социального капитала, доступного в их сообществе¹⁵.

Такое положение вещей переворачивает все представления о том, как иммигрантам следует добиваться успеха в американском обществе. Как можно понять из бесчисленных статей ученых и журналистов, общепринятые представления таковы: сначала иностранцы и их дети проходят процесс аккультурации, а затем стараются добиться признания и слиться с местным населением, и это воспринимается как необходимое условие для дальнейшего социального и экономического успеха. В противном же случае они остаются в составе этнических низшего

13 См.: Stepick A. Haitian Refugees in the U.S. (Report No. 52). L.: Minority Rights Group, 1982; Stepick A., Portes A. Flight into Despair: A Profile of Recent Haitian Refugees in South Florida // *International Migration Review*. 1986. No. 20. P. 329–350.

14 Эта оценка основана на результатах полевых исследований, проведенных в Майами в рамках подготовки к опросу иммигрантов — учеников государственных школ. Описание опроса и его предварительные результаты приведены в последнем разделе данной статьи.

15 По теме социального капитала см.: Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology* (Supplement). 1988. No. 94. S. 95–121; Portes A., Zhou M. Gaining the Upper Hand: Economic Mobility among Immigrant and Domestic Minorities // *Ethnic and Racial Studies*. 1992 (15 Oct.). P. 491–522. По теме этнического предпринимательства см.: Light I.H. *Ethnic Enterprise in America: Business and Welfare among Chinese, Japanese, and Blacks*. Berkeley: University of California Press, 1972; Wilson K., Martin W.A. *Ethnic Enclaves: A Comparison of the Cuban and Black Economies in Miami* // *American Journal of Sociology*. 1982. No. 88 P. 135–160.

и низшего среднего классов¹⁶. Эти представления о необходимых для мобильности условиях, столь глубоко укоренившиеся в национальном сознании, не подтверждаются растущим количеством эмпирического материала.

Более пристальный взгляд на отдельные кейсы показывает, что дело не в том, что традиционная модель ассимиляции оказалась «перевернута», а в том, что процесс стал сегментированным. Другими словами, важно, в какой сектор американского общества ассимилируется та или иная группа мигрантов. Вместо относительно однородного мейнстрима, *чьи* нравы и предрассудки диктуют единую траекторию интеграции, сегодня мы наблюдаем несколько различных форм адаптации. Одна из них воспроизводит давно известный процесс аккультурации и параллельной интеграции в белый средний класс; вторая ведет в прямо противоположном направлении к постоянной нищете и ассимиляции в низшие слои населения; третья постулирует связь между стремительным экономическим развитием и осознанным сохранением ценностей иммигрантского сообщества и присущей ему солидарности. Наличие тенденции к сегментной ассимиляции (*segmented assimilation*) неизбежно вызывает вопрос о том, почему некоторые иммигрантские группы более склонны к нисходящей ассимиляции (*downward assimilation*), и какие ресурсы позволяют другим группам избежать этого. В конечном счете для обоих возможных исходов ассимиляции существует общее объяснение. В следующем разделе представлена гипотеза о том, как происходит этот процесс и чем можно объяснить настолько разные исходы ассимиляции. Вслед за этим приведены примеры этих процессов на основании недавно проведенных эмпирических исследований.

Уязвимости и ресурсы

Наряду с особенностями семейного и личностного характера, социальный контекст, в котором оказываются вновь прибывшие иммигранты в новой стране, играет решающую роль в дальнейшей жизненной траектории их детей. Этот контекст можно описать как переменными общего характера — например, отношениями между отправляющей и принимающей странами и экономическим положением последней, так и более специфическими характеристиками, например, размером и структурой уже существующих в принимающей стране этнических сообществ. Концепция типов инкорпорации (*modes of incorporation*) представляет собой полезный теоретический инструмент для понимания этого многообразия. Согласно этой концепции, представленной в более ранних исследованиях и публикациях авторов статьи, типы инкорпорации определяются комплексом факторов, включающих государственную политику принимающей страны, ценности и стереотипы принимающего общества и характеристики этнического сообщества. Эти факторы могут быть представлены в виде «дерева контекстов», показанного на *рис. 1*. Эта схема позволяет в первом приближении ответить на поставленный выше вопрос¹⁷.

Однако чтобы дать объяснение исходам ассимиляции второго поколения и ее сегментной природе, необходимо присмотреться к разным типам инкорпорации с позиций иммигрантской молодежи. Три характеристики социального контекста, с которым сталкиваются вновь прибывшие мигранты в наши дни, являются уязвимостями в процессе ассимиляции, повышая вероятность нисходящей ассимиляции: цвет кожи, место проживания и коллапс социальных лифтов. Как было отмечено выше, большинство современных мигрантов не относятся к белым. Хотя на первый взгляд может показаться, что эта характеристика касается отдельных людей, а не общества в целом, на практике цвет кожи — это характеристика принимающего общества как такового. Сами по себе любой конкретный цвет кожи или отдельная раса не являются неизбежным источником предрассудков, и многие иммигранты никогда не сталкиваются с дискриминацией на их основе на родине. Именно за счет перемещения в новую социальную среду, которой присущи иные ценности и предрассудки, физические характеристики могут внезапно стать препятствием на пути к успеху.

Как уже было сказано, высокая концентрация семей мигрантов в городах, особенно в центральных районах, становится источником второй уязвимости, так как создает условия для

¹⁶ См.: Warner W.L., Srole L. *The Social Systems of American Ethnic Groups*. New Haven, CT: Yale University Press, 1945; Sowell T. *Ethnic America: A History*. N.Y.: Basic Books, 1981.

¹⁷ См.: Portes A., Rumbaut R.G. *Immigrant America: A Portrait*. Berkeley: University of California Press, 1990. Ch. 3.

тесного контакта между новоприбывшими и представителями этнических меньшинств, родившихся в США. Такая ситуация приводит к тому, что в глазах большинства общественное положение обеих социальных групп — иммигрантов и низших слоев местного населения — воспринимается как нечто общее. Более того, в городах дети второго поколения сталкиваются с контркультурой, которая сложилась в среде маргинализованной молодежи из числа местного населения в попытке справиться с ее собственной непростой ситуацией¹⁸. Социализация такого рода может происходить даже в тех случаях, когда родители первого поколения экономически успешны, а значит, у их детей нет объективных причин для того, чтобы противопоставлять себя культуре мейнстрима. Если такая социализация окажется успешной, она может фактически свести на нет надежды родителей на межпоколенческую мобильность.

Третья характеристика контекста, служащая источником уязвимости, связана с изменениями в экономике принимающего общества, приведшими к исчезновению карьерных лифтов межпоколенческой мобильности. Как отмечалось ранее, новые иммигранты зачастую становятся основным источником рабочей силы на трудоемких производствах, еще остающихся в городах, а также в растущем секторе бытовых услуг. Эти ниши, однако, дают мало возможностей для социального продвижения. Рост экономического неравенства в результате реструктуризации экономики привел к тому, что для вступления на карьерный путь, соответствующий их амбициям, детям иммигрантов необходимо получить доступ к профессиям, для которых требуется специальное образование. В состязании за вступление их детей в редущие ряды среднего класса родители-иммигранты должны не только мобилизовать набор ресурсов, который позволил бы детям совершить необходимые для этого шаги, но и доказать детям целесообразность восходящего продвижения. В противном случае ассимиляция может подразумевать отказ от ценностей и ожиданий мейнстримной культуры и принятие контркультурной позиции малоимущих групп населения, не имеющих возможностей для улучшения собственного экономического положения.

На картине, нарисованной выше, несколько сгущены краски. На самом деле раскол пока не настолько глубок. Профессии среднего уровня, требующие сравнительно скромных успехов в области образования, не исчезли полностью. В период с 1970 по 1980 г. количество людей, отнесенных в переписи населения США к работникам «высокоточных производств, ремесел и ремонтных работ», сократилось на 1,1%, однако все еще составляло 13,6 млн — 13% от всей гражданской рабочей силы с опытом работы. Работники, осуществляющие административно-хозяйственное обеспечение, по большей части офисные, составили еще 16,9%, т.е. 17,5 млн человек. В 1980 г. количество профессий, требующих высшего образования, увеличилось на 6% по сравнению с 1970 г., но на них по-прежнему приходилось менее пятой части — 18,2% — от общей численности американской рабочей силы¹⁹. Даже в крупнейших городах к концу 1980-х годов профессии, требующие только аттестата о среднем образовании, были очень распространены. Например, в Нью-Йорке в 1987 г. лица с полным или неполным школьным образованием занимали чуть более половины рабочих мест. Доля офисных работников, работников сферы обслуживания, квалифицированных производственных рабочих без высшего образования составляла 46%²⁰. Несмотря на эти цифры, нет никаких сомнений в том, что тенденция к сегментации по профессиональному признаку чем дальше, тем значительно сокращает возможности для поступательной восходящей мобильности за счет высокооплачиваемой работы на производстве. Тенденция такова, что сегодняшние иммигранты вынуждены за одно поколение проходить путь от работы начального уровня до высококвалифицированных профессий, который раньше занимал два или три поколения.

Различные типы инкорпорации вместе с тем дают доступ к трем видам ресурсов, позволяющим преодолевать трудности ассимиляции в современных условиях. Во-первых, некоторые группы — например, политические беженцы — имеют право на получение государственной поддержки, включая кредиты на образование детей. Программа «Кредиты кубинцам» (Cuban Loan Program), введенная при президенте Кеннеди в рамках плана по переселению кубин-

18 См.: Sullivan M.L. "Getting Paid": Youth, Crime, and Work in the Inner City. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1989. Ch. 1, 5.

19 U.S. Department of Commerce, Bureau of the Census. Census of Population and Housing, 1980: Public Use Microdata Sample A (MRDF). Washington, DC: Department of Commerce, 1983.

20 Bailey T., Waldinger R. Primary, Secondary, and Enclave Labor Markets: A Training System Approach // American Sociological Review. 1991. No. 56. P. 432–445.

ских беженцев из Южной Флориды, дала многим малоимущим молодым кубинцам первого и второго поколения возможность получить высшее образование. Большое количество высококвалифицированных работников и руководителей среди кубинско-американской рабочей силы в наши дни — их доля в сообществе сравнима с аналогичной для белых работников — в какой-то степени можно объяснить успехом этой программы²¹. Закон о беженцах, принятый в 1980 г., открыл последующим группам беженцев, в частности выходцам из Юго-Восточной Азии и Восточной Европы, доступ к схожим льготам²².

Во-вторых, некоторые группы иностранцев не сталкиваются с предрассудками, жертвами которых обычно становится большинство мигрантов, что способствует более плавному процессу адаптации. Примерами могут служить некоторые группы политических беженцев, такие как первые волны переселенцев из Кубы при Фиделе Кастро, венгры и чехи, покинувшие родные страны после военных вторжений, а также советские евреи, спасающиеся от преследования по религиозному признаку. В каких-то случаях более гладкий прием обеспечивает культурная и фенотипическая близость новоприбывших к принимающему населению. Примером тому могут служить ирландцы, приезжавшие в Бостон в 1980-е годы. Несмотря на то, что многие из них оказывались в Америке нелегально, они становились частью общества, в котором многие поколения ирландских американцев занимали достаточно прочное положение. Благодаря позитивному общественному отношению изначальная враждебность со стороны государственных властей была нейтрализована, и в результате в иммиграционное законодательство были внесены изменения, напрямую направленные на улучшение положения новоприбывших²³.

В-третьих, необходимо отметить важнейшую роль этнических сообществ, сложившихся в принимающих странах. Новоприбывшие мигранты, связанные с устоявшимися этническими сообществами, представленными в разных секторах экономики принимающей страны, с самого начала имеют доступ к ряду ценностных и материальных ресурсов, значительно превосходящих возможности, которые дают государственные программы поддержки. Помощь в получении образования для молодежи второго поколения может выражаться не только в доступе к стипендиям и кредитам на оплату высшего образования, но и в наличии системы частных школ, ориентированной на ценности иммигрантского сообщества. Учеба в таких частных этнических школах изолирует детей от контактов с молодежью из числа уроженцев принимающей страны, укрепляя при этом авторитет родительских взглядов и планов.

Помимо прочего, экономическая диверсификация, которой удалось добиться некоторым иммигрантским сообществам, способствует появлению этнических ниш, которые позволяют мигрантам второго поколения трудоустроиться, в том числе без необходимости получения высшего образования. Стажерские позиции на малых предприятиях, строительные профессии, требующие квалификации, а также и хорошо оплачиваемые рабочие места в местных государственных учреждениях — лишь некоторые из таких ниш, описанных в недавних исследованиях²⁴. В 1987 г. средний объем продаж, приходившихся на малое пред-

- 21 В 1989 г. высококвалифицированные работники и руководители составляли 25,9% от общей численности мужчин старше 16 лет кубинского происхождения. См.: Garcia J.M., Montgomery P.A. The Hispanic Population of the United States: March 1990 // Current Population Reports. Ser. P-20. No. 449. Washington, DC: Department of Commerce, 1991.
- 22 Portes A., Rumbaut R.G. Immigrant America: A Portrait. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 23–25; Bach R.L. и др. The Economic Adjustment of Southeast Asian Refugees in the United States // World Refugee Survey, 1983. Geneva: United Nations High Commission for Refugees, 1984. P. 51–55.
- 23 Закон о миграции 1990 г. содержит положения, направленные на упрощение легализации иммигрантов из Ирландии. Те, кто воспользовался этими положениями, известны под названием «ирландцы Кеннеди» в честь сенатора из Массачусетса, выступившего соавтором закона. См.: Fix M., Passel J.S. The Door Remains Open: Recent Immigration to the United States and a Preliminary Analysis of the Immigration Act of 1990. Working paper. Urban Institute and RAND Corporation, 1991. Об ирландцах в Бостоне см.: Tumulty K. When Irish Eyes Are Hiding... // Los Angeles Times. 1989. 29 Jan.
- 24 Bailey T., Waldinger R. Primary, Secondary, and Enclave Labor Markets: A Training System Approach // American Sociological Review. 1991. No. 56. P. 432–445; Zhou M. New York's Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave. Philadelphia: Temple University Press, 1992; Wilson K., Martin W.A. Ethnic Enclaves: A Comparison of the Cuban and Black Economies in Miami // American Journal of Sociology. 1982. No. 88. P. 135–160; Model S. The Ethnic Economy: Cubans and Chinese Reconsidered. Manuscript, University of Massachusetts at Amherst, 1990.

приятие с китайским, восточно-индийским, корейским или кубинским владельцем, превышал 100 тыс. долл. США в год; совместно они обеспечивали свыше 200 тыс. рабочих мест. В этой статистике не учтены средние и крупные этнические предприятия, отличающиеся гораздо более высокими продажами и количеством работников²⁵. Полевые исследования этих сообществ показывают, что до половины недавно прибывших иммигрантов работают в фирмах, принадлежащих членам соответствующего этнического сообщества, и что переход к самостоятельной предпринимательской деятельности является одним из основных механизмов мобильности для молодежи второго поколения²⁶. Возможности такого рода, предоставляемые сообществами, позволяют преодолевать разрыв между имеющимися ресурсами и устремлениями второго поколения без необходимости вступать в конкурентную борьбу на общем рынке труда. Благодаря созданию своего собственного «капитализма» некоторые иммигрантские группы, таким образом, смогли преодолеть дискриминацию и устранить угрозу исчезновения лифтов мобильности.

Напротив, представители групп иностранных меньшинств, еще не сформировавших этническое сообщество, или те, чье сообщество недостаточно состоятельно для оказания помощи, сталкиваются с менее благоприятными условиями. Положение гаитян в Южной Флориде, о которых говорилось ранее, служит примером одного из наиболее проблемных вариантов инкорпорации среди всех современных иммигрантских групп в связи с тем, что враждебное отношение государства и глубоко укорененные социальные предрассудки в этом случае сочетаются с отсутствием сильного принимающего сообщества²⁷. С точки зрения возможностей для второго поколения существование большого, но неуспешного этнического сообщества может быть даже менее желательным, чем полное отсутствие сообщества. Это связано с тем, что вновь прибывшие молодые люди вступают в прямой контакт с контркультурой, выработанной предыдущими поколениями. Ее влияние усиливается за счет того, что источником информации о «правильном» отношении к окружающей действительности для новоприбывших становятся люди того же национального происхождения, «такие, как мы», что придает этим источникам больший авторитет. В таких случаях установка первого поколения на восходящую мобильность, связанную с получением образования и освоением профессий, требующих высокой квалификации, сводится на нет.

Три примера

Мексиканцы и мексикано-американцы

Средняя школа Филд (название изменено) находится в небольшом прибрежном городке в центральной Калифорнии, экономика которого с давних пор завязана на сельскохозяйственное производство и труд иммигрантов. Около 57% учащихся в школе — мексиканского происхождения. Первым этапом углубленного этнографического исследования класса 1985 г. выпуска в школе Филд стало изучение школьного журнала, которое показало, что большинство школьников — уроженцев США с испанскими фамилиями, начавших учиться в 1981 г., к последнему классу перестали посещать занятия. При этом среди тех, кто при приеме был отнесен школой к числу имеющих ограниченный уровень владения английским языком (LEP), были лишь 35%. Для данной группы этот показатель был даже ниже, чем для белых учеников — уроженцев США (40%). Статус LEP обычно приписывают недавно прибывшим мексиканским иммигрантам²⁸.

25 U.S. Department of Commerce. Bureau of the Census, Survey of Minority-Owned Business Enterprises, 1987, MB-2 and MB-3. Washington, DC: Department of Commerce, 1991.

26 Portes, A. Stepick, A. Unwelcome Immigrants: The Labor Market Experiences of 1980 (Mariel) Cuban and Haitian Refugees in South Florida // American Sociological Review. 1985 (Aug.). No. 50. P. 493–514; Zhou M. New York's Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave. Philadelphia: Temple University Press, 1992; Guarnizo L.E. One Country in Two: Dominican-Owned Firms in New York and the Dominican Republic: Thesis for the degree of PhD. Johns Hopkins University, 1992; Bailey T., Waldinger R. Primary, Secondary, and Enclave Labor Markets: A Training System Approach // American Sociological Review. 1991. No. 56.

27 Stepick A. Haitian Refugees in the U.S. Report No. 52. L.: Minority Rights Group, 1982; Miller J.C. The Plight of Haitian Refugees. N.Y.: Praeger, 1984.

28 Matute-Bianchi M.G. Ethnic Identities and Patterns of School Success and Failure among Mexican-Descent and Japanese-American Students in a California High School // American Journal of Education. 1986 (Nov.).

В ходе этнографического полевого исследования было выявлено несколько категорий, на которые можно разделить население мексиканского происхождения. На одном конце спектра были новоприбывшие мексиканские иммигранты. Они одевались не так, как остальные — неброско, были мексиканцами по самоидентификации и считали Мексику своим постоянным домом. Наиболее успешными в академическом плане из этой группы были те, кто лучше всех говорил по-испански, что отражало уровень образования, ранее полученного ими в Мексике. Практически все преподаватели и сотрудники школы описывали их как людей учтивых, серьезно относящихся к учебе, вежливых и услужливых, но также наивных и бесхитростных. Это они обычно получали статус LEP.

В следующую категорию вошли школьники, сохранявшие ориентацию на Мексику. Они говорили дома по-испански и при этом, как правило, относились к числу свободно владеющих английским языком (FER). Наличие крепких бикультурных связей как с Мексикой, так и с Соединенными Штатами отражало тот факт, что большинство из них родились в Мексике, но прожили в США более пяти лет. Они гордились своим мексиканским наследием, но считали, что отличаются от представителей первой группы, *reciénllegados* (недавно прибывших), а также от родившихся в США чикано и чоло, к которым относились с презрением, как к людям, отказавшимся от своих мексиканских корней. Школьники из этой группы много играли в футбол и принимали активное участие в праздновании 5 мая, годовщины поражения французских оккупационных сил в Мексике. Практически все учащиеся мексиканского происхождения, которые в 1981 г. закончили учебный год в верхних 10% класса по успеваемости, относились к этой группе.

Однозначно крупнейшей группой мексиканского происхождения в школе Филд были чикано. По большей части это были дети второго и третьего поколений, родившиеся в США, воспринимающие себя в качестве группы, находящейся в конфликте с белым обществом, и лояльные этой группе. Чикано презрительно называли успешных мексиканских учащихся «школьниками» и «школьницами», а также «подражателями». Как пишет М.Г. Матуте-Бьянки, «быть чикано на практике значило проводить время за школой... **не** обедать на той же площадке, где проводят время “гринго” и “школьники”... прогуливать уроки, подделав записку от родителей, чтобы пойти с друзьями в 7–11 (магазин с кафе)... сидеть в классе на последнем ряду и ничего не делать... **не** приносить учебники в класс... **не** выбирать сложные предметы... делать все по минимуму»²⁹.

Чикано имели много общего с последней категорией, чоло, которые считались «крутыми парнями» и гангстерами. Это тоже уроженцы США мексиканского происхождения; их было легко узнать по особой манере одеваться, ходить, говорить и другим культурным символам. Чикано и чоло обычно воспринимались преподавателями как «безответственные», «невежливые», «недоверчивые», «угрюмые», «безразличные» и «наименее мотивированные», а их плохая академическая успеваемость связывалась с этими характеристиками³⁰. Согласно Матуте-Бьянки, по мнению самих чикано и чоло, они стояли перед навязанной извне дилеммой выбора между академической успеваемостью и тем, чтобы оставаться чикано. Вести себя, как белые, считалось предательством «своей» группы.

Ситуация, в которой находились последние две группы, является ярким примером серьезного расхождения между реальными возможностями первого поколения и ожиданиями последующих поколений. Наблюдая за своими родителями, дедушками и бабушками, не имеющими возможности выйти за рамки низкостатусной грубой работы, и постепенно осознавая уровень дискриминации по отношению к ним в белом мейнстриме, родившиеся в США дети предыдущих поколений мексиканских мигрантов с готовностью включают в контркультуру, которая позволяет им сохранить чувство собственного достоинства. Погружение в контркультуру, в свою очередь, создает значительные барьеры к восходящей мобильности, поскольку успеваемость в школе воспринимается как нечто противоречащее этнической солидарности. Подобно гаитянским учащимся в школе Эдисон, социальный круг новоприбывших мекси-

No. 95. P. 233–255. Общий обзор результатов исследования приведен в: Rumbaut R.G. Immigrant Students in California Public Schools: A Summary of Current Knowledge. Report No. 11. Center for Research on Effective Schooling for Disadvantaged Children Johns Hopkins University, 1990 (Aug.).

²⁹ Matute-Bianchi M. Ethnic Identities and Patterns, 1986. P. 25

³⁰ Rumbaut. Immigrant Students. P. 25.

канских школьников рискует привить им свой контркультурный взгляд на мир. Этому будет способствовать то, что такой подход к жизни разделяют другие «мексиканцы», а не «чужаки» местного происхождения. Основной способ избежать такого типа ассимиляции в случае мигрантов мексиканского происхождения заключается в сильной идентификации с языком и ценностями родной страны, что укрепляет связь детей с культурной позицией родителей.

Сикхи-панджабцы в Калифорнии

Валлисайд (название вымышленное) — городок в северной Калифорнии, где основной экономической деятельностью является выращивание фруктов. Среди сельскохозяйственных работников много мигрантов индийского происхождения, в основном это сикхи из сельского Панджаба. К началу 1980-х годов панджабские дети второго поколения составляли 11% учащихся в школе Валлисайд. В числе их родителей были уже не только сельскохозяйственные работники: около трети завели собственные фруктовые фермы, еще треть работала на фабриках в окрестностях близлежащего Сан-Франциско. Этнографическое исследование школы Валлисайд в 1980–1982 гг. показало, что процесс ассимиляции школьников из числа сикхов-панджабцев шел очень сложно. По словам автора исследования М.А. Гибсона, Валлисайд — это «город батраков» (*redneck country*), белые жители которого крайне враждебно настроены по отношению к иммигрантам, выглядящим иначе и говорящим на другом языке: «Подросткам-панджабцам говорят, что от них воняет... говорят, чтобы они ехали обратно в Индию... белые школьники издеваются над ними, плюются, отказываются сидеть рядом с ними в классе или автобусе, бросаются едой или чем-то еще хуже»³¹.

Несмотря на эти нападения, а также на дискриминацию со стороны школьного персонала, успеваемость школьников-панджабцев оказалась выше, чем у большинства англоязычных студентов. Окончили среднюю школу около 90% молодых иммигрантов и только 70–75% местных белых. Успеваемость у панджабских мальчиков была выше, чем средняя по классу; они чаще попадали в продвинутые классы по естественным наукам и математике и выражали стремление к продолжению карьеры в области науки и техники. Девочки, как правило, выбирали предметы из области бизнеса, но реже говорили о карьерных планах в краткосрочной перспективе, что отражало желания их родителей, которые считали, что сначала необходимо выйти замуж. Такое гендерное различие свидетельствует о сохраняющемся сильном влиянии иммигрантского сообщества на свое второе поколение. По словам Гибсона, панджабские родители оказывали давление на своих детей, не допуская слишком много контактов с белыми сверстниками, которые могли «обесчестить» семьи иммигрантов, и критиковали тех подростков, которые «американизировались», т.е. забыли свои корни и принимали самые отрицательные, в глазах родителей, черты большинства. К таковым относились: уход из дома в возрасте 18 лет, принятие решений без согласия родителей, свидания и танцы. В то же время родители призывали детей соблюдать школьные правила, игнорировать расистские высказывания и избегать драк, а также приобретать полезные навыки, в том числе полностью освоить английский язык³².

Общий успех этой стратегии выборочной ассимиляции в американском обществе примечателен с той точки зрения, что панджабские иммигранты на момент прибытия в США, как правило, были очень бедны и сталкивались с широко распространенной дискриминацией со стороны белых, не имея при этом доступа к помощи со стороны государства или устоявшейся общины-диаспоры. В рамках предложенной выше типологии уязвимостей и ресурсов можно интерпретировать ситуацию как представляющую значительную угрозу для второго поколения сикхов-панджабцев. Два важнейших фактора позволили ее минимизировать. Во-первых, родители-иммигранты не поселились в центральных городских районах или в непосредственной близости от какого-либо местного меньшинства, чьи дети могли бы послужить примером альтернативной модели адаптации к дискриминации со стороны белого большинства. В частности, отсутствие неуспешной индийско-американской общины, которая состояла бы

31 Gibson M.A. *Accommodation without Assimilation: Sikh Immigrants in an American High School*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1989. P. 26

32 Gibson M.A. *Accommodation without Assimilation*. Общий обзор исследования приведен в: Rumbaut. *Immigrant Students*. P. 22–23.

из детей предшествующих волн иммигрантов, позволило родителям сформировать у своих детей особую жизненную позицию, включавшую также способы борьбы с предрассудками белых. В данной ситуации не существовало эквивалента контркультуры, такой как чоло, которая представила бы альтернативную схему поведения «таких как мы».

Во-вторых, иммигрантам-панджабцам удалось добиться значительного экономического успеха, о чем свидетельствует число владельцев фермерских хозяйств, оставаясь при этом членами сплоченного национального сообщества. Экономический и социальный капитал, созданный этим сообществом первого поколения, компенсировал отсутствие устоявшейся диаспоры и оказал решающее влияние на будущее второго поколения. Панджабские подростки видели, что родительский уклад оправдал себя с экономической точки зрения, и этот факт, наряду со сплоченностью их сообщества, служил для них источником гордости, позволяющим нейтрализовать психологические эффекты дискриминации. Благодаря этой стратегии выборочной ассимиляции сикхи-панджабцы на момент проведения исследования смогли на шаг опередить неизбежную аккультурацию своих детей и принятие ими американских ожиданий от жизни.

Карибская молодежь в Южной Флориде

Вероятно, из всех американских городов именно Майами подвергся наиболее значительной трансформации в результате миграционных потоков в период после 1960 г. Эта трансформация не в последнюю очередь стала следствием Кубинской революции, когда сначала вся верхушка кубинского общества, а затем и тысячи беженцев более скромного происхождения покинули страну. Со временем кубинцы создали весьма разнообразное и процветающее этническое сообщество, которое предоставило ресурсы для адаптации второго поколения. Свидетельством этого служат средний доход кубинской семьи, который к 1989 г. приблизился к показателям уроженцев США, наличие в 1987 г. более 30 тыс. малых предприятий, принадлежащих кубинцам, которые составили ядро этнического анклава Майами, а также рост системы частных школ, ориентированных на ценности и политические взгляды этого сообщества³³. Что же касается типологии уязвимостей и ресурсов, то благополучные кубинско-американские подростки почти не сталкиваются с дискриминацией, мало контактируют с молодежью из малоимущих меньшинств, а развитие анклава создает экономические возможности за пределами сужающихся промышленного и туристического секторов, от которых зависят большинство других групп иммигрантов в этом районе. На другом конце города, однако, гаитянские американские подростки, как показано выше, сталкиваются с совершенно противоположными условиями.

Среди других иммигрантских групп, из которых составлена этническая мозаика Майами, две заслуживают отдельного упоминания, поскольку они находятся в промежуточном положении между условиями, с которыми сталкиваются кубинцы и гаитяне. Первая — это никарагуанцы, бежавшие от режима сандинистов в 1980-х годах. Они не встретили столь теплого приема в Соединенных Штатах, как кубинские изгнанники, и не смогли создать большое и экономически диверсифицированное сообщество. Тем не менее они имеют общие с кубинцами язык и культуру, а также ярко выраженные антикоммунистические взгляды. Общая политическая позиция побудила кубинское американское сообщество направить ресурсы на поддержку никарагуанских братьев по несчастью, сгладив для них процесс адаптации³⁴. Для второго поколения никарагуанцев это означает, что моделью ассимиляции для них служит не одна из угнетенных групп, а укорененное, экономически и политически успешное этническое сообщество кубинцев.

Во вторую группу входят уроженцы Вест-Индии: выходцы из Ямайки, Тринидада и других англоязычных карибских республик. Обычно они приезжают в Майами как легальные иммигранты, у многих есть профессиональная квалификация и опыт ведения бизнеса; они хорошо владеют английским языком. Однако в контексте принимающего общества, в котором этих преимущественно чернокожих иммигрантов воспринимают в рамках той же категории,

³³ Garcia and Montgomery. Hispanic Population; U.S. Department of Commerce, Bureau of the Census, Survey of Minority-Owned Business Enterprises, MB-2.

³⁴ Portes A., Stepick. City on the Edge. Ch. 7.

что и местное афроамериканское население, подвергая той же дискриминации, эти преимущества сводятся на нет. Новизна миграции из Вест-Индии и незначительный поток мигрантов оттуда препятствовали развитию экономически диверсифицированного этнического сообщества в Южной Флориде. В связи с этим новоприбывшие подвергаются дискриминации со стороны белых в полной мере. Они не защищены большим этническим сообществом и одновременно с этим наблюдают положение бедных меньшинств из центральных районов, примеривая на себя принятые среди них взгляды. Несмотря на значительные индивидуальные ресурсы у этих иммигрантов, такое положение вещей чревато тем, что второе поколение вест-индцев откажется от модели белого населения и даже среднего класса местных афроамериканцев в пользу ассимиляции в культуру низших слоев общества.

Недавно проведенный опрос учащихся 8-х и 9-х классов в школах округов Дейд (Майами) и Бровард (Форт-Лодердейл) показал, что среди учащихся есть значительное количество кубинских, гаитянских, никарагуанских и вест-индских детей второго поколения. Исследователи отнесли ко «второму поколению» тех, кто родился в США и имел хотя бы одного родителя из-за рубежа, и тех, кто родился за границей и прожил в США по меньшей мере пять лет. В выборку вошли все соответствующие данным критериям ученики выбранных школ. Опрос проводился как в городских, так и в пригородных государственных школах, а также в частных школах и школах с высокой долей учащихся из конкретных групп иностранного происхождения. В выборку было включено одинаковое число мальчиков и девочек; возраст участников опроса колебался от 12 до 17 лет³⁵.

В *табл. 2* представлены ответы учащихся второго поколения из названных этнических групп на ряд вопросов о мировоззрении и самоидентификации. Большая выборка кубинского происхождения разделена на тех, кто учится в государственных и частных школах. Значительные социально-экономические различия между четырьмя группами указаны в первой части *табл. 2*. У кубинских детей, обучающихся в частных школах, родители — самые образованные и занимающиеся наиболее престижными видами деятельности. У гаитян из государственных школ родители занимают самое низкое положение по обоим измерениям. Промежуточные позиции занимают никарагуанцы и вест-индцы, родители которых зачастую имеют более высокий средний уровень образования, чем родители кубинских детей из государственных школ, но занимают примерно то же положение на рынке труда, что и эти кубинцы. Как следствие, более половины кубинских респондентов из частных школ и лишь треть гаитян и никарагуанцев считают, что они относятся к верхним слоям среднего класса³⁶.

В следующей части *табл. 2* представлены различия в этнической самоидентификации. Менее одной пятой этих школьников второго поколения идентифицируют себя как просто американцев. Наиболее высока доля таких респондентов среди кубинцев более высокого статуса, но даже в этой группе почти две трети считают себя кубинцами или американскими кубинцами — почти столько же, сколько среди их сверстников в государственных школах. Очень немногие кубинцы называют себя «латиноамериканцами». Никарагуанские студенты, с другой стороны, называют себя таким образом почти так же часто, как собственно никарагуанцами. Ни одна из латиноамериканских групп не идентифицирует себя в качестве «черных». Напротив, среди гаитян и вест-индцев примерно одна десятая уже признали себя афроамериканцами. По самоидентификации гаитяне похожи на никарагуанцев в том, что они менее привязаны к стране происхождения и чаще пользуются надэтническими категориями, чем это делают кубинцы или выходцы из Вест-Индии. В общей сложности около половины гаитянских детей идентифицируют себя не как «гаитяне», а как-то иначе.

Как видно из следующей части *табл. 2*, уровень амбиций по выборке высок. Несмотря на значимые расхождения в части планов получения высшего образования по группам, по крайней мере четыре пятых каждой из групп рассчитывают достичь этого уровня образования.

35 Portes A., Perez L. Children of Immigrants: The Adaptation Process of the Second Generation. Исследование проводится факультетом социологии Университета Джонса Хопкинса.

36 Из-за большого размера выборки для данных расчетов был выбран критерий статистической значимости $p = 0,001$. Основной мерой связи служит коэффициент V^2 Крамера, имеющий перед другими коэффициентами преимущество в виде фиксированной области значений от 0 до 1. Чем выше значение, тем сильнее связь. *Eta* определяется схожим образом, но используется только для переменных постоянного рабочего статуса родителей.

Кроме того, примерно 70% школьников каждой национальности стремятся к профессиональной или бизнес-карьере. Эти неизменно высокие амбиции респондентов контрастируют с отмеченной выше значительной разницей в том, как они же оценивают социально-экономическое положение родителей, и в том, в какой степени они сталкиваются с дискриминацией. Восприятие дискриминации рассмотрено в следующей части *табл. 2*, где показаны представления подростков о реалиях американского общества. Две группы, в которых чернокожие составляют большинство, указывают на наличие опыта дискриминации по отношению к себе в два-три раза чаще, чем кубинцы. Большинство молодых людей из Гаити и Вест-Индии указали, что подвергались дискриминации, а около 20% отметили, что сталкивались с дискриминацией со стороны учителей. В противовес этому только 5% кубинцев из частных школ сообщили о таких инцидентах. На промежуточной позиции находятся никарагуанцы, 50% из них сообщают о собственном опыте дискриминации, а 13% указывают, что она исходила от их учителей.

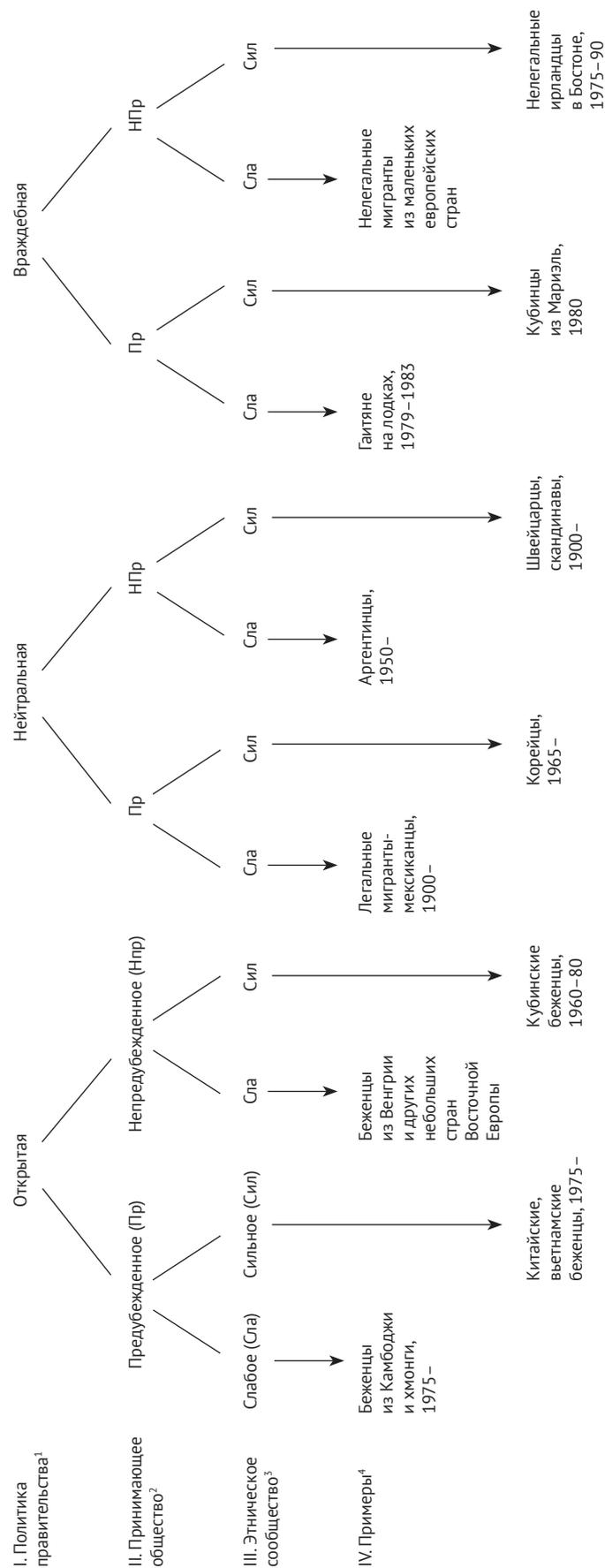
В соответствии с этим личным опытом гаитянские и вест-индские подростки чаще соглашались с утверждением, что в США существует расовая дискриминация в области экономических возможностей, и не соглашались с тем, что небелые имеют равные возможности с белыми. Интересно, что эту негативную оценку разделяют с ними кубинцы, которые учатся в частных школах. Такой результат может отражать большую информированность и классовую осведомленность последней группы относительно их менее привилегированных латиноамериканских сверстников. Тем не менее все учащиеся-кубинцы расходятся с остальной частью выборки в общей оценке США. Примерно три четверти кубинцев второго поколения согласились с утверждением «Соединенные Штаты — лучшая страна в мире», в то время как среди никарагуанцев только половина разделяла эту точку зрения, а две преимущественно черные группы заняли откровенно менее восторженную позицию. Эти существенные различия иллюстрируют разную степень идентификации со страной и местным сообществом среди детей из сообществ, в разной степени испытывающих дискриминацию.

При учете места рождения (в США или за границей) разница между группами становится чуть менее острой, но общая тенденция не меняется. Результаты этого опроса на практике показывают расхождение между общими карьерными устремлениями и весьма различными узвимостями и доступными ресурсами, связанными с типом инкорпорации их первого поколения. Каждая из групп, независимо от происхождения, обладает высокими амбициями; однако социально-экономические характеристики родителей, ресурсы этнического сообщества (например, наличие системы частных школ) и уровень дискриминации сильно отличаются от группы к группе. Все это имеет важнейшее значение для формирования мировоззрения молодежи второго поколения даже в раннем возрасте и, вероятно, окажет сильное влияние на ход их будущей ассимиляции. Эти различия особенно ярко проявляются в том, с каким энтузиазмом дети из семей благополучных иммигрантов принимают новую родину своих родителей, и в том, насколько менее оптимистичны взгляды тех, кто находится в более сложной ситуации.

Заключение

Последняя часть *табл. 2* указывает на еще одну любопытную характеристику нынешнего второго поколения. Респонденты из группы, находящейся в наилучшем положении, — кубинцы из частных школ — реже всего вступают в личные отношения с людьми, не относящимися к своему этническому кругу, а члены наименее благополучной группы — гаитяне — делают это, наоборот, чаще всех. В общем и целом три группы латиноамериканцев в подавляющем большинстве выбирают друзей из числа детей иммигрантов, в основном одного с ними этнического происхождения. Среди гаитян и выходцев из Вест-Индии так же поступает меньше половины респондентов, что указывает на гораздо более плотный контакт с местной молодежью. Более того, у респондентов-гаитян другие подростки гаитянского происхождения не составляют большинства даже среди друзей, родители которых родились за рубежом.

Дилемма, с которой 50 лет назад сталкивалась американская молодежь итальянского происхождения, исследованная Ирвином Чайлдом, заключалась в необходимости выбора между ассимиляцией в американский мейнстрим, влекущей за собой отказ от культурного наследия

Рис. 1. Типы инкорпорации: типология

- 1 Открытая политика определяется как право на въезд с оказанием помощи в переселении, нейтральная — как право на въезд без помощи в переселении, враждебная — как активное сопротивление въезду или постоянному проживанию членов группы в стране.
- 2 Предубежденное отношение определяется как отношение к группам, не относящимся к фенотипически белым, непредубежденное — как отношение к европейским группам или группам европейского происхождения.
- 3 Слабое этническое сообщество — сообщество либо небольшого размера, либо состоящее по большей части из работников физического труда; сильное этническое сообщество отличается сосредоточением значительного количества людей и диверсифицированной структурой рабочей силы, которая включает предпринимателей и высококвалифицированных работников.
- 4 В пример приведены группы иммигрантов, въезжавших в страну с начала века по сегодняшний день. Даты приведены примерно. Примеры отражают общие характеристики каждого типа, но не воплощают их целиком.

родителей, и отказом от взаимодействия с внешним миром за счет самоизоляции внутри этнического сообщества. В современном контексте сегментной ассимиляции выбор, встающий перед иммигрантами, сложнее. Так, дети небелых иммигрантов вне зависимости от уровня аккультурации к белому среднему классу зачастую даже не имеют доступа. Ассимиляция же в те местные сообщества, к которым у них доступ есть, может, в свою очередь, оказаться путем к неблагополучной жизни и постоянному ущемлению в правах. В этих обстоятельствах изоляция внутри диаспоры может являться не столько примером эскапизма, сколько наилучшей стратегией для извлечения выгоды из материальных и ценностных ресурсов, недоступных в ином случае. Как показывает опыт сикхов-панджабцев и кубино-американских школьников, стратегия постепенной селективной ассимиляции может стать лучшим выбором для представителей иммигрантских меньшинств. Но мера, в которой эта стратегия возможна, также зависит от истории каждой группы и набора уязвимостей и ресурсов, характеризующих каждую из них. Представленный здесь анализ позволяет сделать первый шаг к пониманию этих реалий.

Таблица 2. Ответы учащихся второго поколения из различных этнических групп на ряд вопросов о мировоззрении и самоидентификации

	Кубинцы в частных школах (N = 172)	Кубинцы в государственных школах (N = 968)	Гаитяне (N = 136)	Никарагуанцы (N = 319)	Вест-индцы (N = 191)	Всего (N = 1786)	P <	V ² или Eta
Социально-экономические характеристики								
Высшее образование у отца	50,0	21,4	11,0	38,6	18,8	26,1	0,001	,27
Высшее образование у матери	39,0	17,5	11,0	28,2	26,2	21,9	0,001	,15
Профессия отца, средняя оценка престижности ¹	52,6	44,2	37,6	43,7	43,6	44,5	0,001	,22
Профессия матери, средняя оценка престижности ¹	51,1	45,1	39,7	40,1	44,8	44,3	0,001	,23
Обеспеченная или относящаяся к верхним слоям среднего класса семья ²	57,0	42,7	37,5	35,4	49,2	43,1	0,001	,10
Самоидентификация:								
Американец	33,1	19,9	16,2	10,0	16,2	18,8	0,001	,64
Афроамериканец	–	–	12,5	–	9,9	2,2	0,001	,64
Латиноамериканец	3,5	7,6	1,5	39,5	0,5	11,7	0,001	,64
Кубинец ³	61,6	67,5	–	0,3	–	42,6	0,001	,64
Гаитянин ³	–	–	53,7	–	3,1	4,4	0,001	,64
Никарагуанец ³	–	0,6	–	44,8	–	8,3	0,001	,64
Другая национальность	1,8	4,4	16,2	5,3	70,2	12,2	0,001	,64
Амбиции:								
Высшее образование ⁴	97,1	82,6	86,7	79,0	84,8	83,9	,001	,11
Высококвалифицированная профессия или бизнес	72,1	70,0	75,0	69,9	71,2	70,6	–	,06

	Кубинцы в частных школах (N = 172)	Кубинцы в государственных школах (N = 968)	Гаитяне (N = 136)	Никарагуанцы (N = 319)	Вест-индцы (N = 191)	Всего (N = 1786)	P <	V ² или Eta
Восприятие дискриминации:								
Когда-либо сталкивался с дискриминацией	29,1	38,2	67,6	50,8	64,4	44,6	0,001	,23
Сталкивался с дискриминацией со стороны учителей	5,2	12,5	16,2	13,5	23,6	13,4	0,001	,13
Отношение к американскому обществу – согласен с утверждением:								
Расовая дискриминация в области экономических возможностей существует	91,3	79,2	84,6	81,5	89,5	82,3	0,001	,11
У небелых равные возможности с белыми	30,8	53,6	44,9	52,4	41,9	49,3	0,001	,14
США – лучшая в мире страна	79,7	68,9	36,0	49,8	35,1	60,4	0,001	,30
Друзья								
Много или большинство друзей имеют родителей из других стран	93,6	73,1	46,3	75,2	43,5	70,2	,001	,22
Родители друзей								
Кубинцы	89,5	58,7	2,9	11,3	4,2	43,1	,001	,44
Гаитяне	–	1,2	30,1	1,3	12,6	4,5	,001	,44
Никарагуанцы	7,6	24,8	2,9	69,0	2,1	26,9	,001	,44
Вест-индцы	–	6,2	46,3	7,2	62,8	14,9	,001	,44
Другие национальности	2,9	9,1	17,7	11,2	18,3	10,6	,001	,44

- ¹ Только для родителей, имеющих постоянное место работы. Оценка по международной шкале престижа Треймана.
- ² По определению респондента.
- ³ Включая самоидентификацию «американский...» – например, «американский никарагуанец».
- ⁴ Ожидания респондентов относительно уровня образования, который они считают возможным получить.

ALEJANDRO PORTES, MIN ZHOU

THE NEW SECOND GENERATION: SEGMENTED ASSIMILATION AND ITS VARIANTS

Alejandro Portes, Howard Harrison and Gabrielle Snyder Beck Professor of Sociology and director of the Center for Migration and Development at Princeton University.

Min Zhou, Professor of Sociology & Asian American Studies, Walter and Shirley Wang Endowed Chair in U.S.-China Relations and Communications, and the founding chair of Asian American Studies Department (2001–2005) at UCLA.

Abstract

Post-1965 immigration to the United States has given rise to a vigorous literature focused on adult newcomers. There is, however, a growing new second generation whose prospects of adaptation cannot be gleaned from the experience of their parents or from that of children of European immigrants arriving at the turn of the century. We present data on the contemporary second generation and review the challenges that it confronts in seeking adaptation to American society. The concept of segmented assimilation is introduced to describe the diverse possible outcomes of this process of adaptation. The concept of modes of incorporation is used for developing a typology of vulnerability and resources affecting such outcomes. Empirical case studies illustrate the theory and highlight consequences of the different contextual situations facing today's second generation.

Авторам

**МЫ ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ»!**

«Городские исследования и практики» (Печатная версия ISSN 2500-1604, Электронная версия ISSN 2542-0003) – это международный научный рецензируемый журнал, выпускаемый Высшей школой урбанистики им. А.А. Высоковского НИУ ВШЭ.

Журнал является новой площадкой, на которой начинающие и уже опытные городские исследователи и практикующие специалисты в области градостроительства могут обмениваться опытом и знаниями с помощью эмпирических и теоретических исследовательских статей, рецензий, обзоров статей, монографий российских и зарубежных авторов.

Мы будем рады сотрудничеству с авторами, область научных интересов которых затрагивает городские исследования, городское планирование, транспорт, экономику городов, социологию и антропологию города, географию, экистику, искусство в городе, архитектуру, дизайн и новые городские технологии и т.п.

Дизайн журнала позволяет задействовать в тексте самые разнообразные средства презентации: формулы, графики, карты, фотографии и пр.

К публикации принимаются оригинальные, ранее не опубликованные рукописи на русском и английском языках, сопровождающиеся любыми необходимыми визуальными материалами. Объем статей – до 60 тыс. знаков, объем рецензий, обзоров – до 10 тыс. знаков.

Если вы планируете написать для нас рецензию, пришлите заявку на электронный адрес редакции журнала, указав в ней название рецензируемой монографии и краткую информацию о себе.

Материалы с пометкой «Статья» («Рецензия») в теме письма присылайте на нашу электронную почту: usp_editorial@hse.ru

Более подробную информацию о журнале можно получить по ссылке <https://usp.hse.ru/>

Call for Papers

THE URBAN STUDIES AND PRACTICES JOURNAL INVITES AUTHORS TO CONTRIBUTE PAPERS FOR PUBLICATION.

The Journal of Urban Studies and Practices (Print ISSN 2500-1604, Online ISSN 2542-0003) is a high-quality open access peer-reviewed research journal that is published by Vysokovsky Graduate School of Urbanism at National Research University Higher School of Economics.

The journal provides a platform for starting and experienced researchers and urban planning practitioners to share their knowledge and expertise in the form of high-quality empirical and theoretical research papers as well as reviews of books and academic literature. It publishes research papers in the fields of urban studies, urban planning, urban transportation, urban economics and sociology, anthropology, urban geography, ekistics, new city technologies, urban art, architecture and urban design.

The journal is published on a quarterly basis and is available both in print and online. A typical article should be limited to 60,000 characters including abstract, references, notes, appendices, tables and figures. A book review should not exceed 10,000 characters. The articles/reviews are accepted in English or Russian. The design of the journal is tailored to accommodate plain text, formulas, graphs, maps, photos, etc.

We kindly invite you to submit papers for the next issues of the Journal of Urban Studies and Practices.

Please send your manuscript for review to usp_editorial@hse.ru (email subject "Article" or "Review").

For more information about the journal please visit <https://usp.hse.ru/en/about>.

Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 16.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6